

Есенгараев Есет Жемисбекович

ОБЩЕСТВО ИНСТИТУТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА

Посвящается моим родителям

Оглавление

Введение.....	7
1. Типы общественных систем.....	14
1.1. Проблема типологии обществ.....	14
1.2. Общественная система иерархического типа.....	35
1.3. Полицентрическое общество.....	46
1.4. Общественная система смешанного типа.....	58
2. Эволюция общественных систем.....	67
2.1. Проблема развития общественных систем.....	67
2.2. Экономические и технологические концепции общественного развития.....	74
2.3. Структурные подходы к проблеме развития.....	79
2.4. Институционализм.....	81
Концепция социального конструирования реальности Питера Бергера и Томаса Лукмана.....	94
Структура социокультурных когниций.....	100

2.5. Советская модернизация.....	110
Особенности советских институтов.....	110
Социокультурные ценности и нормы советского общества.....	120
Советская стратификация.....	128
Кризис советской системы.....	132
2.6. Проблема модернизации постсоветских обществ.....	144
2.7. Основные выводы по проблеме развития общественных систем.....	154
Литература.....	172
Беседы об обществе.....	185
Проблема идентичности в современном мире.....	238
Проблемы справедливости, свободы и демократии в современном мире.....	277
Практиковать сложность.....	302
Дополнения к интервью в 2015 году.....	309

Введение

В этой книге собраны мои размышления о социальных институтах, о типах общественных систем и проблеме их трансформаций за двадцать с лишним лет. Три года назад я решил систематизировать свои размышления и собрать их в одну книгу. За это время я не раз, перефразируя классика, повторял, что «очень трудно начать писать книгу, но еще труднее ее закончить». Сложность рассматриваемых проблем заставляла искать более точные формулировки, более комплексно подходить к анализу концепций и фактов, многократно пересматривать и переписывать уже написанные тексты. Но я все же решил поставить точку, понимая, что любой вариант книги будет неизбежным компромиссом между стремлением к более полному охвату рассматриваемых в ней тем и ограниченностью сил и времени, которыми располагает автор.

Об институтах, общественных системах и проблеме их трансформаций написано очень много работ. Большинство из них явно или неявно опираются на идеи экономического или технологического детерминизма. Редукционизм, как способ анализа, остается наиболее привлекательным для большинства исследователей, и, как следствие, авторы, приверженные такой логике, рассматривают институты и общественные системы, а также их эволюцию через призму одного из решающих факторов. К таким факторам, в зависимости от парадигмальной принадлежности того или иного ученого, относят способ производства, технологические инновации, географические условия, но все эти аргументы больше избавляют авторов от сомнений, чем могут непротиворечиво объяснить причины, по которым почему-то в одних случаях данные факторы оказали позитивное воздействие на ограниченное количество обществ, а большинство же стран не смогли обратить их себе на пользу. Нежелание соглашаться с очевидной ограниченностью однофакторного подхода как способа объяснения различий между общественными системами и возможностью их трансформации нередко приводит к простодушной эклектике или апологии исторического случая.

Альтернативой редукционизму является не эклектика, а структурный подход. Благодаря ему мы избегаем сведения такого сложного феномена, как общество к одному началу и рассматриваем его как исторически сформированную структуру институтов. Структурный подход позволяет объяснять различия в устройстве общественных систем не через сведение их к определенному материальному началу, а через соотношение институтов. В своей работе я исхожу из тезиса, что институциональная структура определяет тип общественной системы и что модернизация традиционного общества возможна лишь при условии трансформации его институциональной структуры. Понимание значения институциональной структуры для формирования общества и его трансформации высказывалось практически с момента возникновения социологии. Но сторонникам структурно-институционального подхода недоставало концептов, позволяющих повысить уровень теоретической эксплицитности и эмпирической фундированности своих исследований. Такую возможность сторонники институционализма обрели благодаря когнитивизму. Когнитивизм позволил достичь институционально-структурному подходу необходимого уровня теоретической конкретизации и, как следствие, более точного эмпирического подтверждения своих идей.

Коротко о структуре книги. В первых двух главах данной книги дается теоретический анализ общественных систем и проблема их трансформации. Развитие общественных систем в современном мире связано с поиском различных способов решения проблемы модернизации. Среди них, несомненно, особое место занимает советская версия модернизации. Поэтому в книге отдельно рассматривается советская версия модернизации и попытки ее деконструкции в постсоветский период.

Первая часть книги носит исследовательский характер и написана в основном для специалистов. Что же касается второй части, то она носит популярный характер и ориентирована на более широкую публику. При написании второй части книги я для удобства изложения выбрал форму вопросов и ответов по наиболее актуальным темам современности. При их подборе я с помощью своих учеников обобщил вопросы, которые чаще всего задавались участниками различных лекций и дискуссий.

Мое обращение к теме социальных институтов было непреднамеренным результатом, не вызвавшим, однако, впоследствии у меня сожалений. А все началось с заботы моей научной руководительницы Аллы Ервандовны Шикло, светлая ей память, о выборе для ее аспиранта темы с хорошей перспективой на защиту. В 1987 году, при поступлении в аспирантуру кафедры источниковедения, историографии и методологии истории МГУ имени М.В. Ломоносова, я хотел заниматься методологическими вопросами, в частности концепцией историка-методолога А.С. Лаппо-Данилевского. Но Алла Ервандовна сумела убедить меня взять для кандидатской диссертации тему, связанную с деятельностью научных обществ в исторической науке России конца 19-го — начала 20 веков. В начале работы данная тема была мне крайне неинтересна и, кроме того, возникла проблема с ее концептуализацией. При выяснении степени изученности проблемы, я, к своему сожалению, пришел к выводу, что ни одна из немногочисленных работ по данной теме не могла служить теоретической основой для дальнейших исследований. Абсолютное большинство советских историков на тот период, после того как отдавали дань господствующему идеологическому учению в виде нескольких ритуальных фраз, призванных подтвердить их приверженность марксизму-ленинизму, в дальнейшем следовали самым простым позитивистским принципам. Не были исключением и историографы, занимавшиеся историей научных обществ. Они также приходили к своим заключениям на основе простого перечисления доступных им фактов, особо не утруждая себя теоретической рефлексией. В их оправдание можно сказать, что в общественном контексте того времени они и не могли приобщиться к более сложным концепциям, которые позволили бы им преодолеть господствующий симбиоз схематизма и фактографизма. На основе наиболее распространенной в советской историографии персоналистской методологии они описывали факты, связанные с деятельностью отдельных членов научных обществ, а затем их сумму определяли как деятельность исторических обществ. Такой подход меня не устроил, но в тот период в рамках советской историографии, и не только советской, не было концептов, позволяющих теоретически более адекватно исследовать проблему научных обществ и изданий в исторической науке. Теоретиче-

ские поиски привели меня в сферу науковедения и социологии науки. Опираясь на концептуальные возможности данных научных направлений, я смог объяснить возникновение и деятельность научных обществ на основе понятий «коммуникация» и «институционализация».

Институционализм, ныне широко распространенный в социогуманитарных науках, в тот период только утверждался в советской социологии и фактически не был известен советским историкам. При такой ситуации неизбежны и реакции, связанные с отторжением новой концепции. Неприятие моей попытки объяснить возникновение научных обществ в исторической науке России конца 19 — начала 20 веков как один из способов ее институционализации привело к тому, что на обсуждении диссертации на кафедре один из представителей старшего поколения обвинил меня в абстрактном теоретизировании. Но мне повезло, что мою работу горячо поддержала Наталья Борисовна Селунская, имевшая благодаря своему теоретическому кругозору высокий авторитет на кафедре. После ее веских слов в мою поддержку диссертацию одобрили для защиты. Я очень благодарен ей за проявленное понимание и поддержку моей работы. И, конечно же, я бесконечно благодарен своей научной руководительнице Алле Ервандовне Шикло за то, что она убедила меня взять тему кандидатской диссертации, которая впоследствии привела меня к главной теме моей жизни — проблеме институтов.

На моем жизненном пути было немало других добрых людей, без участия которых я вряд ли смог написать эту книгу. Особо я хотел бы поблагодарить своего студенческого куратора и в последующем заведующего кафедрой Каби Ахмедиевича Есимова. Он не только умел создавать на кафедре благоприятную рабочую атмосферу, но и планомерно выводил молодых преподавателей на следующий уровень их карьеры. С первых дней работы молодого специалиста Каби Ахмедиевич выстраивал график его роста, а в дальнейшем, с присущей ему пунктуальностью, способствовал его реализации. Как один из тех молодых преподавателей, которые во многом обязаны Каби Ахмедиевичу своей карьерой, я с глубокой благодарностью вспоминаю его участие в своем профессиональном становлении.

С благодарностью и глубокой признательностью я вспоминаю Людмилу Андреевну Чалую. Первые годы студенчества в Семипалатинском педагогическом институте для меня очень много значили поддержка и покровительство, в самом хорошем значении этого слова, оказанные ею мне. Не могу не вспомнить декана исторического факультета Валентину Степановну Городецкую. Она была строгим, но справедливым и заботливым руководителем.

Как и многие выпускники исторического факультета КарГУ им. Е.А. Букетова я с благодарностью вспоминаю легендарного декана Кали Жуасовича Жуасова. С глубокой признательностью вспоминаю и Калиахмета Сембековича Бимахимова. Он был наставником и покровителем для многих молодых преподавателей.

Вспоминая добрым словом всех тех, кто поддерживал меня за эти годы, хочу особо подчеркнуть роль Жамбула Саулебековича Акылбаева и Еркары Балкараевича Аймагамбетова. Считаю, что мне очень повезло работать под руководством двух крупнейших представителей ректорского корпуса Казахстана. Жамбул Саулебекович Акылбаев в очень сложные 90-е годы не только думал как большинство руководителей о выживании своих организаций, но и о перспективе развития университета на длительный период. В эти тяжелые годы он не только находил возможности для инвестиций в будущее КарГУ, но и умел вдохновлять своих сотрудников, внушать нам уверенность в завтрашнем дне. В 90-е годы, несмотря на все сложности того времени, он способствовал открытию новых специальностей, в том числе по социологии и политологии. Думая о будущем университета, Жамбул Саулебекович очень большое внимание уделял становлению молодых ученых и преподавателей. И я один из тех его воспитанников, которые во многом обязаны ему своим профессиональным ростом. За заслуги в деле развития Карагандинского государственного университета Жамбула Саулебековича будут помнить не только его коллеги и ученики, но и все те, кто понимает и ценит его большой вклад в казахстанское образование и науку.

С начала 2000-х мои научные и общественные интересы способствовали работе с Еркарой Балкараевичем Аймагамбетовым. За эти годы я близко узнал большого руководителя с масштабным и комплексным видением общественных проблем.

В наше время, когда большинству руководителей, в том числе и в сфере высшей школы, свойственна приверженность краткосрочной телеологии, Еркару Балкараевича отличает способность видеть проблемы в долгосрочной перспективе. Я считаю, что постоянная поддержка, оказываемая им социогуманитарным исследованиям, является следствием его философии жизни, присущего ему понимания значения социогуманитарного знания для развития университетского образования.

С большой признательностью вспоминаю участие в моем профессиональном становлении Раисы Ахметовны Клещёвой и Бисембая Ергалиевича Колумбаева. Я выражаю им огромную благодарность. Их человечность и широкий кругозор позволяли им терпеливо взрастить многих молодых гуманитариев. Также с большой благодарностью я вспоминаю проректоров по науке КарГУ Гарри Яковлевича Кецле и Юрия Николаевича Антипова. В их лице я всегда находил понимание и поддержку своих проблем и проектов.

С чувством глубокой признательности вспоминаю Юрия Александровича Леваду, ученого, внесшего большой вклад в становление социологии в советском обществе и в ее развитие в постсоветский период. Его одобрение моих первых работ и человеческая поддержка сыграли очень большую роль в моем развитии как социолога.

Подводя итоги своей работы, не могу не вспомнить с благодарностью своих друзей, которые все эти годы помогали преодолевать неизбежные жизненные сложности и невзгоды. С особым чувством глубокой благодарности я вспоминаю своего друга Абылая Серика. В самые тяжелые годы для меня и моей семьи он был верным и отзывчивым другом. Трудно смириться с мыслью, что сегодня его нет среди нас. Столь ранний уход из жизни такого талантливого человека — это невосполнимая потеря не только для его родных и близких, но и для всего общества.

Выражаю благодарность Гани Тажиеву за его постоянную поддержку. Без его дружеского участия мне было бы сложно справиться с проблемами, возникавшими в годы написания этой книги. Гани преданный друг и интеллигентный собеседник. С ним я неоднократно обсуждал многие вопросы, рассматриваемые в данной книге.

Я выражаю признательность своим друзьям Талгату Утеубаеву и Толегену Ашимову. Без их деятельного участия эта книга вряд ли могла быть написана и пусть с запозданием, но, все же, издана. Талгат Утеубаев сподвигнул меня на завершение книги и оказывал постоянную дружескую поддержку во всех сложных жизненных ситуациях. Толеген Ашимов, мой постоянный оппонент, вдумчивый критик и друг, взял на себя и часть проблем, связанных с подготовкой и изданием данной книги. Я благодарен и Николаю Герасимову. Несмотря на то, что наши взгляды на историю и современность очень часто не совпадают, он, тем не менее, решил внести свой вклад в издание данной книги.

Хочу поблагодарить бывшего директора Школы партийного менеджмента партии «Нур Отан» Асет Абдуалиева и заместителя директора данной школы Каната Калышева. В течение 2014 и 2015 годов в рамках семинаров-тренингов, проведенных по заказу Школы партийного менеджмента, мне удалось обсудить с участниками наиболее важные для казахстанцев общественно-политические вопросы и собрать обширный эмпирический материал, использованный и в данной книге.

Ряд идей, на которые я опираюсь в данной книге, были получены мной в свое время при работе над исследовательским проектом «Структурные преобразования общества». Работа над данной темой осуществлялась в рамках гранта Фонда Макартуров.

Я вряд ли справился бы со всеми трудностями, неизбежными в таком сложном деле, как написание книги по проблемам типологии общественных систем и институциональных трансформаций, без постоянной помощи моих учеников Каната Зарыкканова, Татьяны Резвушкиной и Мадины Амрашевой. Канат и Таня находили время для обсуждений почти всех тем, поднимаемых в данной книге, а также постоянно снабжали меня новинками литературы. Мадина взяла на себя заботы с набором книги, расшифровкой аудиозаписей и решением различных технических проблем. Особенно хотел бы отметить вклад Каната. Он не только участвовал в обсуждении всех тем, поднятых в данной книге, помогал мне с переводами англоязычных текстов, но также оказал активное содействие в издании книги.

1. ТИПЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

1.1. Проблема типологии обществ

За свою историю человечество выработало различные способы типизации своих взаимодействий. Наиболее масштабные типизации такого рода принято называть общественными системами. Идентификация той или иной общественной системы и выявление ее отличий от других систем волновали еще социальных мыслителей древности. Первым систематизированно рассмотрел различия между общественными устройствами Аристотель, обосновывая свой интерес, прежде всего, практическими соображениями по созданию наиболее оптимального общества [Аристотель 2006].

Социологию с момента ее возникновения также характеризовало стремление не только быть наукой о социальной системе, но и выявлять различия между типами социальных систем. Основатель социологии Огюст Конт считал, что человечество в своем развитии проходит через три состояния, определяемых доминирующим типом мышления: теологическим, метафизическим и позитивным. Теологическое мышление, по его мнению, является основой теологического, или военного, общества, на основе позитивного, по Конту, возникает индустриальное общество, а метафизическому мышлению соответствует промежуточный тип общественной системы [Конт 2003]. Герберт Спенсер свою типологию строил исходя из уровня дифференциации институтов и способов их взаимодействия [Спенсер 1997]. Впоследствии, на мой взгляд, наиболее существенный вклад в типологию общественных систем внесли Эмиль Дюркгейм, Фердинанд Тённис, Толкот Парсонс, Шмоэль Эйзенштадт, Энтони Гидденс, Никлас Луман [Дюркгейм 1991], [Тённис 2002], [Parsons 1966], [Парсонс 1998], [Эйзенштадт 1999], [Гидденс 2011], [Луман 2006].

В современную эпоху различия между типами обществ волнуют не только узкий круг интеллектуалов. Во многих странах широкие массы вынуждены задаваться вопросом, почему их стра-

ны отстают от более развитых стран. Сегодня, когда изолированная от мира жизнь уже фактически невозможна и когда обнаруживаются поражающие воображение разрывы в уровнях развития между различными общественными системами и цивилизациями, вопрос Бернарда Льюиса «Что не так?» стали повторять во многих странах мира [Льюис 2003]. Для широких масс наиболее значимыми являются экономические проблемы, интеллектуальные же круги стран «второго» и «третьего» мира задаются вопросами о возможностях или модернизации своих обществ, или нахождения альтернативы парадигме развития ведущих стран.

В отличие от других периодов истории проблема развития в современном мире неизбежно связана с проблемой соотношения модернизации и традиции. Как отмечал известный специалист по трансформации социокультурных систем Шмоэль Эйзенштадт, модернизация и стремление к современности стали всеобъемлющими и всепроникающими особенностями нынешней исторической эпохи [Eisenstadt 1973]. Но большинство стран не в состоянии преодолеть гравитацию традиционных институтов и поэтому вынуждены постоянно сочетать попытки модернизации с одновременным сохранением господства традиционных ценностей и символов.

Современная эпоха заставляет испытывать нужду в модернизации, прежде всего, по социально-экономическим причинам. Необходимость в экономических достижениях и в объяснениях, почему они недоступны для большинства стран, порождает множество дискуссий и концепций. При всей широте их диапазона среди них преобладают различные вариации технологического видения модернизации, а также и различные версии экономического и географического детерминизма. В отстающих странах все более популярными становятся конспирологические концепции. Каждая из этих концепций обладает если не эвристической, то, по меньшей мере, психологической функцией, тем самым позволяя по-своему объяснить сложный современный мир.

Но все эти концепции, во-первых, в своей основе однофакторные, а во-вторых, основаны на отождествлении общественной системы с определенным внешним признаком и в результате являются *denomination ab extrinsecus*, то есть определением объекта исследования через внешние признаки.

Но в истории социокультурной мысли были и есть более эвристичные концепции, восходящие к Огюсту Конту и Герберту Спенсеру и в дальнейшем развитые Эмилем Дюркгеймом, Максом Вебером, Фердинандом Тённисом и Толкотом Парсонсом. При всех особенностях концепций данных классиков социологии их объединяет структурный подход к исследованию общественных систем. Структурный подход к анализу общества также можно определить как морфологический, в силу того, что он ориентирован на выявление устойчивых форм организации социокультурной жизни. Представители структурного подхода в определенной степени абстрагируются от многих временных и территориальных особенностей конкретных общественных образований, но при этом такая абстракция позволяет увидеть устойчивые элементы и отношения, характерные для различных типов общественных систем.

В мире существует множество стран, каждая из которых обладает своими особенностями, а если учитывать сообщества прошлого, то тогда мы имеем дело с еще большим разнообразием общественных структур. Но, несмотря на такое многообразие отдельных сообществ, мы все-таки можем выделить некоторые типовые признаки и на их основе общественные макротипы. В этом вопросе трудно не согласиться с Никласом Луманом. Признавая все историческое богатство и эмпирическое разнообразие общественных систем, он считал неоспоримым фактом существование определенных типовых различий [Луман 2006: 23].

В истории социологической мысли выделяли различные типы общественных систем: архаические, сегментарные, традиционные, индустриальные, современные. Некогда, особенно в странах социализма, была очень популярна формационная теория Карла Маркса. Его трактовка капитализма и сейчас в той или иной степени оказывает влияние на современных представителей социологии и социальной философии. Несмотря на появление множества других концептов общественного развития в целом понятие «капитализм» все еще сохраняет свое значение в современном социально-политическом дискурсе [Есть ли будущее у капитализма? 2015]. Феномен капитализма все еще порождает эмоционально насыщенные споры, в которых идеологическое преобладает над научной объективностью. Как отмечал Питер

Бергер в своих «Пятидесяти тезисах о капитализме», эту сферу буквально лихорадит от пророческого пафоса, как левых, так и правых [Бергер 1994]. При анализе капитализма левые, как правило, придерживаются апокалиптического сценария и видят решение проблем лишь в замене этой общественной структуры различными коллективистскими версиями социума. Правые же склонны к слишком позитивной интерпретации проблем, присущих капитализму. Будучи приверженцами эссенциалистских воззрений, пророчески настроенные мыслители оказываются неизбежно склонными к однозначным редуccionистским выводам. На распространённость редуccionистских подходов, связанных с анализом капитализма, в свое время обращали внимание Фернан Бродель и Энтони Гидденс, исследователи, практикующие комплексный подход к изучению общества, и в частности капитализма. Бродель на основе обширного исторического материала предостерегал от поспешного отождествления капитализма и рынка, а также капитализма и индустриального общества. По мнению великого историка, капитализм не сводится ни к рынку, ни к индустриальному обществу. По сравнению с рыночным хозяйством капитализм выступает как более поздний и более сложный социальный феномен, а по отношению к индустриальной системе капитализм может быть охарактеризован как исторически более раннее общество [Бродель 2006: 229-238]. Гидденс также рекомендует избегать редуccionизма, связанного со стремлением рассматривать индустриализм как подвид капитализма или капитализм как подвид индустриального общества. По мнению Гидденса, индустриальная система и капитализм — это два различных институциональных блока современности. Капитализм, по его мнению, связан с организацией обмена и принципами производства, а индустриализм — с его технологическими аспектами [Гидденс 2011: 177–178].

Одной из самых популярных концепций современного общества является теория «индустриального общества». При всех различиях отдельных представителей данной концепции их объединяет общая трактовка промышленности как института, определяющего деятельность всех остальных. На мой взгляд, такой подход является крайне редуccionистским, и в дальнейшем я более подробно проанализирую причины и последствия такой логики.

А пока лишь отмечу, что концепции, определяющие современность через примат промышленности, не могут объяснить, почему промышленность в одних обществах имеет возможность для интенсивного развития, а в других, несмотря на регулярные усилия, остается слаборазвитой.

Ряд авторов определяет индустриальное общество как единую промышленную систему, независимо от того, является ли страна капиталистической или социалистической [Aron 1967], [Гэлбрейт 2004], [Тоффлер 2004]. По их мнению, принцип организации индустриального производства более универсален, нежели социально-политические различия индустриальных стран. Но следует отметить более дифференцированное видение специфики двух версий индустриального общества, присущего Раймону Арону. Отмечая общие признаки индустриализма, он считал, что не менее важны и различия между капиталистическими и социалистическими странами [Aron 1967: 84]. Однако, на мой взгляд, различия между капитализмом и социализмом определялись главным образом не особенностями политических режимов, а структурой их институтов. В первом случае соотношения институтов общества определяются полицентрической структурой, а во втором — иерархической. Основополагающая роль институциональной структуры, определяющей различия между капитализмом и социализмом, оказалась более значимой, чем влияние технологий и ряда производственных принципов, которые действительно во многом совпадали как в капиталистических, так и в социалистических странах. В дальнейшем при рассмотрении различных аспектов современного общества, а также советской системы я конкретизирую тезис о конститутивных различиях между капиталистическими и социалистическими странами. Пока же можно указать на два очень масштабных отличительных признака, которые позволяют концентрированно увидеть базовые характеристики двух систем. Так, система капиталистического типа регулярно порождает кризисы перепроизводства, а систему социалистического типа отличает встроенный в нее хронический дефицит. Известный венгерский специалист Янош Корнай считает дефицит родовой чертой социализма [Корнай 1990]. Следует добавить, что страны социализма преследовал

дефицит не только материальных продуктов, но также идей и концепций, особенно в сфере социогуманитарного знания.

Две общественные системы различаются способностью к адаптации, а также устойчивостью перед кризисами. Страны капитализма за свою историю пережили несколько масштабных кризисов, включая Великую депрессию. Эти кризисы не привели к краху капитализма, напротив, после них наблюдалась способность этой системы выходить на следующий уровень развития. При этом капитализм демонстрировал не только экономическую адаптивность, но и в целом социокультурную. Страны социализма по историческим меркам за очень короткий срок не только исчерпали свои экономические возможности, но и впали в глубокий социокультурный кризис. А масштабный кризис 80–90-х годов XX века, охвативший социалистическую систему, завершился ее крахом. Из этого можно сделать вывод, что при определенном совпадении производственных принципов и технологических параметров капитализма и социализма в целом иерархическая институциональная структура стран социализма оказалась неадекватной задаче модернизации. Из-за несовместимых противоречий между модернизацией и сохранением иерархической структуры институтов система социализма оказалась разбалансированной и сошла с исторической сцены. Оставшиеся социалистические страны или уже фактически встали на путь радикальных рыночных реформ, как КНР и Вьетнам, или пытаются реформироваться, как Куба. Исключение составляет лишь КНДР, все еще сохраняющая приверженность жесткой тоталитарной версии социализма. За такую приверженность тоталитаризму этой стране приходится расплачиваться тяжелейшим социально-экономическим положением.

В последнее десятилетие XX века стали популярными различные концепции постиндустриального общества [Rostow 1990], [Белл 1999], [Тоффлер 2004]. Несмотря на определенные различия между этими концепциями, в целом их объединяет технологическое понимание общественных трансформаций. Также данным концепциям не хватает позитивных аргументов в пользу становления нового типа общества, и поэтому приходится использовать понятие «пост», которое неизбежно больше отсылает к пред-

шествующему состоянию, нежели к тому, что появилось или формируется взамен прежнего.

В отношении дискуссии по поводу индустриального и постиндустриального, современного и постсовременного мне представляются более обоснованными аргументы Энтони Гидденса, Зигмунта Баумана, считающих, что человечество пока не вступило в постсовременный период развития, а переживает радикализацию современности [Гидденс 2011], [Бауман 2008].

В целом, как уже отмечалось, при обосновании типологий общественных систем преобладают редуccionистские подходы, основывающиеся на абсолютизации одного фактора. В зависимости от своих концептуальных установок, авторы, занимающиеся обоснованием различий общественных систем, чаще всего выделяют экономические или технологические факторы как основополагающие для возникновения и изменения той или иной общественной системы. Однако такие однофакторные концепции неадекватны для объяснения общественных систем из-за узости не только теоретических подходов, но и логики, которая не учитывает собственно социальные аспекты общественных систем. Рассматривать социальные аспекты — означает объяснять общество с точки зрения его структурных основ, то есть, как отмечал Толкот Парсонс, через призму социетальных норм [Парсонс 2002]. Шмозель Эйзенштадт подчеркивает, что отличие специфики социологического подхода от философских и идеологических учений заключается в рассмотрении устройства общества. Центром внимания такого подхода является анализ условий и механизмов, обеспечивающих социальный порядок. По мнению Эйзенштадта, хотя долгое время социологи были склонны видеть проблему социального порядка в традициях гоббсовских категорий, тем не менее постепенно фокус социологического анализа переместился в институциональную сферу, то есть в сферу, как он считает, определяющую устройство обществ [Эйзенштадт 1999].

Являясь приверженцем институционального подхода, я также считаю институты первичным аспектом общества. Институты придают обществу стабильность, они не только определяют основные способы взаимодействий социальных деятелей, но и собственно производят самих этих деятелей. Исходя из таких

представлений, я определяю институты как исторически сформированные способы устойчивого коллективного взаимодействия людей. Благодаря интернализации социальными деятелями институциональных когниций и основанных на них нормативных ожиданий формируются коллективные предрасположенности действовать определенным образом. В конечном счете, в процессе длительных практик происходит социализация членов института, тем самым формируются типы деятелей, соответствующих его требованиям, или, выражаясь в духе концепции Питера Бергера и Томаса Лукмана, длительная типизация действий порождает типизированных деятелей, которые в свою очередь являются условием эффективного воспроизводства типизированных действий [Есенгараев 2003a], [Есенгараев 2003b].

Одна из важнейших предпосылок и одновременно один из результатов институционализации общества — формирование идентичности членов института, являющейся конгруэнтной его нормам. Идентичность я определяю как относительно устойчивый результат процессов, связанных с достижением определенного уровня когерентности идентификаций социальных деятелей, позволяющих им более или менее непротиворечиво определять себя и свою принадлежность к сообществам и тем самым иметь возможность отвечать на вопросы: «кто я?» и «кто мы?».

Идентичность членов института, с одной стороны, определяется институциональными когнициями и нормативными ожиданиями, а с другой — является одним из важнейших условий эффективного воспроизводства институциональных норм. Именно появление деятелей, чья идентичность обязывает их быть преданными определенным институтам, позволяет последним обрести необходимую устойчивость и эффективность. Идентичности в своей основе, как правило, не могут быть результатом выбора отдельного человека или социальной группы, а являются определенным итогом возможностей структурирования уже имеющихся в данном социокультурном контексте идентификаций. При этом индивиды и социальные группы в большинстве случаев привержены идентификациям, доминирующим в том или ином обществе. В отличие от доминирующих в обществе идентификаций, альтернативные им идентификации не имеют должного когнитивного подкрепления, а также легитимности. В результате, соци-

альные деятели под воздействием массивов когний, имеющих принудительный характер, как правило, обнаруживают склонность идентифицировать себя с теми атрибутами и объектами, которые в данном обществе являются наиболее легитимными [Есенгараев 2002].

Институты обретают свое конкретное значение как элементы определенной институциональной структуры. Именно институциональная структура, а не отдельные институты определяют тип общества. Исходя из конститутивной роли институциональных структур, я выделяю на их основе два макротипа общества: иерархический и полицентрический [Есенгараев 2014]. Первый макротип общественных систем, который я определяю как иерархический, получил наибольшее распространение в истории. Страны, относящиеся к такому типу общества, преобладают и в современную эпоху. По причине того, что такие общества исторически предшествовали современным и их воспроизводство в течение длительного времени определялось стремлением к поддержанию существующих институциональных структур, я также буду определять иерархические системы как традиционные.

Общественная система полицентрического типа является исторически более поздним феноменом, возникшим как следствие модернизации. Поэтому я буду определять общественные системы полицентрического типа так же, как современные. Выделяемые типы общественных систем есть результат абстрагирования от конкретных особенностей множества исторических образований в прошлом и настоящем. В каждом отдельном обществе можно найти институты и отношения, которые в той или иной степени противоречат базовым структурным свойствам, определяющим отнесение конкретного общества к тому или иному типу. Но на уровне макроструктурных характеристик обществ мы можем эмпирически очень убедительно выявлять наличие двух основных структурных образований: иерархического и полицентрического.

Первому типу общественной системы при всех цивилизационных особенностях и специфике отдельных стран присуще доминирование двух институтов — власти и религии. В современный период в общественных системах данного типа религию в ряде случаев замещает идеология. Отношения между института-

ми в данной системе носят иерархический характер, приводящий к тому, что все остальные институты занимают подчиненные позиции по отношению к двум господствующим.

Второй макротип общественной системы отличает плюралистический характер отношений между институтами и отсутствие господствующего центра. Такой тип отношений между институтами характерен для всех обществ данного макротипа несмотря на присущие им цивилизационные и страновые различия.

В истории социологии два макротипа общественных систем выделяли Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм, Фердинанд Тённис, Шмоэль Эйзенштадт. Каждый из классиков социологии внес свой вклад в обоснование двух основных типов общественных систем. С развитием теоретических возможностей социологии возрастал и уровень эксплицитности концепций по типологии обществ. Уровень конкретизированности концепции общественных макротипов Эйзенштадта является выражением уровня развития социокультурной теории. Эйзенштадт, признавая множественность вариаций общественных систем, считает, что существуют два макротипа: плюралистический, или освобожденный, и монистический, или совмещающий. В плюралистических обществах, по его мнению, имеет место автономия институтов, существует множественность культурных моделей, элиты придерживаются позиций, которые являются плюралистическими и открытыми. Также данный тип общества отличает ориентированность на будущее, концепция необратимого времени, а не циклического. В традиционных обществах наблюдается устойчивая тенденция к формированию многочисленных тщательно разработанных систем ранговых иерархий. В таких обществах не возникают или слабы предпосылки формирования общностей, которые обладали бы сознанием общенациональной идентичности. Вместо этого наблюдается наличие многих мелких территориальных, профессиональных и других локальных групп, стремящихся к воспроизводству закрытых статусов [Эйзенштадт 1999: 114–115].

Конститутивная роль институциональной структуры для общества подтверждается и двумя масштабными историческими событиями, повлекшими за собой радикальную смену политических режимов и форм собственности, — Октябрьской революцией и распадом СССР. Эти масштабные события привели к ради-

кальным изменениям в политической системе и социально-экономических отношениях. В результате таких перемен у абсолютно большинства членов общества изменились социальные статусы и общественные взгляды. Но, несмотря на столь кардинальные политические и социально-экономические изменения, советское общество было, а большинство постсоветских в своей основе остается иерархическим.

После 1917 года в Советском Союзе, несмотря на модернизаторские цели советской власти, способствовавшие определенному развитию современных тенденций в общественном развитии, степень иерархии институтов по сравнению с дореволюционным периодом еще более усилилась. Если мы рассмотрим институциональную структуру после распада СССР, то в ней также произошли очень существенные изменения, в том числе и расширение плюралистических тенденций, однако они, в целом, не привели к формированию полицентрической структуры институтов. В результате, в обоих случаях, несмотря на масштабные изменения в обществе, его институциональная структура осталась иерархической, что в первом случае привело к неудаче советской модернизации, а во втором — к сохранению в большинстве постсоветских стран доминирования традиционно-иерархических норм.

Различия общественных систем в социологической традиции определяются уровнем дифференциации институтов. Начиная с Герберта Спенсера, в социологии специфику общественных систем стали рассматривать на основе степени их дифференциации [Спенсер 1997]. В дальнейшем эта традиция была продолжена, прежде всего, Эмилем Дюркгеймом и Толкотом Парсонсом [Дюркгейм 1991], [Парсонс 2000: 699–721]. Классик современной социологии Никлас Луман подчеркивал, что дифференциация является основной проблемой социологии [Луман 2006: 7]. Особенность социологических концепций по данной проблеме также заключается в том, что уровень дифференциации институтов рассматривается в соотношении со степенью сложности социокультурной системы. Взаимосвязь между дифференциацией и диверсификацией носит круговой характер. Чем выше уровень институциональной дифференциации, тем больше требуется сложных социокультурных предпосылок, и напротив — чем выше уровень диверсификации общества, тем больше возможностей

для дифференциации институтов. Дифференциация и диверсификация — это обязательные взаимодополняющие процессы. Одно невозможно без другого. История свидетельствует, что дифференциация институтов затрудняется или блокируется при недостаточности уровня сложности наработанных обществом социокультурных предпосылок. Также затруднения или блокирование процесса дифференциации институтов негативно сказывались на возможностях дальнейшего усложнения социокультурной системы. Данный вывод находит свое эмпирическое подтверждение в разделе данной книги, где рассматривается история советского общества.

Одним из конститутивных факторов формирования социокультурного порядка является способ стратификации. История не знает обществ без стратификации, или, говоря словами Никласа Лумана, без асимметрии. Один из крупнейших историков и социологов XX столетия Фернан Бродель определял стратификацию как основной социальный закон [Бродель 2006:481]. Именно от выстраивания иерархии социальных групп, от определяющих ее приоритетов, от соотношения степени открытости и закрытости способов стратификации во многом зависят особенности того или иного социокультурного порядка и возможности его развития. В традиционных обществах стратификация основывается на аскриптивных определениях и тяготеет к закрытости. Стратификация современных обществ более открытая, хотя в ней и сохраняется определенное влияние аскриптивных установлений, но, тем не менее, на первый план выходит формирование статусов на основе критериев достижительности.

Каждый общественный тип также формирует тот или иной уровень солидарности между различными социальными группами и регионами. Существующий в развитых странах тип социальной солидарности с преобладанием центристических общенациональных тенденций возник относительно недавно, и до сих пор преобладающим типом солидарности во многих странах являются узкогрупповые и региональные приверженности. В этих обществах пока не сложилась солидарность на основе общенациональной идентичности и, соответственно, отсутствуют необходимые возможности для формирования устойчивых централизованных государств, которые поддерживались бы не только поли-

тическими усилиями, но и, прежде всего, приверженностью масс к одной национальной общности и ее государственному оформлению. Исторический опыт свидетельствует, что централизация оказывалась прочной и долговременной, когда политическая воля по ее выстраиванию подкреплялась солидарностью общенационального масштаба.

Типология общественных систем в моей работе будет основываться на теоретических представлениях, сформированных в рамках конструктивистской парадигмы. Конструктивизм представляет собой междисциплинарный феномен [Абельс 2001], [Герген 2016]. Среди представителей данного течения наибольшее влияние на формирование моих взглядов, а также на выводы в рамках данной книги оказали: Уильям Джеймс [Джеймс 1997], Джордж Мид [Мид 2009], Альфред Шюц [Шюц 2003], Питер Бергер, Томас Лукман [Бергер, Лукман 1995], Гарольд Гарфинкель [Гарфинкель 2007], Ирвинг Гофман [Гофман 2000], [Гофман 2003], [Гофман 2004], Мишель Фуко [Фуко 1977], [Фуко 1997], Жиль Делез [Делез 1999], [Делез 2004], [Делез 2016], [Пьер Бурдьё 2001], [Бурдьё 2006], Энтони Гидденс [Гидденс 2003], Арон Сикурел [Cicourel 1974], [Cicourel 1981], Карин Кнорр-Цетина [Knorr-Cetina 1981], [Knorr-Cetina 1997], Грегори Бейтсон [Бейтсон 2005], Никлас Луман [Луман 2006], [Луман 2007], [Луман 2009], [Луман 2012], Ричард Рорти [Рорти 1996], [Рорти 1997], Юрген Хабермас [Хабермас 2000], Московичи [Moscovici 2000], Рош [Rosch 1975], Лакофф [Лакофф, Джонсон 2004], [Лакофф 2011], Джудит Батлер [Батлер 2000], [Батлер 2002], Люк Болтански, Лоран Тевено [Болтански, Тевено 2013], Джон Ло [Ло 2015].

Конструктивизм я рассматриваю как теоретическое направление, которое основано на следующих постулатах. Прежде всего, в рамках конструктивизма социокультурная реальность и человек определяются не как некие вневременные сущности, а как исторические конструкты, формируемые на основе социокультурных когниций. Конструктивизм является результатом эпистемологических сдвигов, которые происходили в XX веке, особенно во второй его половине. Важнейшими интеллектуальными предпосылками конструктивизма послужили процессы и феномены, обобщенно определяемые как «лингвистический по-

ворот», реляционизм и интерпретативная парадигма. На современное состояние конструктивизма очень большое влияние оказала когнитивная революция 60–80 гг. XX века. Когнитивная революция происходила в тесной связи с идеями структурного мышления и конструктивизма. Можно сказать, что эти направления и стоящие за ними идеи взаимодополняемы и имеют общие эпистемологические предпосылки.

Общество с точки зрения когнитивизма является феноменом, который основан на массивах социокультурных когниций и воспроизводится на основе знаний. Общество является когнитивным феноменом в том смысле, что его члены и институты возникают, воспроизводятся, а также реорганизируются на основе определенных представлений и интерпретаций. В своей работе я также буду стремиться к эмпирическому подтверждению тезиса о зависимости устойчивости, интенсивности тех или иных отношений в обществе и эффективности его институтов от степени эксплицитности социокультурных знаний. В свою очередь, эксплицитные знания опираются на массивы имплицитных предпосылок, образующих для первых необходимый культурный контекст. Массивы знаний, образующих культурный контекст, являются базовым резервуаром значений для специальных концепций, а также основой их легитимности.

В данной книге я привожу теоретические и эмпирические аргументы, позволяющие подтвердить, что содержание и структура институтов решающим образом зависят от типа и содержания социокультурных когниций. При недостаточном уровне обеспеченности социокультурными когнициями стремление членов того или иного общества создавать новые институты завершается не созданием целостных образований с устойчивыми и эффективными типизациями социальных отношений и деятелей, а появлением лишь их фрагментов. Вся история человечества и особенно история модернизации свидетельствуют, что новые институты возникали лишь при определенных когнитивных предпосылках, а их отсутствие или недостаточность оказывались фактически непреодолимым барьером для современного развития общества. В своей работе я также исхожу из тезиса, что отсутствие или недостаток социокультурных когниций, необходимых для формирования институтов, невозможно компенсировать за счет других ре-

сурсов. Концентрированно и устойчиво эта социологическая истина подтвердилась в процессе исторического феномена, который получил определение как «модернизация». В своей работе я привожу совокупность фактов, позволяющих, на мой взгляд, убедительно подтвердить значение социокультурных когнийций для решения проблемы модернизации. Анализ когнитивных ресурсов позволяет увидеть, что стремление отстающих стран догнать ведущие, создать социальные институты, аналогичные существующим в ведущих странах, как правило, завершалось неудачей или частичным решением проблемы, прежде всего, из-за отсутствия или недостаточности необходимых социокультурных когнийций.

С позиций когнитивизма социокультурные знания не являются отражением какой-то социокультурной реальности, которая существует независимо от них. По мнению когнитивистов, такой реальности нет, так как любая социокультурная реальность является продуктом истории, возникшей на основе бесчисленных отношений и взаимодействий, в свою очередь оформленных и наполненных значениями, ценностями на основе определенных идей и представлений. Определение общества как когнитивного феномена для носителей традиционного сознания, считающих реальность чем-то объективным и материальным, кажется проявлением модного постмодернизма, который, по их мнению, является интеллектуальной игрой в знаки, далекой от самой реальности. Однако все попытки найти такую реальность, найти ее неизменную «сущность» завершились неудачей. Хотя, конечно, эмпирические доводы когнитивистов мало что значат для ортодоксальных реалистов, так как в рамках своей эпистемологии и преобладающего в их среде «здорового смысла» они всегда найдут необходимые контраргументы. И пока эпистема реализма остается прочной, ее сторонники и дальше могут оставаться в рамках своих представлений, хотя они фактически являются рационализацией веры в существование объективной социальной реальности, независимой от человеческого знания.

Но мы не знаем о существовании какой-либо социокультурной реальности, которая не была бы порождена той или иной разновидностью социокультурных когнийций. То, что мы знаем об обществе, независимо от того, считают ли его объективной реальностью или историческим конструктом, возникающим

на основе социокультурных когний, является результатом той или иной версии социокультурных знаний.

Признание общества как исторического конструкта, созданного на основе той или иной системы социокультурных когний, не означает, что люди имеют возможность произвольно создавать как представления об обществе, так и на их основе желаемые общественные отношения. Социокультурные когнии и создаваемые на их основе отношения являются результатами тех возможностей, которыми располагает то или иное общество на том или ином этапе своего развития. Как свидетельствует история, произвольное и целерациональное воздействие на структуру и содержание социокультурных когний невозможно. Формирование и трансформация социокультурных когний являются результатом больше непреднамеренных действий, чем преднамеренных. Массивы социокультурных когний, которыми располагает любое общество, являются слишком масштабными и сложными для их целенаправленного производства и селекции.

Содержание когнитивных ресурсов общества во многом зависит от того, какие концепты могут занять в нем господствующее положение и оформиться в доминирующую парадигму. Формирование такой парадигмы, структурирующей процессы генерирования и развития социокультурных когний в определенном обществе, также является не следствием выбора, а результатом его интеллектуальных возможностей. Когнитивная ситуация в большинстве развивающихся стран, на мой взгляд, является эмпирическим подтверждением данного вывода. В этих странах устойчиво наблюдается дефицит современных социокультурных когний по причине неразвитости интеллектуальных предпосылок, позволяющих генерировать их в необходимых масштабах. Процессы на постсоветском пространстве за последние десятилетия также подтверждают вывод о зависимости модернизации от способности общества вырабатывать и развивать современные социокультурные когнии. Постсоветские страны в большинстве своем еще раз подтвердили, что утверждение парадигмы современности зависит не от выбора, а от того, достигло ли общество в процессе своего исторического развития необходимого уровня сложности социокультурных знаний и основанных на них практик.

Концепции и практики, повлиявшие на формирование парадигмы модернизации, характеризуются несравненно более сложным уровнем, чем традиционные социокультурные концепции и практики, свойственные большинству постсоветских стран.

При отсутствии необходимого уровня социокультурной сложности общество, ставшее на путь модернизации, может импортировать технологии, может заимствовать финансовые ресурсы, но оно будет не способно эффективно абсорбировать идеи и концепции, позволяющие сформировать систему современных отношений. В результате неизбежно низким оказывается и коэффициент полезных действий заимствованных технологий и финансовых ресурсов.

Фундаментальной предпосылкой существования человека и общества, их формирования и структурирования является язык. Такому пониманию роли языка мы обязаны крупнейшим мыслителям XX века: Мартину Хайдеггеру [Хайдеггер 1993], Людвигу Витгенштейну [Витгенштейн 1994], Георгу Гансу Гадамеру [Гадамер 1988], Розенштоку-Хюсси [Розеншток-Хюсси 2000], Эдварду Сепиру [Сепир 1993], Эмилю Бенвенисту [Бенвенист 1995]. Лингвистические идеи вышеназванных мыслителей впоследствии были конкретизированы в рамках социологии, особо следует выделить роль Альфреда Шюца, Питера Бергера, Томаса Лукмана, Мишеля Фуко, Никласа Лумана, Юргена Хабермаса. Совокупность сформированных ими представлений, радикально изменивших понимание роли языка в жизни человека и общества, обобщенно определяют как «лингвистический поворот». В рамках этой интеллектуальной тенденции язык определяется не как средство лишь передачи мысли, а как базовое условие существования человека и общества. Мартин Хайдеггер, подчеркивая значение языка, считал, что он является «домом бытия» [Хайдеггер 1993: 203], а по мнению Людвига Витгенштейна, границы человеческого мира определяются границами его языка [Витгенштейн 1994: 56]. То же самое можно сказать и о возможностях общества, которые неизбежно ограничены границами его социокультурного языка.

Впоследствии конкретизация данных идей в рамках школы Альфреда Шюца позволила рассматривать язык как базовую типизацию, которая определяет и программирует процессы фор-

мирования и существования человека, социальных институтов и общества в целом. Такой подход к языку позволил конкретизировать роль «лингвистического репертуара» для развития человека, институтов и общества в целом. Также конкретизации идей о роли языка способствовали концепции «словаря мотивов», «дискурсивных формаций», «морального дискурса», рассматривающие язык как основу социокультурных механизмов, формирующих институты и общественные системы.

Влияние языка на развитие общества особенно концентрированно проявилось в процессе модернизации. Анализ модернизационных процессов позволяет прийти к выводу, что современное развитие, основанное на неизбежном росте диверсификации общества, невозможно без диверсификации его языка. Во всех случаях успешной модернизации мы наблюдаем и диверсификацию языка, и наоборот — неудачи в решении данной проблемы оказались тесно связанными с трудностями по формированию сложного современного языка.

По состоянию общественного языка можно сделать вывод, что для развитых стран характерен очень сложный социокультурный дискурс, с присущей ему высокой динамикой и способностью к модернизации. А страны «второго» и «третьего» мира или пережили сильную деградацию языка, как бывшие тоталитарные страны, или не смогли модернизировать свои языки и достичь уровня их диверсификации, который был бы адекватным требованиям развития в современную эпоху.

Преодоление конструктивизмом эссенциалистских иллюзий и утверждение в его рамках реляционного подхода к анализу общества и человека существенно повысили познавательные возможности социогуманитарных наук. Благодаря реляционизму анализ общества и человека сместился от поиска субстанции к выявлению отношений, формирующих тот или иной тип общества и человека. Конструктивизм сумел предложить более диверсифицированный подход к структурному анализу, прежде всего, на основе таких концептов, как «социальный институт», «идентичность» и «габитус». В рамках данного исследования я буду опираться на данные концепты, рассматривая их как базовые элементы структурирования жизни общества и человека. Эти элементы общества, с точки зрения конструктивизма, являются не

материальными субстратами, хотя и включают в себя материальные аспекты, а феноменами, созданными на основе социокультурных когниций. В отличие от реалистов, с их верой в материально выраженные сущности, конструктивизм рассматривает институты, идентичность и габитус, прежде всего, как когнитивные феномены, то есть как явления, созданные и функционирующие на основе социального знания. Исходя из когнитивистского понимания общества и его институтов, конструктивизм также рассматривает и возможности их развития через анализ доступного им когнитивного потенциала. В широком смысле под когнитивным потенциалом общества понимается весь спектр знаний данной общественной системы в рассматриваемый период времени. К когнитивным ресурсам общества относится весь набор наличных знаний, как социокультурных, так и естественнонаучных, но при этом основным строительным материалом для развития общества и формирования человека являются социокультурные когниции.

Авторами, внесшими большой вклад в становление когнитивного подхода и в развитие конструктивистской парадигмы социологии, являются Питер Бергер и Томас Лукман. Их знаменитая книга «Социальное конструирование реальности» является блестящей конкретизацией тезиса «реальность социально конструирована, и она конструируется на основе социального знания» [Бергер, Лукман 1995]. И задача социологии, по мнению классиков конструктивизма, должна заключаться в анализе способов социального конструирования. Основными конструктами, благодаря которым происходит объективация, закрепление и придание обществу устойчивости, являются институты. Именно такие конструкты являются основой существования общества, начиная от повседневной жизни и заканчивая любыми ее более высокими формами. Институты создаются и поддерживаются главным образом при помощи лингвистических обозначений; и общественная жизнь — это жизнь, которую индивид разделяет с другими, прежде всего, посредством языка. Язык делает его субъективность «реальной», и не только для партнера по беседе, но и для него самого. Любая субъективация происходит в рамках лингвистических типизаций, приобщающих индивидов к объективированным значениям. Язык типизирует переживания инди-

вида и его опыт, позволяет распределять его по более широким категориям, позволяет формировать общественно-приемлемые идентификации, и, в конечном счете, на основе языка индивид получает возможность формировать свою идентичность. По мнению Бергера и Лукмана, сумма лингвистических объективаций, соответствующих той или иной деятельности, составляет семантическое поле, в рамках которого формируются базовые институциональные типизации и выстраиваются идентичности социальных деятелей.

Социальные знания являются дифференцированными образованиями и организованы на основе критериев релевантности. Каждое общество вырабатывает свою систему релевантности, в рамках которой те или иные виды знания, в зависимости от их значимости, развиваются более интенсивно или, наоборот, остаются неразвитыми, если они являются второстепенными и мало значимыми. Соответственно, система релевантности, порождая определенные типы социокультурных когний, влияет и на формирование институтов общества, на их закрепление и на их статус в обществе.

Подчеркивая значение социокультурных знаний, Бергер и Лукман отмечают, что на их основе формируются типы людей и что сама человеческая природа, по сути, — социокультурная переменная. История подтверждает эти выводы многообразием человеческих типов, сформированных на основе социокультурных когний и практик.

По мнению Никласа Лумана, общество воспроизводится на основе самоописаний [Луман 2009]. Описание себя и мира означает не только выявление свойств, присущих миру и себе, но и приписывание себе и миру определенных атрибутов, которые, в свою очередь онтологизируясь, становятся свойствами, принудительно определяющими наши восприятия и поведение.

Базовое значение социогуманитарного знания заключается в том, что именно благодаря ему происходит конструирование социальных институтов и идентичностей. Институты и идентичности не могут быть продуктом математических или физических формул, их нельзя вывести путем химических реакций или через биологическую селекцию. Они являются результатом длительных

дискурсивных практик и нарративов о мире, об обществе, о человеке, о смысле жизни, об идеалах труда и успеха.

Социокультурные знания являются конститутивными для общества, но такую функцию они могут выполнять, лишь достигнув определенного объема и уровня сложности, достаточных для формирования институтов и идентичностей. Сложность социокультурных знаний, их многослойность, которую нельзя полностью эксплицировать и выражать в сжатом формализованном виде, проявляются и в том, что их невозможно просто заимствовать механически или передать как набор простых технических формул. Для стран, испытывающих хронические затруднения с развитием, наиболее сложной оказалась проблема генерирования адекватных современным требованиям социокультурных знаний. Также они испытывают большие сложности с инкорпорированием в корпус своих дискурсов и нарративов социокультурных когний современных развитых стран. Эти сложности с развитием и заимствованием социокультурных когний, характерные для обществ, испытывающих хронические затруднения с модернизацией, более очевидны в сравнении их с ситуацией в сфере естественнонаучных знаний и точных наук. Развитие последних, при всей их сложности, происходит в странах «второго» и «третьего» мира относительно более успешно, чем развитие социокультурных когний современного типа. В неразвитых странах имеют место достаточно значимые достижения в естествознании и точных науках. В этих странах существуют школы и центры мирового уровня в сфере точных наук, но отсутствуют такого же уровня школы и центры социогуманитарного знания. И последнее обстоятельство пока является одним из самых сложных и труднопреодолимых барьеров на пути модернизации этих стран. В дальнейшем я конкретизирую данный тезис, связанный с ролью социокультурных когний в современном развитии общества и человека.

И наконец, все названные выше факторы, определяющие формирование той или иной общественной системы, в конечном счете, закрепляются в определенном типе человека. Иными словами, каждая общественная система имеет свой господствующий тип человека, который, с одной стороны, является результатом наиболее распространенных и наиболее устойчивых институцио-

нальных практик, а с другой — благодаря своей распространенности такой тип человека способствует воспроизводству данной общественной системы. Каждый тип человека формируется и закрепляется на основе доминирующих в данном обществе способов идентификаций и укорененных моделей габитуса. В дальнейшем на примерах господствующих типов человека двух основных общественных систем я также постараюсь конкретизировать данный тезис.

1.2. Общественная система иерархического типа

В иерархическом обществе власть является его центральным институтом и главной системообразующей ценностью. Господство института власти создает жесткий иерархический порядок, в рамках которого взаимодействие всех социальных групп и индивидов определяется на основе стратегий доминирования и подчинения. Порядок в таком обществе поддерживается, прежде всего, на основе массовой интернализации статусного мышления как основного способа структурирования социального порядка. В рамках такого способа мышления позиции людей и их отношение друг к другу рассматриваются через призму их статуса, а их взаимодействия строятся на основе иерархических установок. Институт власти в таких обществах имеет важнейшее конститутивное значение, пронизывая все сферы общественных отношений. Под воздействием таких принудительных социокультурных норм члены иерархических обществ неизбежно рассматривают свои взаимодействия, прежде всего, через призму властных норм. Как следствие, власть в иерархических обществах не является лишь институтом контроля и регуляции социальных отношений, а воспринимается как сакральный центр общества, является объектом поклонения всех социальных групп. По мнению французского исследователя Юбера Метивье, в средневековой Франции власть в период Людовика XIV приобрела черты религии [2005: 126]. Российские исследователи Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов относят российское общество к уникальной властоцентричной системе и считают русскую власть основой общественного порядка, институтом, определяющим все остальные от-

ношения в обществе [Пивоваров, Фурсов 1998]. Однако властоцентризм свойствен не только французскому обществу времен *ancien régime* или российскому, а является универсальной характеристикой всех досовременных обществ, социокультурный порядок в которых выстраивался или до сих пор выстраивается на основе иерархических норм. Во всех обществах иерархического типа власть является не только политическим институтом, но и сакральным центром. Поэтому в иерархическом обществе власти не только подчиняются, но и поклоняются. Исторически такие способы поклонения нередко проявлялись в крайних формах страха и восторга по отношению к носителям высшей власти, вплоть до того, что большинство подданных не смели смотреть на них. В традициях иерархических обществ способы выражения чувств и поведенческие нормы, определяющие отношения вышестоящих и нижестоящих, были строго регламентированы. Как отмечал Уильям Айзек Томас, слишком вольная улыбка представителя низшего слоя, неосторожно продемонстрированная в отношении представителя правящего слоя, могла иметь для первого фатальные последствия [Томас 2010: 171].

В своей работе я исхожу из того, что иерархические и традиционные общества, не являясь идентичными, тем не менее, совпадают по ряду своих базисных признаков. Иерархическое общество представляет собой властоцентричный феномен, а во всех традиционных обществах конститутивное значение придается социальному рангу и основанным на нем иерархическим отношениям. По мнению Никласа Лумана, традиционный порядок нельзя представить без явно выраженных ранговых различий, и стратификация в нем является системообразующим фактором [Луман 2006: 100–101].

На ранговых различиях базируются не только традиционные общества, такие различия свойственны всем обществам. Но особенность статусных представлений в традиционном обществе заключается в том, что они основываются на аскриптивных представлениях и благодаря им формируют понимания статусов как выражающих естественные черты людей, «их природу». Поэтому для носителей аскриптивного мышления покушение на статус, попытка поставить под сомнение статусную принадлежность че-

ловека означали нарушение не какой-то произвольной конвенции, а посягательство на естественный порядок вещей.

Во всех обществах и социальных группах человеческие качества нуждаются в определенной символической репрезентации, так как они необходимы для закрепления их идентичности, а также для облегчения коммуникации между социальными субъектами. Специфика традиционных обществ в том, что под влиянием аскриптивной логики статусные репрезентации в них приобретают особое значение, так как они воспринимаются не как определенные социокультурные условности, не как некоторые исторические случайности, а как выражение сущности не только человека, но и всего социального бытия. Поэтому социальным репрезентациям и этикету в традиционных обществах уделяется повышенное внимание, а их нарушение может привести к очень серьезным последствиям, порой трагическим.

На основе аскриптивных нарративов сформировались такие жесткие статусные системы, как западноевропейский сословный порядок или индийская кастовая система. О значении их для формирования самоидентификации человека и его экзистенциальных ценностей можно судить не только по многочисленным известным нам фактам исторического прошлого традиционных обществ. Аскриптивное сознание и сегодня определяет идентичности людей, живущих в обществах, где традиционные представления остаются когнитивной основой видения мира и самих себя. Самоидентификация в этих обществах до сих пор преимущественно определяется аскриптивными представлениями, и поэтому отношение к себе подобным и представителям других социальных групп основывается на различиях, которые, по их мнению, носят естественный характер. Насколько значимы такие аскриптивные представления для ее носителей, можно было убедиться во время трагических событий, связанных с самосожжением представителей высших каст современной Индии в ответ на попытки правительства ввести совместное обучение студентов, являющихся выходцами из низших каст. Приверженность к кастовой системе в современной Индии демонстрируют и сами представители низших каст, и даже отверженные. Низшие касты и отверженные мечтают не об отмене кастовой систе-

мы, а об улучшении своих позиций в ее рамках или получении доступа в нее.

Крайне жестокие формы межэтнических и межплеменных конфликтов в современном мире также свидетельствуют о живучести аскриптивных представлений. Жестокость в таких конфликтах во многом инициируется восприятием других народностей и племен как абсолютно чужих, и как следствие таких представлений, на такие группы не распространяются моральные нормы, ограничивающие проявления и допустимую степень агрессии. Зачастую под влиянием аскриптивного сознания формируются представления о соседних народностях и племенах как о чужих и занимающих более низкое место в «естественном порядке», хотя, нередко, они имеют общее происхождение.

Мировоззрение, основанное на аскриптивной логике, придает особое значение внешним аспектам проявления «природы человека». В рамках аскриптивного сознания внешние атрибуты и внутренняя суть человека составляют единое целое. И благодаря ригидности и общественной значимости внешних атрибутов люди в традиционных обществах не оказывались в ситуациях, требующих объяснения, кто они такие. Для идентификации человека как из высшего слоя, так и из низшего было достаточно внешних признаков [Хейзинга 1988], [Эллиас 2002], [Луман 2006]. При таком уровне отождествления человека и его позиции любое нарушение внешних признаков его принадлежности к статусу или неуважение к ним воспринимались как нарушение важнейших законов бытия и оскорбление, требующее очень жесткой реакции.

В традиционных обществах на основе аскриптивных представлений все общественные группы занимали свои строго определенные позиции в иерархической системе и должны были подтверждать свои статусы во всем, начиная от манеры держаться, одежды, потребления пищи, жилища и его интерьера. Также жестко регламентировалась и принадлежность людей к тому или иному виду деятельности. В целом, во всех обществах, где господствовали аскриптивные статусные нормы, мы также наблюдаем жесткую регламентацию допустимого и недопустимого в отношении не только макросоциальных обязанностей и прав, но и бытовых вопросов. Несмотря на региональные и даже цивили-

зационные особенности между различными странами, в рамках традиционного общественного типа мы наблюдаем совпадение многих предписаний, в том числе регулирующих детали костюма или кулинарные нормы, соответствующие статусным различиям. Такие совпадения в способах формирования институциональных систем, моделей идентичности и социокультурной логики между обществами, которые были лишены непосредственных взаимодействий и не могли повлиять друг на друга, можно объяснить структурными принуждениями. Другими словами, та или иная институциональная структура общества порождает у его членов определенный набор представлений и поведенческих моделей, реализуемых с высокой степенью обязательности.

В силу повышенного значения процедур, связанных с репрезентацией статуса, в традиционных обществах особое значение приобретают ритуалы. Соблюдение ритуалов имело тщательно детализированную форму и влекло за собой четко предписанные и очень жесткие модели поведения [Хейзинга 1988: 19]. Нельзя сказать, что ритуалы характерны лишь для досовременных обществ, они относятся к социокультурным универсалиям. Но в современном мире ритуалы имеют менее жесткий и более диффузный характер, а соотношение ритуалов и стоящих за ними содержаний общественных процессов приобрели более сложно опосредованный характер. Что же касается традиционных обществ, то ритуалы определялись практически как буквальное и точное воспроизводство внутреннего содержания бытия и были неотъемлемой частью представлений и переживаний сакрального. Поэтому нарушение ритуала расценивалось как нарушение божественного порядка и порождало сильные эмоции и стимулировало использование жестких санкций в отношении того, кто его нарушал.

Аскриптивная логика, кроме всего прочего, порождала сильную веру в собственную мифологию и в религиозные символы своего сообщества. Такая вера формировала в равной степени горячую приверженность к представлениям членов своих групп и сильную степень враждебности в отношении представления других сообществ. «Истинность и ложность» той или иной доктрины, «добродетельность и греховность» отдельных людей или того или иного сообщества на основе аскриптивной логики

были основаны на жестком дуализме. Дуализм, присущий традиционному сознанию, в отношении своих и чужих групп формировал представления, где «Мы» — носители «истинного, светлого и праведного», а, соответственно, «Они» — носители человеческих качеств с обратным знаком. Конечно же, определенные исключения допускались, как в отношении своих, так и в отношении представителей чужих групп, однако эти исключения не влияли на общую логику, определяющую базовые социокультурные представления носителей аскриптивного мышления.

Когда мир определяется на основе аскриптивных представлений, разделяющих людей «по их природе», то они служат основой самых жестких противопоставлений различных социальных групп. То, что для современных людей представляется как определенные социальные атрибуты, имеющие в той или иной степени относительное значение, для носителей аскриптивного сознания традиционного типа имеет непреложный характер и является выражением «природных» различий людей. Как следствие, логика аскриптивных представлений благоприятствует порождению кастово-сословных образований, и принадлежность людей к ним воспринимается как земная версия божественного порядка. Из истории мы знаем, что крупнейшие мыслители древности и средневековья способствовали обоснованию такого порядка. В этом ряду можно вспомнить Платона, Фому Аквинского, а также великие тексты индийской цивилизации, способствующие утверждению и легитимации сословно-кастового порядка. Во всех традиционных нарративах, посвященных общественно-политической проблематике, можно найти легитимацию такого иерархического порядка. В средневековых произведениях ведущих теологов и социальных мыслителей сословная система определялась как «ordo», и для людей этой эпохи следовать установлениям, вытекающим из своего статуса, — значит не только соответствовать социальным нормам, но и основываться на более глубоком законе, определяющем в целом порядок мира и место людей в нем. Поэтому в рамках сословной системы, особенно представителям высших слоев, необходимо было очень жестко и интенсивно подтверждать свой статус. Они должны были следовать стандартам роскоши, иметь пышные, поражающие воображение и внушающие уважение к хозяевам дворцы, а также другие атрибуты, под-

тверждающие принадлежность к высшему классу. Все эти атрибуты не должны были скрываться, а явно и постоянно предъявляться обществу. Макс Вебер, уделявший большое внимание проблеме статуса, приходил к выводу, что роскошь для высшего класса в средние века — это не излишество, а необходимость. Один из наиболее признанных исследователей дворового общества Норберт Элиас также считает, что демонстративное потребление роскоши для знати не было результатом свободной воли [Элиас 2000:70]. К таким же выводам приходит и Фернан Бродель [Бродель 2007: 505–508].

По мнению классиков социологии, следование требованиям роскоши было результатом сильнейшего социального давления, суровой необходимостью, которая диктовала членам общества жесткие правила соблюдения статусных обязательств. Особенно не знали снисхождений нормы, предъявляемые к представителям высших слоев общества, в силу чего они для подтверждения своего статуса нередко вынуждены были идти на крайние меры. Аристократы не могли отказаться от демонстрации статусных атрибутов, подтверждающих их принадлежность к высшему сословию, исходя из экономической целесообразности, даже тогда, когда их финансовое положение было затруднительным. Если экономические возможности семьи не позволяли соответствовать рангу, то это вело не к корректировке расходов и их сокращению, а к поиску источников, позволяющих сохранить свой статус. Поэтому долги и разорение постоянно сопровождали процесс воспроизводства статуса высших слоев. Но социальная логика сильнее экономической целесообразности, особенно в традиционных обществах. Под принуждением социальных норм и из-за необходимости подтверждения своей идентичности высшие слои общества должны были постоянно демонстрировать презрение к экономии, расточительность, нерасчетливую широту своей натуры. Марк Блок приводил факты конкурентной борьбы за демонстрацию статусного превосходства в виде засеивания поля серебряными монетами, сжигания конюшни вместе с породистыми лошадьми [Гуревич 1986: 213–214]. Норберт Элиас приводит пример герцога де-Ришелье, выделившего сыну деньги на празднование вступления во взрослую жизнь. Когда после празднования, которое длилось несколько дней, сын вернул часть

денег, то разгневанный отец выбросил эти деньги в окно, выговаривая сыну, что дворянин не должен считать денег. Норберт Элиас считает такой факт демонстративного подтверждения своего статуса репрезентативным для понимания средневекового общества [Элиас 2000: 51]. Также он подчеркивает, что именно двор и представители высшего света являются репрезентативными объектами средневекового общества, как городские жители репрезентативны для понимания современного общества [Элиас 2000: 51].

Важность подтверждения статуса заставляла придавать ему особое значение и принуждала не только затрачивать финансовые средства, часто игнорируя возможности своей платежеспособности, но и затрачивать основную часть своего времени, сил и чувств на постоянное обдумывание и выстраивание отношений в рамках своей статусной группы. Только постоянно инвестируя в эти отношения основную часть своих сил и ресурсов во всех видах, представители высшего света могли удерживаться в этой жесткой, конкурентной борьбе за престиж и влияние, в конечном счете, за власть, то есть за наиболее важный ресурс традиционного общества.

Излишества, связанные с демонстрацией статуса, характерные для представителей высших слоев с точки зрения современного человека, могут выглядеть как совершенно иррациональное поведение. Но в рамках своих целеполаганий они также опирались на нормы, которые были рациональными для их общественного контекста. Противопоставление традиционного и современного через дихотомию иррациональное/рациональное не только не позволяет учесть многообразие моделей типов рациональности и, соответственно, иррациональности, но и загоняет нас в ловушку эссенциализма. Следовать в этом вопросе логике эссенциализма означает объявлять определенный конкретный вид рациональности универсальной сущностью и все, что не соответствует этому представлению, определять как иррациональное. Однако если вслед за Максом Вебером и Норбертом Элиасом рассматривать рационализм не как неизменную сущность, а как феномен, который имеет свои исторические вариации, то поведение традиционных людей будет вполне соответствовать стандартам рациональности, принятым в том обществе, где им приходилось выпол-

нять требования, вытекающие из их социальных позиций, и моделировать достижения различных целей, которые перед ними ставило общество в соответствии с занимаемым статусом.

Высший свет, конечно, был не только обладателем богатства и роскоши, эксплуататором, присваивающим общественное богатство и занятым все время демонстративным потреблением. Развитию классического искусства и сложной культуры человечество во многом обязано аристократии. Язык аристократии и ее манеры поведения были главными социокультурными образцами подражания для средних слоев и, в той или иной степени, всех других групп общества. Умение сдерживать себя, выстраивать тонкие опосредованные отношения, держать дистанцию, придерживаться утонченного этикета — все эти качества, присущие аристократии, постепенно передавалось другим слоям общества, и прежде всего чиновничеству и бизнесменам. Тем самым и в их среде формировались более утонченные и сложные представления, чувства и отношения, а они в дальнейшем способствовали развитию более сложных институтов [Эллиас 2001: 176–184], [Парсонс 1998: 85].

Аскриптивный статус для членов традиционного общества служил основой уклада, в рамках которого главным принципом жизни является понимание своего места. Место человека, его социальный статус, как правило, являются наследуемыми. И этот принцип распространяется на все сословия, на все группы. Сын крестьянина должен оставаться крестьянином, сын ремесленника — ремесленником, дети дворянина — дворянами. Принцип наследования, конечно, не исключал и не мог в полной мере исключить мобильность. Во-первых, она была внутри сословий, а также, пусть и ограниченно, была межсословной. Также следует помнить, что всегда были институты, в рамках которых представители низших слоев могли совершать вертикальное восхождение. В Западной Европе роль такого социального лифта выполнял институт католической церкви. В силу обета безбрачия должности служителей не могли быть наследуемыми, и их воспроизводство происходило только извне. А в древнем и средневековом Китае представители низших слоев могли совершать восхождение по социальной лестнице на основе своих знаний. Но специалисты по традиционным обществам, отмечая такие возможности

социальной мобильности, тем не менее, считают, что основой традиционного общества является стабильность социальных групп. Карьера являлась не массовым социальным механизмом, а, скорее, индивидуальным явлением. Традиционный человек не соотносил свою индивидуальность с достигнутыми результатами, априори его положение и его достижения во многом и даже решающим образом были, как считалось, следствием его происхождения, особенно если это происхождение было знатным.

Для каждого общества особое значение имеет его пространственно-временная организация. Традиционное общество отличается особо прочной связью людей с местом своего происхождения и стремлением к его сакрализации. Идентификация человека всегда включала в себя место его происхождения, всегда указывалось, откуда родом человек. Это находило отражение или в имени человека, или в его титуле, и, кроме этого, общая его оценка всегда была опосредована его происхождением, в том числе территориальным. Значимость территориальной принадлежности повышалась и в силу того, что пространственная мобильность была ограничена. Люди поколениями жили в одном и том же поселении, в одном и том же регионе. При такой привязанности к месту проживания неизбежно возрастала степень его значимости для человека и сообщества, а также его противопоставление представителям других пространственных образований. Благодаря пространственным особенностям сообщества наделялись и до сих пор в досовременных обществах наделяются определенными атрибутами, которые по логике традиционного сознания проистекают из особенностей их территориального происхождения. В силу таких пространственных атрибуций, имеющих аскриптивный характер, место проживания, с одной стороны, является одним из важнейших детерминант формирования солидарности внутри территориальной общности, а с другой — способом различения и противопоставления другим территориальным общностям.

Территориальное различие сохраняет свое значение и в современную эпоху, особенно в общественных системах, где сохранился традиционный или полутрадиционный порядок. В этих обществах человек или сообщество все еще атрибутируются главным образом по месту его происхождения. Другие социокультурные идентификаторы также учитываются, но они не мо-

гут полностью отменить традиции территориальной идентификации и самоидентификации человека.

В традиционных обществах представления о времени основывались на особой значимости прошлого. Все значимое и определяющее для общества произошло в прошлом, и задача современников в том, чтобы как можно лучше воспроизводить эти образцы, доставшиеся от предшествующих поколений [Хейзинга 1988: 39], [Гуревич 1984: 135–145]. В силу того, что традиционные люди были ориентированы на воспроизводство того, что есть, а не на изменения, то такая установка также способствовала закреплению ценностей прошлого. В результате в обществе с такими временными ориентациями сложился тип человека, для которого экзистенциальными ценностями были не поиск нового и развитие, а соответствие сложившемуся стандарту жизни и по возможности его наиболее точное воспроизведение. В силу господства ценностей прошлого члены традиционного общества стремились к воспроизводству своих положений и для них не были особо значимы побуждения, связанные с изменением своей жизни, в том числе с повышением ее экономического уровня. Известный пример Макса Вебера об экономических установках немецких крестьян, еще не приобщившихся к достигательным ценностям и поэтому равнодушных к повышению уровня жизни, можно считать репрезентативным [Вебер 1990: 80–81]. Логика отношения к достижениям со стороны немецких крестьян, смотревших на мир через призму традиционных категорий, впоследствии массово воспроизводилась и воспроизводится почти во всех обществах, где все еще господствуют традиционные ценности. В рамках таких ценностных ориентаций экономические достижения вторичны по сравнению с воспроизводством своего статуса в структуре традиционного образа жизни [Парсонс 2002: 298–299].

Повышенная значимость прошлого в настоящем является одним из конститутивных признаков обществ, сохранивших традиционное устройство и в современный период истории. Для таких обществ основным препятствием для их модернизации является господство дискурса и нарративов, наполненных образами и смыслами прошлого. В большинстве обществ неорганичной модернизации традиционные дискурсы и нарративы все еще оста-

ются основными способами определения реальности, человека и объяснения происходящих процессов. Что же касается новых символов и институций, то они пока не имеют достаточного социокультурного веса и не могут также эффективно влиять на формирование идентичностей и общественных отношений как традиционные когниции.

1.3. Полицентрическое общество

Исходя из выбранных выше критериев современное общество можно определить как полицентрическую социокультурную систему. Полицентризм современного общества является следствием не только возрастания уровня дифференциации социальных институтов, но и возникновения структуры, состоящей из автономных институций. Социология, начиная от Герберта Спенсера, рассматривала современное общество именно через процесс дифференциации институтов. Впоследствии более глубокий анализ процесса дифференциации общества был проделан Эмилем Дюркгеймом [Дюркгейм 1991]. С его точки зрения, общественная дифференциация связана не только с разделением труда, она имеет более сложный и комплексный характер. О современном развитии по Дюркгейму можно говорить лишь тогда, когда происходит дифференциация и диверсификация общественного сознания, моральных норм и правовой системы. Автором, заложившим основы современного социологического понимания дифференциации общественных систем, был Толкот Парсонс. С его именем связаны не только конкретизация концепции дифференциации, но и обоснование невозможности современной дифференциации без генерализации ценностных образцов. Парсонсу также удалось соединить проблему необходимости дифференциации институтов с другой, не менее важной необходимостью — легитимацией самого процесса дифференциации [Парсонс 2001]. В дальнейшем почти все социологи при анализе проблемы дифференциации во многом опирались на теоретические импликации Толкота Парсонса.

Феномен дифференциации, как условие формирования современного общества, ныне является аксиомой современной

социологии. По мнению одного из крупнейших социологов современности Никласа Лумана, понятие «современное общество» может быть определено, прежде всего, через форму его дифференциации [Луман 2006: 171]. Энтони Гидденс считает, что существенные различия между традиционным и современным образом жизни обусловлены, во-первых, темпом изменений, во-вторых, их масштабом, а в-третьих, природой современных социальных институтов. А специфика современных институтов, по его мнению, определяется, наряду с дифференциацией, и интернализацией абстрактного знания. Также к конститутивным особенностям современности он относит изменения соотношения пространства и времени, и отсюда — высвобождение принудительного взаимодействия в рамках синкретических местных сообществ и приобретение возможности трансформироваться в неограниченных пространственно-временных масштабах [Гидденс 2011].

Опираясь на рассмотренные выше концепции, я буду рассматривать полицентризм современного общества как следствие исторической дифференциации его институтов. В рамках этого процесса происходит автономизация институтов и постепенное их высвобождение от господства политических, религиозных, а в современную эпоху и идеологических институтов. Их влияние, несомненно, сохраняется, но они теряют возможность прямого воздействия на деятельность других институтов и уже не имеют возможности через определенные циркуляры указывать другим институтам, что им надо и что не надо делать. В обществах, которые смогли преодолеть иерархический порядок институтов, образовалась автономная система институтов, где каждый институт или группа родственных институтов образуют свой центр, и их развитие подчиняется, прежде всего, собственной логике и основывается на внутренних ценностях и нормах.

Навязывание норм одних институтов другим становится недопустимым по нескольким причинам. Во-первых, уже нет возможности навязывать эти нормы по политическим причинам; во-вторых, более эффективную дифференциацию институтов обеспечивает внутренняя приверженность их членов институциональным ценностям и нормам. Такая приверженность — результат длительной социализации, которая сформировала у членов опре-

деленного института представления и логику и в целом автономные идентичности, фактически не допускающие смешения институциональных норм. Если имеет место следование нормам других институтов, то такие институциональные девианты подвергаются жестким санкциям, вплоть до изгнания из данного сообщества, и поэтому устремления, ведущие к институциональному синкретизму, становятся нелегитимными. Формирование норм автономного сообщества и их эффективность для поддержания профессионального этоса на примере науки Нового времени были проанализированы Робертом Мертоном [Мертон 2006]. Другой крупнейший социолог второй половины XX века Пьер Бурдьё также на обширном эмпирическом материале показал, как постепенно в рамках предсовременного и современного общества формировались дифференцированные сферы деятельности. Свои выводы Пьер Бурдьё подкрепляет данными процесса автономизации рынка символической продукции и автономизации поля науки [Бурдьё 2012]. Вышеназванным классикам социологии удалось убедительно продемонстрировать формирование дифференцированной институциональной системы, в рамках которой намерения и поведение их членов определяются, прежде всего, на основе интернализованных ими профессиональных ценностей и габитусов.

Впоследствии Никлас Луман пришел к выводу, что системная дифференциация приводит к ситуации, когда функциональные системы достигают оперативной замкнутости и тем самым образуют аутопойетические системы в аутопойетической системе общества. Современные институты, несмотря на взаимодополняемость, достигают такого уровня автономии, когда фактически в некоторых вопросах они являются закрытыми для других институций. По мнению Никласа Лумана, экономика закрыта для прямого воздействия политики, а политика, наука, образование — для экономики и друг для друга. Говоря об их закрытости, Луман имеет в виду не их абсолютную отгороженность друг от друга, а то, что операции, применяемые в современном обществе в рамках одной сферы, не применимы для другой. Такая закрытость, конечно же, носит относительный характер и не приводит к дезинтеграции общества, а напротив, исторически создает более ин-

тегрированный институциональный порядок [Дюркгейм 1991], [Луман 2006].

Когда я рассматриваю общество как полицентрическое, как систему, состоящую из автономных институтов, то такой подход не означает, что в таком обществе полностью формируется эгалитарный институциональный порядок. Во всех обществах, в том числе современных, институты различаются по степени значимости и степени влияния на общество. В современных обществах влияние финансовых институтов и институтов знания, а также институтов, производящих высокие технологии, наиболее сильно. Это влияние проявляется в том, что данные институты более притягательны для привлечения ресурсов общества, начиная от финансовых и заканчивая человеческими. Более влиятельные институты также являются и более престижными, поэтому они очень эффективно влияют на формирование взглядов и ценностей большинства членов общества и, соответственно, успешно программируют их желания и поведение, которое соответствует логике этих институтов. Доминирующие институты в любом обществе неизбежно являются аттракторами, но в отличие от традиционно-иерархических институциональных систем в полицентрической системе доминирование определенных институтов и их влияние не опираются на политические меры и на прямое насилие. В полицентрическом обществе институты занимают доминирующее положение за счет большего вклада в общее развитие и их привлекательности для членов общества.

Дифференциация институтов не является лишь следствием их специализации; это процесс, тесно связанный с диверсификацией общества. Диверсификация является как предпосылкой, так и следствием дифференциации. Институциональная дифференциация, с одной стороны, должна опираться на определенные предпосылки с достаточным объемом социокультурной сложности, а с другой — она способствует дальнейшему повышению уровня сложности общества. В рамках дифференциации институтов общества происходит не только множество специальных изменений, но и формирование различных моделей, позволяющих интегрировать множество специфических когнийций и практик. Благодаря дифференциации институтов общество не только усложняется, но и, как считает Луман, выигрывает, в силу того, что обще-

ство через обособление в нем новых различий между системой и окружающим миром совершает экспансию внутрь [Луман 2006: 190]. Как отмечал по другому поводу Поль Рикёр, за счет дифференциации мы, проигрывая в широте, выигрываем в интенсивности [Рикёр 1995: 86]. Такое изменение общественных интенций имеет конститутивное значение для формирования современного общества.

В отличие от полицентрического, ориентированного на интенсивное развитие, стремление к внешней экспансии является одним из базовых признаков традиционного общества. Рост общества, его престиж главным образом определялись через его пространственное расширение, и поэтому все традиционные государственные образования желали увеличить свои территории, стремились к пространственному расширению своего влияния. Пример Никколы Макиавелли об одном из представителей клана Медичи, который пользовался признанием всех слоев Флоренции, можно считать репрезентативным для понимания традиционного сознания. Козимо Медичи, сделавший очень много для своего города-государства, отмечает Макиавелли, очень сильно переживал, что не смог сделать своему городу «самый дорогой подарок» — расширить его территорию [Макиавелли 1987: 276]. Привычка к пространственной экспансии еще долго сохранялась и в полицентрических обществах, но постепенно в таких обществах возобладала ориентация на интенсивность, а не на экстенсивность.

В истории мы наблюдаем, что дифференцированные системы в долговременном плане более эффективны, чем синкретические. Такой вывод подтверждается многократным превосходством развитых стран, имеющих сложнодифференцированную структуру, над слабодифференцированными странами как по уровню жизни и технологии, так и в целом по общему потенциалу развития. В краткосрочном плане синкретические системы могут достигать принудительной концентрации в определенных сферах общественного развития и быть достаточно конкурентоспособными. Но пример тоталитарных стран подтверждает, что они не могут обеспечить долгосрочную конкурентоспособность, так как синкретические системы не могут создать сложную институциональную систему, которая позволяет обеспечить дол-

современную позитивную концентрацию общественных усилий. При отсутствии дифференцированных институтов или недостаточной развитости степени их дифференциации общественной системе невозможно обеспечить необходимый уровень аккумуляции социальной энергии, создать устойчивые модели идентичности, основывающиеся на ценностях профессионализма.

Необходимой когнитивной основой для успешного протекания процессов дифференциации является способность общества формировать обобщенные представления о различных видах деятельности и типах людей. История свидетельствует, что лишь общества, обладающие достаточной способностью к формированию генерализированных представлений, а на их основе нормативных ожиданий с широким объемом обобщенности, смогли успешно дифференцироваться и определять такой порядок, как легитимный. В современном обществе интернализация обобщенных представлений является не только условием формирования современной идентичности, но и более или менее успешной ориентацией в сложно дифференцированном социокультурном пространстве. Генерализированные представления не только обеспечивают легитимацию институциональной дифференциации, но и служат надежным фундаментом для обоснования прав и притязаний различных социальных групп. Люк Болтански и Лоран Тевено в своей известной работе, посвященной проблемам справедливости, подчеркивают, что генерализированные представления являются обязательным условием достижения согласования различных порядков признания, характерных для сложноструктурированного современного общества [Болтански, Тевено 2013: 79].

На основе генерализированных представлений в современных обществах происходит и расширение спектра легитимных возможностей, что благоприятно влияет на развитие таких видов деятельности, как промышленность, торговля, образование, наука. В рамках более широких представлений также формируются более сложные и более гибкие модели идентичности, предоставляя членам современных обществ разнообразные способы индивидуализации. Вместе с тем расширение спектра возможностей в современных обществах одновременно расширяет и спектр семантических затруднений, порождает проблемы с ориентацией

и выбором [Луман 1991], [Хабермас 2001], [Jameson 1984], [Джеймисон 2014].

Диверсификация общества, которое мы называем современным, приводит к детotalизации смысловых универсумов и появлению множества конкурирующих центров по производству смыслов. В данном случае множество конкурирующих «фабрик значений» — такое же и даже более важное условие, чем диверсификация материальных технологий. Такая семантическая диверсификация неизбежно повышает потребность в сложной рефлексии. На эту социокультурную и экзистенциальную проблему обращали внимание многие известные социологи, среди них можно выделить как наиболее фундированные работы Питера Бергера [Berger 1979], Никласа Лумана [1991], Зигмунта Баумана [2008], Энтони Гидденса [2013].

В сложном современном обществе основой социокультурной рефлексии становится социология. В современном обществе «социологическое воображение» не только прерогатива интеллектуалов, оно в той или иной степени свойственно большинству его членов, так как является условием их успешной ориентации в окружающей социальной реальности. Социальная наука, являясь, с одной стороны, следствием развития общества, вместе с тем, задает новые параметры развития общественного сознания и институтов современного общества. По мнению Гидденса, социальная наука гораздо больше вовлечена в современность, так как обеспечивает постоянный анализ и необходимый пересмотр социальных практик, и благодаря знаниям, которые социология продуцирует об этих практиках, она включена в основы социальных институтов.

Плюралистические общества отличают и более открытые способы стратификации, преимущественно основанные на критериях достижительности. Но при этом в стратификационной системе современного общества сохраняются в определенной степени и традиционные аскриптивные установления. Широко известные исследования Уайлда Уорнера продемонстрировали живучесть аскриптивных критериев стратификации в США, в стране, которая считается образцом современного общества [Уорнер 2000]. В американском обществе, как и в других современных странах, стремление образовывать закрытые сообщества со свои-

ми клубами и салонами, где нет места тем, кто не соответствует требованиям происхождения, все еще сохраняется. Однако Толкот Парсонс, признавая значимость для американского общества феномена WASP, тем не менее обоснованно считал, что он не имеет той сословно-кастовой замкнутости, которая была характерна для иерархического общества традиционного типа [Парсонс 1998: 119–122].

При неизбежном сохранении в современном обществе той или иной степени аскриптивных установлений, следует отметить, что они теряют свою жесткость и возможность императивно определять отношения между социальными стратами. Возможности войти и выйти из этих страт становятся более открытыми и основаны скорее на достижительных ценностях, чем на происхождении. По крайней мере, уже отсутствуют юридические запреты на изменения статусных позиций и видов деятельности, связанных с ними. Статусные позиции в большинстве своем достигаются через карьеру, через успех, а принцип наследования, хотя и сохраняет свое значение, теряет ту доминирующую роль, которую он играл в традиционном обществе. Изменения в структуре и содержании стратификации современных обществ являются следствием формирования новых предпочтений и синтеза различных статусных моделей [Парсонс 1998], [Bourdieu 1984], [Брук 2013], [Флорида 20011].

Современное общество также отличает и преодоление пространственных ограничений мобильности человека, и в результате принадлежность к территориальной единице перестает выполнять функцию одной из основополагающих основ идентичности современных людей. Пространственная мобильность становится нормой, и люди, которые с рождения до своей смерти прожили в одной и той же местности, образуют уже меньшинство.

Временная организация жизни современного общества отличается, прежде всего, ориентацией на настоящее и будущее. Прошлое теряет свою былую значимость и уже не определяет так императивно события и процессы, происходящие в настоящем, как это свойственно традиционным обществам. В современном обществе прошлое является предметом исторического интереса и определенной ностальгии, но оно уже не является такой активной силой, жестко детерминирующей поведение людей настоя-

шего. Особое значение в жизни современного человека приобретают ориентация на будущее и постоянное проектирование своей жизни с учетом перспективы. И в условиях, когда главными ценностями являются не воспроизводство прошлого, а изменения с ориентацией на будущее, жизнь становится несравненно более динамичной по сравнению с традиционными состояниями.

В связи с ролью фактора времени в организации общества мы можем видеть, что в двух типах общественных систем наблюдаются устойчивые временные предрасположенности: в одном случае к прошлому, в другом — к настоящему и будущему. Исходя из этого критерия мы можем относить иерархические общественные системы по своей временной ориентации к традиционным, а плюралистические — к современным. Для иерархических обществ прошлое образует базовую символическую основу, на которой базируются все другие институты и идентичности таких обществ. Даже если иерархическое общество официально ориентировано на будущее и стремится изменить не только себя, но и весь мир, как в случае с Советским Союзом, тем не менее, в реальности прошлое сохраняло свое определяющее значение для конструирования и воспроизводства советской идентичности. Доминирующее значение прошлого для идентичности советских людей было обусловлено содержанием их базовых нарративов. При всех призывах к модернизации советская идентичность, прежде всего, основывалась на нарративах революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Советский дискурс был всегда более эксплицитным в отношении прошлого, но не достигал такого же уровня конкретизации по отношению к настоящему и будущему, поэтому потенциал воздействия нарративов о прошлом на общественное сознание был всегда несравненно больше, чем степень воздействия современных нарративов.

Каждый тип общества отличает особый способ солидарности между индивидами и общностями, входящими в данное образование. В досовременных обществах солидарность имеет преимущественно локальный характер. Люди здесь солидарны, прежде всего, с членами родоплеменных сообществ и территориальных общностей. Солидарность с сообществом, имеющим надплеменной и надрегиональный характер, в традиционном обществе выражена слабо и фрагментарно. В силу таких локальных

установлений надплеменные и надрегиональные образования отличаются неустойчивостью и периодически распадаются. В современном обществе локальные солидарности также сохраняются, но наряду с ними для самоидентификации людей этого общества особое значение приобретает общенациональная принадлежность. Общенациональная солидарность и образование национального государства, с одной стороны, являются важнейшими предпосылками, с другой — следствием развития современного общества.

Солидарность не только связана с сопричастностью, но и опирается на достигнутый обществом уровень доверия как одного из базовых условий существования человека. В традиционном обществе доверие строилось на знаниях, полученных из окружения, с представителями которого человек непосредственно физически взаимодействовал. Это были знания не только повседневного уровня, они включали в себя и трансцендентные представления, но к любым формам знания традиционные люди приобщались в основном через непосредственное взаимодействие с их носителями. В современном мире источники знания существенно усложняются, и значительная часть когний приобретает не через непосредственное окружение человека. Формируется корпус знаний, во многом носящий абстрактный характер и создаваемый незнакомыми для человека экспертами. В результате условиями успешной социализации и последующей эффективной ориентации в более сложном современном мире становятся доверие и способность человека соответствовать требованиям абстрактного экспертного знания [Гидденс 2011: 218–222].

Доверие также становится условием развития конкретных институций, в том числе экономических. Более масштабное и сложное производство с неизбежностью требует доверия не только к компетенции и выводам, полученным специалистами различных отделов и направлений, но и к делегированию полномочий. Без такого доверия их согласованное и устойчивое взаимодействие оказывается не только затруднительным, но и к невозможным. Также абстрактные системы имеют решающее значение как средство стабилизации в ориентациях в более неопре-

деленном пространстве и временных установках, ориентированных на будущее.

Для современного общества характерен рост индивидуализма. Из-за особого значения индивидуализма в современном мире он подвержен двойной мифологизации. С одной стороны, индивидуализм приветствуется в силу того, что его неизменными атрибутами выступают такие высокоценимые в современном мире качества, как независимость и самополагание. С другой стороны, индивидуализм осуждается, так как считают, что он порождает атомизацию общества. Оба утверждения больше являются мифологемами, чем строгим эмпирическим выводом. Несмотря на распространенные представления о полностью независимых и самополагающих индивидах, а также об отсутствии или крайней ограниченности индивидуальных связей в современных обществах, феномен индивидуализма более неоднозначен, как и его последствия. Во-первых, любой человек формирует свои представления о себе, опираясь на социокультурные когниции, на основе социализации в рамках определенных дискурсивных практик. Как следствие, становление индивидуализированного человека и его идентичности происходит на основе дискурсивных практик, созданных отнюдь не самим индивидом. Во-вторых, представления об отсутствии или крайней ограниченности индивидуальных отношений в современных обществах, на мой взгляд, также являются больше идеологизированными, чем эмпирически обоснованными. В современном мире личные отношения не отменяются, а приобретают большую свободу выбора на основе индивидуальных особенностей, тогда как в традиционных обществах они более императивно навязаны средой.

Также несостоятельность концепции об атомизации современного общества подтверждается следующими фактами. Во-первых, для членов обществ современного типа характерны большой радиус доверия и чувство общенациональной солидарности. Во-вторых, мы наблюдаем многочисленные факты обратного характера, которые свойственны странам с традиционной или полутрадиционной социокультурной структурой. Отсутствие или неразвитость доверия и солидарности для этих стран имеют не только социально-политические последствия, но и оборачива-

ются существенными трудностями по развитию современного производства.

Как уже отмечалось, конструктивистские подходы рассматривают общество как когнитивное образование. Структура и содержание когниций задают структуру и содержание институтов общества, тем самым определяя способы организации жизни данной социокультурной системы. В этом плане мы наблюдаем, что традиционные и современные общества отличаются своей логикой, объяснительными моделями, нарративами и сценариями жизни. Так, при всем разнообразии отдельных традиционных обществ мы наблюдаем общее для них тяготение к фундаменталистской логике и жесткому иерархическому дискурсу. Отличительными особенностями современных обществ, несмотря на страновые различия, являются диверсификация знания и отход от простых противопоставлений, преодоление господства дихотомической логики.

Современное общество, как более сложный тип социокультурной системы, формируется как исторический итог длительных практик по моделированию более сложных отношений. Такие отношения не являются результатом преднамеренного выбора и определенного планирования. Сложные отношения — итог исторического развития, когда по мере усложнения социокультурных когниций и развития способностей определенных сообществ устойчиво генерировать такой тип когниций также формируются и способности общественных акторов решать свои проблемы более сложным путем.

В природе не существует чистых типов, в том числе и общественных. Классик социологии, внесший очень значительный вклад в проблему осмысления модернизации, Толкот Парсонс считал, что, несмотря на наличие определенных универсальных признаков современного общества, следует учитывать конкретное эмпирическое многообразие обществ и особенности каждого из них и поэтому нужно говорить о системе современных обществ, а не об одном таком обществе [Парсонс 1998: 161]. Но как бы мы ни подходили к выделению типов общественных систем, такая задача всегда представляет собой результат абстрагирования, результат конструирования с определенной исследовательской целью. Конечно, в той или иной степени они должны соот-

ветствовать реальным состояниям и процессам. Но в любом случае без создания определенных идеально-типических конструкторов не обойтись. И такая необходимость или признается, или неявно используется. Исходя из такой исследовательской позиции, я, выделяя два основных макротипа общественных систем, подчеркиваю, что каждый из этих макротипов в современную эпоху содержит в себе институциональные элементы обеих систем. В любом модернизированном обществе неизбежно сохраняются традиционные институты, и они играют достаточно весомую роль в воспроизводстве данного общества. Хрестоматийными примерами здесь являются ситуации в Великобритании и Японии. Для британского общества свое конститутивное значение сохраняет институт монархии и аристократии. Также сохраняет свое значение множество не так явно выраженных для наблюдателей со стороны ценностей и норм традиционного характера. Удивительный синтез новаций и традиций характерен для Японии, являющейся одной из стран, задающих пути развития современного мира. Прежде всего, следует отметить сохранение приверженности японцев общинным ценностям, культу императора и другим досовременным институтам. Но эти две страны, как и другие современные страны, по своей институциональной структуре являются полицентрическими, а значит современными.

1.4. Общественная система смешанного типа

Выше рассматривались два типа институциональной структуры: иерархический и полицентрический. В зависимости от того, какая структура определяет взаимодействие институтов, любое общество можно отнести или к традиционно-иерархическому или к современно-полицентрическому типу. Данный принцип классификации довольно легко приложим к явно выраженным институциональным структурам. Например, не вызовет особых затруднений определение типа общества наиболее развитых стран «первого мира» или наиболее отсталых стран «третьего мира». Но достаточно большую группу стран, занимающих промежуточное положение между «первым» и «третьим» миром, трудно однозначно классифицировать по принципу традиционное/

современное. Эти общества характеризуются как значительным влиянием традиционных институтов, так и достаточно масштабной долей современных. В силу их противоречивых взаимовлияний очень трудно однозначно относить такие общества к традиционным или современным. При любом минимально детальном анализе мы обнаружим, что в этих обществах имеются смещения и наслоения институтов различного типа с соответствующими последствиями для общественных отношений и ментальности их членов.

Поэтому значительная часть стран в современную эпоху в той или иной степени относится к смешанным типам социокультурных систем. Наиболее масштабным примером такого рода является бывший Советский Союз и большинство образовавшихся на его основе постсоветских стран. Для таких обществ характерно и сохранение традиционно-иерархической институциональной структуры, и наличие институтов современного типа. Особенность этих обществ в том, что они уже не являются классическими традиционными обществами, но все еще не могут стать современными. Сохранение слабодифференцированных институциональных структур иерархического типа решающим образом определяет их досовременный характер, а возникшие в результате модернизационных процессов новые институты не в состоянии создать социокультурный порядок плюралистического типа.

В обществе смешанного типа такие институты, как промышленность, образование, наука играют достаточно существенную роль. Так, в Советском Союзе они приобрели очень масштабный характер, и без учета их влияния на общество представить советскую систему невозможно. Такая же ситуация, в той или иной степени, присуща ряду других стран, достигших очень значительных успехов в развитии некоторых сфер современной промышленности, образования и науки. К таким странам можно отнести Израиль, Индию, Турцию. В той или иной степени к ним можно отнести и ряд стран Латинской Америки: Чили, Аргентину и Бразилию [Хана 2010], [Фукуяма 2012]. Эти страны, особенно Израиль и в определенной степени Индия, достигли впечатляющих результатов в научно-техническом развитии. Они успешно развивают ряд самых современных направлений науки и техники. В

структуре производства Израиля очень высока доля продукции hi-tech, а по соотношению высоких технологий в своем экспорте эта страна занимает лидирующее положение в современном мире. Индия сумела наладить производство космических и ядерных программ, а в последнее десятилетие вошла в круг ведущих производителей в сфере программирования. Но хотя новые институты оказывают существенное влияние на все процессы, происходящие в таких обществах, тем не менее их трансформационного потенциала недостаточно для преобладания в них современных норм и отношений. Как следствие, социокультурная структура этих обществ основывается на традиционных когнициях, ценностях и нормах. Господство традиционных норм и ценностей проявляется и в отношениях в рамках новых институтов, что приводит к сохранению среди их членов традиционных в своей основе моделей идентичности и габитуса. Но вместе с тем в таких обществах, несмотря на значимость «древних определенностей», под влиянием современных тенденций традиционная ментальность неизбежно теряет свою органичность и представляет собой синкретический феномен.

Полномасштабная модернизация в смешанных обществах блокируется, прежде всего, дефицитом современных социокультурных когниций. Как следствие, общественное сознание и идентичности в таких обществах базируются в большей степени на традиционных когнициях, нежели на современных. При отсутствии необходимых социокультурных когниций и основанных на них практик оказывается невозможной и замена традиционных институтов новыми, тем более за короткий исторический срок. В результате попыток прямой отмены традиционных институтов и утверждения политическими методами новых возникают не современные институты, а гибриды с новой вывеской и отчасти новым содержанием, но с неизбежным сохранением в их основе когниций и норм традиционного типа и, соответственно, сохранением традиционного габитуса. Так, в Советском Союзе отрицание религии привело не к секуляризации современного типа, а к замене существующих типов религии на более примитивные формы верований под оболочкой атеизма. По мнению Пауля Тиллиха, тоталитарная идеология фактически являлась псевдорелигией [Тиллих 1995]. Исследуя тоталитарное сознание и объек-

ты его поклонения, к схожим выводам пришел и Эрих Фромм [Фромм 1990: 157–163]. Примеры советской версии религии рассмотрены и в ряде других работ [Фурман 1989: 402–426]. Из-за невозможности генерирования необходимого объема современных когниций в институциональных сферах, призванных обеспечить модернизацию советского общества, фактически доминировали нормы и отношения традиционного типа.

В Индии, несмотря на все ее научно-технические достижения, именно традиционные аскрипции являются определяющими для идентичности индийцев. Вследствие такой значимости традиционных аскрипций в Индии, при всех ее достижениях в сфере экономики, науки и техники, сохраняется господство кастовой системы, древних культов и верований, более эффективно определяющих сознание и ориентации индийцев, чем представления и ценности современного мира. В результате не только представители высших каст отстаивают необходимость сохранения кастовой системы, свою приверженность к ней сохраняют и низшие касты, и даже каста неприкасаемых. Низшие касты больше мечтают не о формальных свободах и не о всеобщем равенстве, большинство их представителей все еще хотят признания и возвышения в рамках кастовой системы. Господство высших каст поддерживается не только через использование политических инструментов, оно успешно воспроизводится, прежде всего, благодаря принятию низшими кастами доминирующей социокультурной логики индийского общества, созданной высшими кастами. Поэтому новые институты, точнее их фрагменты, пока не могут изменить господство кастовой логики в индийском обществе. И как следствие, по мнению специалистов, для понимания общественных отношений в этой стране все еще большее значение имеет категория касты, чем категория социального класса.

Сохраняющаяся власть традиционных определений в индийском обществе не только препятствует развитию современных институций, но и нередко приводит к рецидивам жестоких действий, имеющих корни в глубоком прошлом. В индийском обществе из-за господства аскриптивных определений все еще сохраняется традиция умерщвления девочек, а также происходят регулярные жестокие конфликты на конфессиональной основе.

Несмотря на успехи в развитии экономики в индийском обществе все еще сохраняется амбивалентное отношение к торговле и в целом к бизнесу, а также почитание носителей статусов, связанных с религиозными культурами и политико-административными должностями. В рамках общества с такими предпочтениями современные правовые нормы очень часто играют слабую роль или попросту игнорируются. Поэтому в Индии общественные процессы регулируются больше ключевыми фигурами, чем формальными правилами. Результат сочетания традиции и новых институтов один из индийских специалистов определил как «старое вино в новых бутылках». Другой современный исследователь Индии приходит к более радикальному выводу, что эта страна представляет собой «шизофреническое сочетание» высоких технологий, присущих XXI веку, с архаическими институтами [Льюис 2010].

В сравнении с Индией Израиль является, несомненно, более современным обществом, однако и в этой стране все впечатляющие достижения научно-технического развития уступают по своему влиянию и весу галахической традиции [Занд 2010], [Занд 2012], [Дубсон 2014]. Поэтому в своей основе израильское общество остается под влиянием больше традиционных ценностей, чем современных. Однако так как последние также очень значимы для значительной части израильтян, то в итоге имеет место общество смешанного типа.

Общим для смешанных обществ является слишком большая роль прошлого в настоящем этих стран. Высказывание одного индийского специалиста, отмечавшего, что для оценки современной Индии не подходит слово «было», а подходит слово «есть», можно применить к анализу институциональной структуры почти всех обществ смешанного типа. В обществах такого типа, несмотря на все технологические и экономические изменения, все еще доминирует прошлое, и оно все еще определяет сознание и поведение их членов. Эти страны все еще находятся под чрезмерным влиянием своей истории, а отношение к ней крайне политизировано, и в таких обществах еще не сложились условия, при которых можно вести речь о возможности объективных исследований истории, не допуская ее политизации.

Говоря о трудностях изменений обществ, можно прислушаться к мнению такого специалиста, как Фернан Бродель, который на основе огромного массива фактов рассматривал соотношения изменений и стабильных аспектов в истории многих обществ. Вывод Броделя в целом заключается в следующем: общество, конечно, меняется, но, тем не менее, оно упорно воспроизводит свои особенности и при всем разнообразии фактических изменений сохраняет преемственность [Бродель 2006]. Тезис Броделя в той или иной степени применим к любому обществу, даже к такому, для которого характерна высокая динамика социокультурных изменений. Поэтому, несмотря на все изменения, мы наблюдаем преемственность с прошлым во всех современных странах. Но вывод Броделя еще более применим к обществам, для которых характерны именно структурная стабильность и слабая динамика их институтов. В результате неизменности институциональной структуры такие общества, несмотря на все технологические новшества, остаются наиболее похожими на самих себя. Полутрадиционные общества остаются в основе своей прежними, хотя многие из них не являются абсолютно закрытыми для перемен и за последние два-три столетия также переживали неизбежные изменения. Но изменения в таких обществах не приводят к структурной трансформации, и поэтому они, несмотря на все технологические и даже институциональные новшества, сохраняют традиционную или полутрадиционную институциональную структуру.

Особенность полутрадиционной общественной системы заключается не в возникновении институциональной структуры, где условно половина институтов имеет традиционный характер, а половина — современный. Их количественное соотношение измерить трудно, да в этом и нет необходимости. Есть достаточно надежные критерии определения факторов, влияющих на общее соотношение институтов, — это факторы доминирования, факторы, определяющие нормы взаимодействия между институтами. И с этой точки зрения полутрадиционные общества остаются социокультурными системами, где при всех изменениях, порой очень масштабных, сохраняется господствующее положение политических институтов и синкретического магического сознания, а зна-

чит, они остаются в своей основе традиционными, с доминированием иерархических отношений.

Господство традиционных институтов сохраняется и из-за повышенного значения прошлого для воспроизводства идентичности обществ смешанного типа. В результате особого значения прошлого дискуссии об истории в таких обществах имеют крайне эмоциональный и политизированный характер. История рассматривается не как объект научного интереса, а как один из важнейших способов поддержания доминирующей идентичности или способ ее деконструкции. Как правило, и противники, и сторонники модернизации рассматривают историю как один из идеологических ресурсов для обоснования своих социокультурных позиций и политических интересов. В таком общественном контексте повышенный спрос на идеологизированные исторические нарративы неизбежен, так как за ним стоят крайне важные ставки, обеспечивающие возможность сохранения традиционной идентичности или, наоборот, ее замены.

Большинство стран переходного типа сталкиваются с неприятной истиной, связанной с тем, что развитие проблематизирует и даже радикально подрывает традиционную идентичность, но, к сожалению, не гарантирует получения взамен жизнеспособной альтернативной идентичности. В ситуации, когда основные тенденции развития современного мира угрожают базовым ценностям и определениям, на которых основывается традиционная идентичность, ее сторонникам приходится демонстрировать определенную изобретательность для защиты от угрозы радикальной деконструкции своих идентификаций. Решение неприятной дилеммы, связанной, с одной стороны, с защитой традиционной идентичности, а с другой — с обеспечением для ее носителей конкурентоспособности в современном мире, имеет две версии. Наиболее распространенная версия — стремление к сохранению традиционного ядра идентичности с эклектическими добавлениями ряда современных требований. Такие модели идентичностей мы наблюдаем в большинстве обществ смешанного типа. Они являются результатом того, что сообщества поставлены в условия, когда нельзя укрыться от влияния современности, но при этом они не хотят и во многом не могут отказаться от своих традиционных идентификаций. Невозможность отказа от традиционных

идентификаций, на мой взгляд, проистекает, прежде всего, из-за отсутствия или крайней ограниченности социокультурных когнитивных, которые стали бы основой формирования современных идентификаций. В таких когнитивных условиях приверженность традиционной идентичности фактически является рационализацией, чем отрефлексированной идеологической позицией.

Вторая версия, легитимирующая необходимость сохранения традиционной идентичности, имеет ярко выраженный агрессивно-полемический характер, и она направлена на прямое отрицание ценностей и норм современного мира. Заимствование из современного мира допускается лишь в виде импорта технологий при жестком отрицании любых социокультурных заимствований. Такая стратегия стремится к дискредитации институтов современности и полемическому возвышению традиционных. При противопоставлении своих традиций ценностям развитых стран отстающие страны для легитимации своей позиции, как правило, исходят из своего духовного превосходства над развитыми странами Запада. Но данный тезис является больше убеждением, чем аргументированным выводом и также относится к компенсаторным механизмам, применяемым для сохранения самоуважения в условиях, когда страны, которые не смогли модернизироваться, оказываются неконкурентоспособными в важнейших сферах современного развития. Но и в этом случае фактически происходят определенные заимствования социокультурных норм модернизационного характера. Ведь при импорте технологий невозможно отсечь от их технико-инструментальных параметров неизбежно сопутствующие им социокультурные импликации. Поэтому даже в тех странах, где проводится самая жесткая политика противопоставления социокультурной модернизации, наблюдается неизбежное проникновение ее элементов в жизнь таких обществ. Это проникновение наблюдается повсюду: и в повседневной, и в общественно-политической жизни. Почти все слои смешанных обществ в той или иной степени подвержены влиянию современной западной культуры, по крайней мере, через приобщение к ее стилю одежды и бытовым нормам.

Каждый тип рассматриваемых общественных систем имеет свои сильные и слабые стороны. Так, социокультурный порядок, основанный на аскриптивных представлениях, ограничивает воз-

возможности развития общества, поскольку объясняет существующее положение вещей порождением неких «неизменных сущностей». Вместе с тем, такой порядок имел и во многом сохраняет позитивные социально-психологические последствия, позволяющие большинству людей принимать такой порядок как само собой разумеющееся. Будучи недовольными конкретными проявлениями этого порядка, абсолютное большинство членов традиционного общества не ставят под сомнение его основу.

С господством идей о развитии, самосовершенствовании и возможности достижения счастья очень сильно стали меняться модели идентичности, соответственно, установки и поведение людей. Как отмечал в свое время Сен-Жюст: «Счастье — это новая идея для Европы». Добавим, что впоследствии — и для других частей света. Достижение счастья стало в современном мире массовой установкой и в результате — стимулом для развития и одновременно источником массовой депривации. В предшествующие эпохи люди были менее или даже вовсе не озабочены идеей счастья и поэтому меньше страдали от его отсутствия. Толкот Парсонс назвал нашу эпоху, которую отличает беспрецедентный рост уровня жизни основной массы жителей развитых, да и развивающихся стран, эпохой беспрецедентного относительного обнищания. Отказ от большинства традиционных аскрипций и доминирование установок на достижение успеха изменили в лучшую сторону не только жизнь множества людей, но и десятков стран, с одновременным порождением массового хронического недовольства. Однако современное общество создало и беспрецедентные возможности для развития, а также самореализации людей.

2. ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

2.1. Проблема развития общественных систем

Проблема развития, являясь одной из самых фундаментальных как для отдельного индивида, так и для общественных систем, значительно обострилась в современную эпоху. Индивидов, сообщества и организации, а также страны, не отвечающие требованиям современного развития, постигает участь аутсайдеров. Пусть в современную эпоху аутсайдерам живется не так плохо, как в прежние времена, но эффект сравнительной депривации обрекает их на тяжелые психологические лишения. В условиях, когда у отстающих стран нет возможности пребывать в неведении по поводу достижений развитых стран, приходится согласиться с выводом Раймона Арона, что прошли времена, когда каждое общество могло считать себя образцовым [Арон 2015: 419].

Многочисленные разрывы в уровне развития между различными странами заставляют задаваться вопросами, почему одни страны лидируют, являются процветающими и ведущими, а другие — живут в крайней нужде. Очень актуальны и вопросы, связанные с объяснением причин, почему некоторые страны застряли во «втором эшелоне» на десятилетия, а некоторые и на столетия. В связи с господством парадигмы развития и трудностями его обеспечения, для многих стран ставшими хроническими, в современной социологии появился термин «underdevelopment» — «недоразвитость». Специалисты по данной проблеме также пришли к выводу о наличии феномена «роста без развития». Подобная ситуация характерна для ряда стран, имеющих довольно высокий уровень ВВП, но хронически отстающих от ведущих по уровню развития технологий. Экономический рост не позволяет этим странам не только сократить разрыв с ведущими странами по уровню развития технологий, но и сформировать институциональную структуру, позволяющую решить им проблему модернизации. Страны, для которых характерен «рост без развития», также отличает и

неустойчивость экономического роста. Исследования Агнуса Мэдисона, основанные на исторических данных за два столетия, подтверждают вывод о высокой волатильности развития, присущей странам, не сумевшим создать современную институциональную структуру [Maddison 1995].

Соотношение успешного решения проблемы развития в современном мире с многочисленными неудачами на этом пути свидетельствует о его сложности, оказавшейся для многих стран пока непреодолимой. Выяснилось, что современное развитие требует сложных социокультурных предпосылок, отсутствие которых нельзя компенсировать лишь финансовыми инвестициями и закупками технологий. В связи с проблемой развития я хочу особо подчеркнуть, что имеют место не только массовые и хронические затруднения с решением данной проблемы, но и дефицит теоретического постижения феномена развития. Понимание развития общественных систем, как правило, сводится к количественным достижениям, выражаемым строительством новых предприятий, учебных и научных центров, поликлиник и больниц, ростом потребления и уровня жизни. Во многих странах такие количественные изменения довольно масштабны, и большинство специалистов на их основе приходят к поспешным выводам и по поводу качественного характера происходящего. Из-за некритического понимания количественных изменений их значимость крайне преувеличивается, и их влияние на развитие общества объявляется «революционным». Репрезентативными примерами таких представлений служат следующие выводы: «Современный мир находится в состоянии непрерывной трансформации в мире, где не бывает пауз»; «И в этом мире состояние равновесия является роскошью. Перемены столь масштабны и непрерывны, что лишают нас возможностей прогнозирования на основе экстраполяции прошлого опыта»; «Сегодняшние перемены не только непрерывны, но и революционны, а поэтому изменения носят неожиданный и порой ужасный характер»; «Изменения в современном мире происходят не по дням, а буквально по часам». Такие представления о переменах свойственны не только журналистам, а под их влиянием и массовому общественному сознанию, но и научному сообществу. Показательным для понимания степени влияния на значительную часть ученых вышеназван-

ных стереотипов о переменах, происходящих в современном мире, является мнение одного из российских социологов. Автор одной из содержательных книг по проблеме фреймов, предварил свою работу вопросом: «Кому, в сущности, нужна теория фреймов в стремительно меняющемся российском обществе?» [Вахштайн 2011:7]. Здесь, на мой взгляд, важна не проблема востребованности теории фреймов. Можно будет только радоваться, если в российском обществе, и тем более в казахстанском, данная теория будет востребована. Но в данном случае я хочу обратить внимание на идентификацию российского общества, которое определяется Вахштайном как очень динамичное. Однако если российское общество, как и большинство других постсоветских, рассматривать с социологической точки зрения, а это означает рассматривать, прежде всего, структурно, то выяснится, что изменения не столь масштабны. Ведь институциональная структура российского общества, как и большинства других постсоветских обществ, несмотря на действительно множественные изменения во многих сферах, произошедшие за последние двадцать с лишним лет, в целом остается иерархической. И самое главное, не просматриваются социокультурные ресурсы, которые могли бы быть инвестированы в институциональную трансформацию постсоветских обществ.

Масштабные изменения общества, ведущие к институциональной трансформации, в результате которой не только формируются новые институты, но и новые институциональные структуры, в истории встречаются довольно редко. В большинстве случаев вывод об общественных изменениях и их динамике основывается на событийных, а не на структурных критериях. Из-за преобладания такого количественного подхода происходит крайнее преувеличение степени перемен в обществе, хотя в большинстве случаев общественные системы, несмотря на все количественные изменения, сохраняют свою структурную стабильность.

В результате господства количественных критериев самым удобным и обобщенным выражением развития считают рост ВВП. Можно сказать, что в современном мире имеет место фетишизация ВВП. Однако при этом абсолютное большинство специалистов не относят богатые нефтедобывающие страны к разви-

тым, даже при очень высоком уровне их ВВП. Возможность вхождения в клуб развитых стран оплачивается не просто финансовыми средствами, а длительными и диверсифицированными инвестициями в формирование сложной социокультурной системы. Такая социокультурная система имеет иную, чем традиционная общественная система, институциональную структуру. Количественный рост, каким бы высоким он ни был, не может привести к формированию современной институциональной структуры лишь на основе кумулятивного эффекта.

Для объяснения феномена развития, и, в частности, процесса формирования современной общественной системы, анализ необходимо перенести с его количественных критериев на качественные, то есть на структурные аспекты. Развитие общества, если под этим понимать не внутренние изменения в рамках одной общественной системы, а переход от одной общественной системы к другой, следует рассматривать как изменение формы, определяющей отношения между институтами, то есть как трансформацию. Общественные системы — это определенные формы, образуемые особым сочетанием других социокультурных форм, которые принято называть социальными институтами. И поэтому качественные изменения, ведущие к переходу от одной общественной системы к другой, являются трансформацией, то есть изменением институциональной формы, приводящей к возникновению нового типа организации институтов общества.

Непонимание или недооценка значения социокультурных форм в жизни общества и его трансформации — широко распространенный феномен как в рамках научного сообщества, так и в среде социальных акторов, стремящихся решить вопросы развития своих стран. Поэтому и на уровне общественной рефлексии, и на уровне попыток реализации ее результатов наблюдается явное преобладание понимания развития как количественного роста. Логика, определяемая парадигмой количественного развития, проста: достаточные финансовые инвестиции в определенные сферы позволяют обеспечить развитие общества. Сторонников такой парадигмы не смущают хронические затруднения и даже провалы, связанные с такой моделью развития стран «второго» и «третьего» мира. Проблемы в развитии этих стран сторонники количественной парадигмы, как правило, объясняют недостатком

инвестиций, качеством управления и коррупцией. При этом инвестиции понимаются как чисто финансовые инструменты, а структурные предпосылки и последствия развития рассматриваются как эпифеномены политических и экономических усилий. В принципе такая логика, как отмечал в свое время Томас Кун, задается господствующей парадигмой и может быть преодолена лишь при ее смене [Кун 1977]. Пока же количественная парадигма развития сохраняет свое господствующее положение с соответствующими последствиями как для теории, так и для практики развития.

В рамках данной работы я придерживаюсь и уточняю концепцию, которая рассматривает развитие общества как изменение его структуры. Под структурными изменениями общественной системы я понимаю способность общества формировать определенные институты и достигать их более сложных конфигураций. История Нового времени, и особенно XX века, позволила убедиться, что большинство стран мира, не сумевших обеспечить структурные изменения, трансформировать свои социокультурные системы, при всех отдельных и порой очень масштабных достижениях не смогли решить проблему современного развития. При отсутствии достаточных возможностей для структурного изменения такие страны добивались успехов, порой значительных, но не смогли создать институциональную структуру, обеспечивающую более устойчивый рост.

В течение последних двух-трех столетий такой рост обеспечивает лишь институциональная структура, которую отличают высокий уровень автономии ее элементов и общее усложнение характерных для нее социокультурных процессов. В совокупности эти процессы дифференциации и диверсификации позволяют изменить традиционный иерархический порядок на более сложный тип — полицентрический. Такую трансформацию институциональной структуры специалисты также определяют как процессы, связанные с секуляризацией и демократизацией общества. Секуляризация — это не просто процесс отделения церкви от общества, лишение последних политических полномочий, а длительный процесс трансформации общественного сознания и его ценностей. Содержательным результатом секуляризации является эволюция традиционного магического типа мышления в сторону

более рационального. Простой акт отделения церкви от государства не может породить феномен секуляризации, что подтверждается историей ряда стран «второго» и «третьего» мира. Несмотря на официальное объявление государства светским, сознание большинства людей в этих странах остается традиционно-религиозным и, соответственно, склонным к жесткой аскриптивной логике, неадекватной требованиям современного общества.

Что же касается второго условия формирования современного общества, а именно демократизации, то в связи с идеологизированностью данного термина, на мой взгляд, лучше опираться на понятие «деполитизация». Данное понятие по своему значению является идеологически более нейтральным, чем понятие «демократия», а также более точно выявляет необходимость преодоления в процессе модернизации господства института политики, характерного для досовременных обществ. Опираясь на идеи когнитивистской социологии, я прихожу к выводу, что основные трудности с секуляризацией и деполитизацией связаны с тем, что большинство обществ, ставших на путь модернизации, не могут найти позитивную замену сценариям и нарративам, которые веками складывались как идеократические.

Сложность феномена развития, и особенно модернизации, позволившей сформировать современные общества, порой приводит к объяснениям, где вместо логической и эмпирической аргументации авторам приходится апеллировать к случайностям или чуду. Поэтому, кроме политэкономических и технологических концепций, наблюдается популярность объяснения развития на основе таких «концептов», как «цепочки случайностей», «чудесные превращения», «чудо» или удачной мировой конъюнктуры в сочетании с другими экономическими и геополитическими факторами. Так, один из самых популярных авторов последних двух-трех десятилетий Иммануил Валлерстайн свое объяснение преимуществ северо-западной Европы выводит из цепочки случайностей. В результате благоприятного воздействия таких случайностей, считает он, страны этого региона оказались лучше подготовлены к диверсификации экономики [Wallerstein 1979: 18], [Валлерстайн 2003: 176]. При объяснении причин, повлиявших на масштабные перемены в истории западноевропейских стран, Валлерстайна отличает склонность к преувеличению

не только роли случая, но и внешних факторов. Такую склонность Валлерстайна к абсолютизации экзогенных факторов над эндогенными Энтони Гидденс иронично определяет как склонность к слишком легкому отказу от многих положений ортодоксальной социологии [Гидденс 2011: 195].

Не отрицая определенную роль благоприятных случайностей, все же не следует считать их причинами крупномасштабных исторических перемен. Если считать, что переменны в северо-западной Европе определили именно сочетание случайностей, то тогда следует объяснить, почему такая цепочка случайностей не имела место в других регионах мира, в том числе и Европы? Но, как правило, сторонники концепции, исходящей из особой роли случайности, не задаются такими вопросами.

Апелляция к случайности и «чуду» как «объяснительной модели» в той или иной степени характерна даже для исследователей, внесших существенный вклад в становление структурного понимания процессов общественного развития [Гэллнер 2004: 43–44]. По Альберу Камю, здесь происходит прыжок сознания через неудобные барьеры, требующие сложной аргументации [Камю 1990: 42–46]. Но даже в этом случае, когда апеллируют к историческим случайностям и чуду, следовало бы задаваться вопросами: почему такие случайности и такие чудеса произошли только в ограниченном количестве случаев? Почему они не произошли в других странах? Могли ли они там произойти? И можно ли в будущем ожидать еще таких случайностей и чудесных превращений? Если мы зададимся такими вопросами, то обнаружим, что там, где произошли эти «чудесные случайности», для них были определенные предпосылки, а там, где они почему-то упорно не происходят, такие предпосылки отсутствуют, но присутствуют другие, не очень благоприятствующие институциональным трансформациям, позволяющим сформировать современное общество.

В отношении таких концепций я считаю обоснованными мнения ряда исследователей, полагающих, что большинство объяснительных моделей очень примитивны, так как нарративы преобладают над объяснением, над теоретической логикой. Так, Бене Тешке считает, что необходимо предметно объяснять, как менялись отношения, а не просто описывать факты. При преобла-

дании описательного подхода, по мнению Тешке, факты остаются без объяснения, а попытки их теоретического объяснения без необходимого уровня рефлексии создают эклектическую смесь, и обращение к такому «плюрализму» освобождает социолога от задачи построения строгой теории [Тешке 2011].

Однако, проявляя проницательность в отношении других авторов, склонных к одноаспектным подходам или тяготеющих к эклектике, Тешке сам не избежал соблазна редукционизма. Так, по его мнению, условием структурного изменения является общий социальный кризис. Именно благодаря ему происходят качественные изменения, ведущие к институциональным трансформациям. Основываясь на таком подходе, институциональные изменения он объясняет возникновением конкурентного и неустойчивого силового поля противоречивых общественных интересов. Признавая определенное значение кризиса как одного из факторов, детерминирующих изменения в обществе, я хочу отметить, что лишь социальный кризис не является достаточным условием последующих позитивных изменений и, самое главное, не может предопределять модернизационный вектор развития. История свидетельствует, что есть большая группа стран, живущих в перманентном кризисе традиционных институтов, но такой кризис не приводит к возникновению в данных обществах современных институтов. Кризис, конечно, — одно из важных условий, но, чтобы он способствовал структурным изменениям, нужны дополнительные условия. Прежде всего, необходимо, чтобы общество обладало возможностями генерирования более сложных социокультурных когний и практик, которые могли бы быть актуализированы в силу кризиса общественной системы.

2.2. Экономические и технологические концепции общественного развития

Как уже отмечалось, среди концепций, призванных объяснить проблему развития, явно преобладают редукционистские теории. Чаще всего редукционизм основывается на абсолютизации экономических или технологических факторов. Все остальные аспекты общественного развития в той или иной степени

производны от этих двух. Наиболее известными представителями таких концепций являются Герхард и Джин Ленски [Lenski G, Lenski J. 1974], Уолт Ростоу [Rostow 1990], Дэниел Белл [Белл 1999]. Даже когда сторонники таких подходов пытаются мыслить более широко, более комплексно, они не могут выйти за рамки своей базовой редукционистской логики. Репрезентативным для понимания такой концепции развития, на мой взгляд, является бестселлер Элвина Тоффлера «Третья волна» [Тоффлер 2003]. Рассматривая три общественные системы на основе своей концепции «трех волн», Тоффлер отмечает, что такое сложное явление, как тип общества нельзя сводить лишь к одному началу, основанно считая, что придание особого значения какому-либо единственному фактору не расширяет, а, скорее, сужает наше понимание. Относя такие взгляды к прямолинейным системам, Тоффлер, тем не менее, убежден в том, что крупномасштабное исследование требует нахождения базовых критериев, позволяющих выявить фундаментальные структуры рассматриваемой проблемы. Исходя из данной установки, он считает, что фундаментальная структура индустриализма была одинаковой в самых разных странах, несмотря на их культурные и политические различия. К такому выводу Тоффлер приходит именно в силу того, что считает для общества первичной ту или иную технологическую организацию экономической жизни общества. Именно экономика является для этого автора фундаментальной структурой, а ее технологическая организация в эпоху индустриального развития, по его мнению, не зависит от культурных традиций и политического устройства общества. Тем самым он ставит знак равенства между индустриальными странами Запада и социалистическими моделями индустриализма.

Конечно, если обращать внимание лишь на промышленные аспекты жизни этих обществ, целенаправленно видеть в них схожие свойства и игнорировать различия, то индустриальные страны имеют много схожего. Но если обратить внимание на более широкие структурные аспекты, то мы обнаружим фундаментальные различия, позволяющие и более убедительно объяснить, почему в одном случае мы видим очень эффективное производство, а в другом — не только неэффективное производство, но также в целом общественную систему, существование которой оказа-

лось исторически очень непродолжительным. Но Тоффлер уверен, что Советский Союз был страной цивилизации второй волны, как и страны Запада, а большевиков он определяет как партию второй волны. По его мнению, индустриальный пояс окружает весь земной шар между двадцать пятой и шестьдесят пятой параллелями Северного полушария. В совокупности, по его подсчетам, на период написания книги «Третья волна» к индустриальной цивилизации относился один миллиард человек.

Тоффлер считает, что необходимым предварительным условием всякой цивилизации является энергия, подчеркивая, что первая цивилизация обходилась возобновляемыми, а вторая — невозобновляемыми источниками энергии. И тогда, если рассматривать способ получения энергии как базовое отличие той или иной общественной системы, и на коммунистическом Востоке, и на капиталистическом Западе был один и тот же сдвиг: от рассредоточенной энергии — к концентрированной; от возобновляемой — к невозобновляемой; от многих источников энергии — к немногим. При этом Тоффлер обходит вниманием различия двух систем в генерировании социальной энергии и, как следствие такой позиции, предрасположенность коммунистических стран к энтропии.

Рассматривая современное общество как цивилизацию второй волны, американский ученый считает, что ему должна соответствовать социосфера, т.е. определенная организация общества. К особым способам организации общественной жизни, характерной для второй волны, Тоффлер относит нуклеарную семью, систему образования, новые формы организации бизнеса и производства, а также появление нового типа сообщества — нации.

Перечисляя все эти организационные новшества, Тоффлер подчеркивает, что в их основе лежит определенный код, т.е. система правил и принципов, отражающих все основные сферы деятельности и их координацию. По его мнению, код второй волны определяется шестью принципами: стандартизацией, специализацией, синхронизацией, концентрацией, максимизацией, централизацией. Действительно, эти шесть принципов имеют важнейшее значение для организации жизни цивилизации второй волны. Их значение для организации жизни мы наблюдаем во всех стра-

нах, подверженных влиянию индустриализации. Работа завода, технологической линии или бюрократии требует соответствия данным принципам. Однако, несмотря на схожесть производства, породившего, по мнению Тоффлера, эти принципы, они, на мой взгляд, не могли нивелировать институциональные различия между странами, входящими в «индустриальный пояс». Так, в тех странах пояса, которые по своей институциональной структуре были иерархическими, преобладали установки на максимальную централизацию и концентрацию функций и ресурсов. Но они в силу своих тоталитарных установок проигрывали индустриальным странам плюралистического типа в качестве специализации и производительности.

Стремление рассматривать цивилизацию второй волны не только через производственно-технологические факторы выгодно отличает Тоффлера от большинства редуccionистско мыслящих авторов. По его мнению, каждая цивилизация имеет особую картину мира, и такую картину, присущую цивилизации второй волны, он определяет как индуст-реальность. Она образовала не только новую реальность для миллионов людей, но и обеспечила их способами понимания, а значит, и ее легитимации. Тоффлер отмечает, что в пылу пропагандистской войны мы, оказываемся, не понимали, что оба лагеря индустриального мира имели одну и ту же суперидеологию. Он считает, что идеология по своим базисным содержаниям фактически была одинаковая как в странах капитализма, так и в странах социализма, опиралась на одинаковый набор предпосылок. Как на Западе, так и на Востоке, заключает Тоффлер, идеологи второй волны были страстными поборниками индуст-реальности. Прежде всего, приверженцев индустриализма, считает Тоффлер, объединяла установка на активное преобразование природы, стремление к ее подчинению. Вторая основополагающая идея — эволюционизм, а третья — идея неуклонного прогресса.

Перечисляя признаки второй волны, Тоффлер приходит к выводу, что все попытки найти главную причину индустриальной революции обречены на неудачу. Сама по себе технология, как и отдельно взятая идея или духовные ценности, не является движущей силой истории. История, считает он, не просто свод данных об этих изменениях, она опирается на взаимосоотноси-

мые переменные величины, которые чрезвычайно запутаны. Можно согласиться с ним в том, что у такого сложного феномена, как индустриальное общество нет и не может быть только одной причины. Однако, считает Тоффлер, чтобы не запутаться в массе каузальных влияний, мы должны найти базовые начала, подходящие для целей исследования. И тем самым он опять возвращается к своей редукционистской страсти: найти базовую причину, определяющую возникновение и основное противоречие индустриализма. За всеми сложностями второй волны, сплетением всех факторов Тоффлер видит взаимосвязь, а также все более углубляющиеся расхождения между производителем и потребителем. Развитие этой сложной системы обмена, которую называют рынком, подчеркивает он, может быть по форме капиталистическим или социалистическим. При всей важности факторов, породивших вторую волну, первостепенное значение имеет именно расщепление этого атома, объединявшего в течение очень длительного времени производство и потребление. Их разъединение Тоффлер считает основополагающей характеристикой организации экономической жизни второй волны. Как видим, несмотря на свои очень интересные и порой оригинальные способы выявления особенностей индустриального общества, Тоффлер остается приверженным своей установке — сводить многообразие и сложность данного общества к нескольким базовым началам. Выделенные им такие базовые начала, как техносфера, экономические отношения, способ обмена в итоге определяют способы работы всех остальных институтов общества.

Свой подход Тоффлер оправдывает тем, что широко-масштабный синтез требует упрощения, обобщения и спрессовывания факторов, так как иначе невозможно охватить в рамках одного исследования столь обширную тему. Как уже отмечалось, с Тоффлером можно согласиться в том, что выделение базовых факторов экономит время и силы и без абстрагирования от определенных аспектов и деталей невозможны ни теоретические исследования, ни практическая ориентация в реальности. Однако когда такое абстрагирование превращается в абсолютизацию одного-двух факторов, в данном случае экономического и технологического, то методологическая условность превращается в жесткую онтологическую концепцию, обрекая ее сторонников

на неизбежное редуционистское видение очень сложных общественных проблем. Впоследствии Тоффлер в ряде своих работ обнаруживает стремление к преодолению редуционистских положений, характерных для его «Третьей волны» [Тоффлер, Тоффлер 2007].

2.3. Структурные подходы к проблеме развития

Все концепции имеют свои ограничения и недостатки, но при этом они неизбежно отличаются и по своей эвристической ценности. Объяснительный потенциал теории зависит от объема факторов, которые она может охватить в рассматриваемой проблеме. При анализе общественных систем и их трансформации такими являются концепции, опирающиеся на структурный подход. Основоположниками современного структурного анализа являются Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер. Они заложили теоретические основы анализа проблем общественного развития, во многом сохранившие свое значение и в наше время.

В дальнейшем идеи Дюркгейма и Вебера были синтезированы Толкотом Парсонсом. Именно его можно считать первым социологом, который сумел дать масштабный и, вместе с тем, достаточно конкретизированный анализ трансформаций традиционных систем в современные. В «Системе современных обществ» Толкот Парсонс возникновение современных обществ относит к XVII веку, то есть к периоду, когда были заложены основы формирования институтов, обеспечивших индустриализацию и демократизацию западных обществ. По мнению Парсонса, в сочетании с образовательной революцией они привели к изменениям в социетальном устройстве западных стран, позволившим им перейти к современной общественной системе [Парсонс 1998].

Особое значение для понимания проблем развития современных обществ имеет концепция Парсонса о роли в этом процессе генерализации ценностных образцов. По его мнению, благодаря генерализации ценностных образцов новые статусы и новые роли освобождаются от слишком детального расписывания их функций, и, вместе с тем, за счет более широких опреде-

лений расширяются шансы их включения в легитимный порядок.

История развитых стран подтверждает вывод Парсонса, что генерализация ценностных образцов расширяет спектр легитимных видов деятельности, позволяет повысить ценностную значимость профессионализма и в целом трудовой мотивации. Опираясь на концепцию Макса Вебера, он прослеживает, как внутренние обязательства к эффективному труду становятся очень важным аспектом развития современных отношений в производстве. Повышение ценностной значимости труда и утверждение идеалов профессионализма были связаны с более широкой концепцией легитимности видов человеческой деятельности.

Важнейшей предпосылкой успешной модернизации Парсонс считает наличие широких теорий на основе более обобщенных категорий, что позволяет преодолевать влияние традиционного дуализма. Данный тезис он подтверждает, в частности, через рассмотрение процесса секуляризации. По его мнению, благодаря более сложным интеллектуальным предпосылкам в западных странах, в отличие от других регионов, процесс секуляризации не привел к жесткому противопоставлению светских и религиозных ценностей. Хотя между ними были противоречия, и даже очень сильные, тем не менее произошла их взаимная интеграция. В результате в западных обществах секуляризация не привела к фатальному разрушению морального ценностного консенсуса, и во многом, считает Парсонс, такой результат является следствием интеллектуального потенциала данных обществ, позволившего обеспечить генерализацию ценностей и на их основе интеграцию традиционных и модернизационных институтов. В дальнейшем идеи Парсонса были подтверждены и результатами модернизации стран Юго-Восточной Азии. В этих странах мы также наблюдаем достаточно успешную интеграцию традиционных и модернизационных институтов на основе генерализированных ценностных образцов.

По мнению Парсонса, любому сложному обществу должна соответствовать и сложная стратификация. На примере модернизации Англии он приводит факты усложнения стратификационных моделей. В этой стране при сохранении престижа и определенной обособленности аристократии, тем не менее, произошло

включение высших слоев в различные виды общественной деятельности, ранее считавшейся неприемлемой для них. Особенность Англии, отмечает Парсонс, в том, что, благодаря принципам майората, когда только старший сын мог наследовать, а остальные были вынуждены заниматься новыми видами предпринимательства, произошло не только расширение возможностей аристократии, но и неизбежное распространение культуры джентри за пределы титулованной знати. Такое распространение культуры джентри способствовало общему усложнению культуры английского общества и тем самым создавало необходимую для модернизации степень интеллектуальной диверсификации [Парсонс 1998: 85].

Парсонсовский подход структурной дифференциации общества как базового условия его модернизации в дальнейшем был существенно конкретизирован и эмпирически подтвержден на обширном историческом материале Шмозлем Эйзенштадтом. На большом сравнительном материале он систематизированно показал как факторы, способствующие успешному развитию структурной дифференциации, так и предпосылки сохранения синкретических и локальных норм. В целом особенностью современных сообществ, считает Эйзенштадт, является тенденция к формированию достаточно систематизированных общих представлений. Рассматривая модернизационные успехи западных обществ и Японии, Эйзенштадт приходит к выводу, что они стали возможными благодаря сложным интеллектуальным традициям, позволившим обеспечить синтез новых идей с ценностями, возникшими в недрах традиционной системы.

Но в большинстве обществ, по мнению Эйзенштадта, сохранялись условия для консервации структурных основ, обеспечивающих воспроизводство традиционной патримониальной модели [Эйзенштадт 1999].

2.4. Институционализм

Во второй половине XX века основной концепцией, позволяющей объяснять структуру общества и ее трансформацию, стал институционализм. Его основу заложили Герберт Спенсер,

Эмиль Дюркгейм, Торстейн Веблен [Спенсер 1997], [Дюркгейм 1991], [Веблен 2010]. Дальнейшая конкретизация институциональной теории во многом происходила под влиянием идеи и концептов Толкота Парсонса [Парсонс 1972], [Парсонс 2000a], [Парсонс 2000b]. Несмотря на моду критически оценивать нормативные представления Толкота Парсонса, значение его институциональной теории, на мой взгляд, сохраняется и в наше время. Новый импульс институционализм приобрел благодаря конструктивистской концепции Питера Бергера и Томаса Лукмана. Среди обширной литературы об институтах я хочу выделить работы Жюль Делеза [Делез 1998], [Делез 2001], [Делез 2016]. Его, как и Парсонса, Бергера и Лукмана, отличает видение институтов как позитивных социальных конструкторов.

Начиная с 80-х годов XX столетия, работы по институционализму приобрели лавинообразный характер. Как следствие, произошла неизбежная диверсификация представлений о социальных институтах, и редакторы известного сборника по неoinституционализму отмечали, что на данный момент легче сказать, что не является институтом, чем утверждать обратное [DiMaggio, Powell 1991]. В определенной степени соглашаясь с мнением Пола Димаджио и Уолта Пауэлла, я хотел бы подчеркнуть, что все-таки большинство работ представляют собой детализацию нескольких базовых подходов к институтам и не несут особой теоретической новизны. Для масштабных объяснений социокультурных процессов и общественных трансформаций существенное значение имеют, несомненно, более ограниченный круг концепций. Поэтому при обращении к институционализму, как к наиболее эвристичному направлению современной социологии, для объяснения как самых масштабных, так и повседневных процессов я выделяю несколько крупных теорий, которые, можно сказать, приобрели парадигмальный характер.

Среди них, несомненно, следует отметить работы Дугласа Норта, являющегося одним из самых популярных авторов в сфере экономического институционализма. Он был одним из тех, кто привнес институциональный подход в экономическую науку, за что и был удостоен Нобелевской премии. Норт способствовал расширению социокультурного кругозора экономистов, но при этом его понимание институтов существенно отличается от соци-

ологической традиции и ему свойственно сильное тяготение к редукционизму [Норт 1997], [Норт 2010].

Норт рассматривает институты как ключ к пониманию экономики, так как они задают структуру экономических стимулов [Норт 2010]. Институты он определяет как правила и ограничения, а также выделяет отдельно организации, которые существуют параллельно с институтами. По мнению Норты, институты представляют собой ограничения, накладываемые на социальные отношения, а организации состоят из групп и индивидов, которые связаны общими целями. В целом, институты он определяет как правила игры, а организации у него являются игроками. Само понимание им института носит явно выраженный организационно-целерациональный характер, и институт для него больше является инструментом, чем конститутивным факторам общества. Определяя институты как правила игры, Норт считает, что если формализовать это определение, то правила являются «ограничительными рамками», организующими человеческие взаимодействия. Тем самым, Норту отличает не только редукционистская трактовка институтов, но и понимание их как феноменов негативно ограничительного характера. Так же он разделяет убеждения и институты: система убеждений включает в себя внутреннее содержание социального ландшафта, а институты являются структурами, которые накладываются на этот ландшафт для получения желаемого результата. Соответственно, по логике Норты, убеждения являются внутренними репрезентациями, а институты — внешними проявлениями этих репрезентаций.

Специфическое и очень оригинальное понимание институтов демонстрируют Дуглас Норт вместе с Джоном Уоллисом и Барри Вайнгастом [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011:60]. Они, проводя разграничения между институтами и организациями, приходят к выводу, что большинство организаций имеют какую-то свою, дополнительную институциональную структуру. Тогда непонятно, чем же отличаются институты от организаций, которые также имеют свою институциональную структуру.

В отличие от концепций Т. Парсонса, П. Бергера и Т. Лукмана, А. Грейфа и других авторов, которые понимают институты гораздо шире и рассматривают их как конститутивные элементы общества, пронизывающие все сферы деятельности человека,

Дугласа Норта отличает технико-инструментальное понимание институтов, хотя он не всегда последователен и часто эклектически связывает различные подходы. Так, в частности, он пытается использовать достижения современного когнитивизма, считая, что без понимания убеждений игроков нельзя достичь и целостного представления об институтах. Но обращения к идеям когнитивизма у Норта фрагментарны и непоследовательны, а постоянным у него является лишь понимание институтов как правил и ограничений, а организаций как игроков. Также его противоречивость в понимании значения институтов проявляется в том, что он объясняет экономический рост исходя из тезиса, что экономика создает институциональные стимулы, направленные на повышение производительности. Но тогда получается, что экономика сама из себя может создавать эти институты, хотя он неоднократно утверждал, что развитие экономики зависит от институциональной структуры.

Норт отмечает, что мы живем в условиях неопределенности и непрерывных изменений, непредсказуемости эволюции и в таких условиях стандартные теории не годятся. Поэтому он считает, что попытка разобраться с экономическими, политическими и социальными изменениями требует фундаментальной перестройки мышления исследователей. Что же позволит осуществить такую фундаментальную перестройку мышления по Дугласу Нарту? По его мнению, смысл такой перестройки должен заключаться в понимании скрытых глубинных аспектов изменения, и тогда, если мы даже не построим такую же изящную концепцию, как общая теория равновесия, мы все же можем обеспечить колоссальную пользу от общественно-политической теории для решения стоящих перед человечеством проблем. Таким подходом, который повысил бы эффективность общественных теорий и позволил преодолеть недостатки стандартных концепций, Норт считает «Новую институциональную экономику». Она, по его мнению, призвана обеспечить необходимую перестройку общественных теорий и будет служить ключом к такой перестройке. «Ключ» — одно из любимых слов Норта, и оно является неизбежным проявлением его эссенциалистских установок. Как любой эссенциалист, Норт верит в существование некой общественной сущности и, самое главное, в наличие теории, которая

послужит ключом к раскрытию законов этой сущности. Благодаря открытию этих законов, по мнению Норта, мы придем к пониманию проблем, стоящих перед человечеством, и в частности, перед экономикой, а значит, и к их решению. Неудачи предшествующих мыслителей, объявлявших о наличии у них ключей к раскрытию сущности общественных систем и их целенаправленного прогрессивного изменения, не смущают новых эссенциалистов и, наверное, никогда не будут смущать.

Норт также стремится ввести в свою концепцию институтов историческое измерение, отмечая, что мы не можем понять, куда мы идем, не зная, где мы были. Вопросы, конечно же, вечные, но особого разъяснения вопросов: «где мы были и куда идем» в работах Норта найти очень трудно. Однако он верит в позитивный результат, считая, что к настоящему моменту мы уже достаточно хорошо разбираемся в институтах, чтобы ответить на эти вопросы.

Экономический редукционизм, присущий Норту, сохранился и в его совместной с Уоллисом и Вайнгастом работе, где они объясняют переход от закрытых институтов к открытым, как следствия осознания западноевропейскими элитами выгод от такого перехода. При этом авторы оставляют без объяснений, почему такое осознание произошло именно в этот период, а не раньше или позже. Также остается без объяснений отсутствие такого осознания элитами других стран. Хотя авторы оставляют без объяснения проблему трансформации ментальности западноевропейской элиты, они, тем не менее, считают необходимым найти решающий фактор, повлиявший на нее. Таким решающим фактором, по их мнению, оказалась война. Именно военные расходы потребовали увеличения источников государственных доходов, а они, в свою очередь, потребовали создания предпосылок, повлиявших на создание открытых институтов. В терминологии Норта, Уоллиса, Вайнгаста такие предпосылки определяются как создание «пороговых условий», обеспечивающих переход к «порядкам открытого доступа». К пороговым условиям они относят рост формализации права, сначала для элит, а затем и для других групп общества, появление множества общественных организаций, а также установление монополии на насилие.

Хотя, по мнению авторов, главным катализатором трансформации социального порядка от закрытого традиционного варианта к порядку открытого доступа была война, тем не менее они пытаются учесть и другие факторы. К ним они относят особенности истории Западной Европы, в частности Англии. При этом авторы перечисляют факты, но не объясняют, почему эти события, в отличие от других стран и регионов мира, где также происходили такие события, привели к таким результатам. Нежелание или неспособность данных авторов искать причины перехода в длительных процессах усложнения социокультурных когниций и практик постоянно приводят их к односторонним выводам и, как следствие, к неизбежным противоречиям. Так, они отмечают, что в период перехода к порядку открытого доступа в западных обществах происходит взрывное увеличение новых организаций. Такие изменения, по их мнению, при всем том, что могли быть и другие причины, можно считать прямым следствием перехода. Но ведь и сам переход был бы невозможным без таких организаций. При этом очень важными факторами являются не только количественные характеристики таких организаций, их «взрывной рост», более значимыми оказались их качественные характеристики. В том, что эффективность таких организаций, в первую очередь, зависит от качества когнитивных ресурсов и габитуса их членов, наглядно можно убедиться при сравнении общественных организаций в западных обществах с их аналогами в постсоветских странах. В последних в девяностые годы и в начале двухтысячных также произошел взрывной рост организаций, но эффект от этого несравним с ролью, которую сыграли западные общественные организации. Можно найти множество причин, повлиявших и до сих пор влияющих на низкую эффективность общественных организаций постсоветских стран. На мой взгляд, при наличии целого комплекса факторов, негативно влияющих на возможности развития постсоветских общественных организаций, главным был и остается дефицит необходимых социокультурных когниций.

Ограниченная концепция институтов и, как подчеркивает Норт, их сознательно ограниченная трактовка приводят его и соавторов к оригинальному выводу о возникновении в большинстве обществ политики, экономики и религии при помощи институ-

тов. Весьма интересный вывод, и в этой связи хотелось бы обнаружить общества, в которых они возникали отдельно от институциональных механизмов. Данный вывод есть следствие того, что Норт и его соавторы понимают институты крайне редуccionистски и поэтому очень часто общественные процессы и институты для них являются отдельными явлениями. При таком подходе институты «могут помогать» или лишать помощи различные сферы общества. Но социологический подход к институтам и достигнутые на его основе эмпирические результаты свидетельствуют, что различные сферы общества и оно само в целом развиваются не с помощью институтов, а будучи институтами. Институты — это не внешние инструменты, привлекаемые для решения определенных задач, а единственный устойчивый способ социального бытия. Но экономическим институционалистам, мыслящим лишь в категориях негативных правил и транзакционных издержек, такое понимание институтов недоступно.

Неустранимость редуccionистской логики, присущей экономическому институционализму, продемонстрировал и Авнер Грейф в объемной работе «Институты и путь к современной экономике» [Грейф 2013]. При этом Грейф сам достаточно критически относится к представителям экономического институционализма, так как они, по его мнению, склонны к абсолютизации одного фактора, принося в жертву остальные. Критически рассмотрев и ряд других известных подходов к институтам, Грейф приходит к выводу, что они страдают отсутствием комплексного видения рассматриваемой проблемы. В отличие от подхода, присущего экономическому и ряду других концепций институтов, Грейф определяет институты как всепроникающие феномены, порождающие регулярности поведения. Такую концепцию институтов он считает наиболее комплексной, преодолевающей ограниченности, присущие остальным. Хотя от Дугласа Норта и других экономических институционалистов Грейфа отличает стремление к преодолению узкого понимания институтов как правил и организаций, тем не менее он также в целом остается в рамках экономической логики. Приверженность к экономической трактовке институтов у Грейфа проявляется именно в том аспекте, где он, по его мнению, преодолевает ограниченность, присущую экономическому институционализму. Грейф считает, что Норт и его

последователи увлекаются анализом правил и не уделяют внимания убеждениям и, самое главное, мотивам институциональных игроков. Но понимание мотивов у самого Грейфа остается узко экономическим, так как они определяются соображениями выгод и издержек.

Также Грейф остается в рамках экономического подхода к институтам, фактически отождествляя их с преднамеренно созданными организациями. По его мнению, преимущество Запада перед другими частями света в том, что там были основаны преднамеренно созданные институты — корпорации. Толчком к их созданию послужило понимание выгод, которые несли такие преднамеренно созданные институты. Но Грейф оставляет без объяснения, почему такого понимания были лишены представители Востока, в контексте его примеров — купцы из Магриба. Он лишь констатирует, что восточные общества остались под властью примордиалистских институтов, а западные смогли в это время на основе целерациональных действий создать искусственные институты.

Концепция институтов Грейфа является одним из проявлений экономического редукционизма, как по способу объяснения мотивов институциональных игроков, так и по возможностям целенаправленного создания институтов. В отличие от экономического институционализма, с точки зрения социологического понимания институтов можно лишь преднамеренно создавать определенные организации, которые впоследствии, при наличии достаточных предпосылок, могут стать одними из элементов института. А сами институты определяются как феномены, возникающие как результат исторических возможностей определенного общества, а не явно осознанных намерений социальных деятелей. Грейф, как и большинство редукционистов, смешивает причину и следствие. Так, при объяснении преимуществ западных обществ причину такого положения он видит в способности преднамеренно создавать институты. Но даже если допустить такую возможность создания преднамеренных институтов, то она сама является следствием определенных причин, однако Грейфом они не раскрываются, а следствие объявляется причиной.

Авторы популярной книги «Экономические истоки диктатуры и демократии» Дарон Асемоглу и Джеймс А.Робинсон счита-

ют, что для объяснения общественно-политических процессов наиболее адекватным подходом является экономический [Асемоглу, Робинсон 2015]. Рассматривая проблему демократизации, авторы приходят к выводу, что переход от диктатуры к демократии зависит от экономических интересов господствующей элиты. Если элиты при возрастании недовольства народных масс осознают, что репрессии менее выгодны, чем политические реформы, то тогда они идут на формирование новых политических институтов. Созданные институты, в свою очередь, могут гарантировать длительное воспроизводство принятых решений. Асемоглу и Робинсон исходят из постулата рационального человека, который осознает свои выгоды и стремится к их максимизации, а также к снижению издержек. Такой человек обладает способностью к осознанию своих предпочтений и калькуляции их последствий. Конечно, человеку свойственны и другие качества: так, он очень часто находится под властью природного и социального бессознательного. Но Асемоглу и Робинсон считают, что для выстраивания универсальной концепции следует абстрагироваться от многих факторов и концентрироваться на наиболее важных из них. Для легитимации своей позиции авторы ссылаются на принцип Оккама «не умножать сущности без необходимости». Считая «бритву» Оккама важнейшим методологическим принципом, Асемоглу и Робинсон заявляют, что в своей концепции применяют ее «жестко и отважно». Надо отметить, что авторам с опорой на их понимание данного методологического принципа удалось написать книгу, снискавшую популярность не только в профессиональной среде, но и у широкой общественности. Немалую роль в достижении такой популярности рассматриваемой книги, наверное, сыграла и та отвага, с которой авторы применяли «бритву» Оккама. Но, на мой взгляд, неоднократно подчеркнутая Асемоглу и Робинсоном приверженность к «бритве» Оккама свидетельствует не об их стремлении к логической строгости, а об их приверженности к редукционизму. Их страстная приверженность к упрощению больше соответствует не принципу Оккама, а «бритве» философа Нафикова — персонажа из повести «Македонская критика французской мысли» Виктора Пелевина. Данного персонажа также отличала пламенная страсть к упрощению, что привело к созданию им бритвы Нафикова, которой он бес-

компромиссно удалял все для него непонятное из сложных философских концепций современных французских мыслителей [Пелевин 2003].

В своем следующем совместном труде «Почему одни страны богатые, а другие бедные» Д. Асемоглу и Дж.А. Робинсон [Аджемоглу, Робинсон 2015] привели доводы относительно того, что причины бедности или богатства различных стран уже следует искать в политической сфере, так как, по их мнению, особенности экономических институтов определяются политическими. И поэтому, заключают они, путь к процветанию прокладывается, прежде всего, политическими решениями. По их мнению, в зависимости от особенностей политического режима в той или иной стране формируются инклюзивные или экстрактивные институты. Первый тип институтов обеспечивает широкий доступ людей к общественным возможностям, а второй тип их ограничивают. Экстрактивные институты способствуют возникновению порочного круга, а инклюзивные «*virtuous circle*» — круга благоразумия.

На ранних этапах мировой истории, считают Асемоглу и Робинсон, общества мало отличались друг от друга и почти все основывались на экстрактивных институтах. Дивергенцию Востока и Запада авторы объясняют сочетанием социальных и природных факторов. На примере Англии ими выделяются такие главные социальные факторы, как активность английских купцов и буржуа, а также образование широкой коалиции, приведшей к Славной революции. Среди природных факторов Асемоглу и Робинсон особо выделяют значимость для последующего развития Запада эпидемии чумы XIV века. Если смотреть на данное событие глазами Асемоглу и Робинсона, то эпидемия чумы сыграла столь значимую роль в последующем институциональном развитии западных стран, что нынешние поколения западноевропейцев должны ввести особый день для ее празднования и возвести в честь нее памятник. На мой взгляд, столь натянутые объяснения истории формирования современной институциональной системы со стороны Асемоглу и Робинсона обусловлены их неисправимой приверженностью к редукционизму. Приверженцы такой логики обречены на поиски «ключевого фактора», который при определенной значимости остальных все же является основой всех других. Но если даже согласиться с доводами, что поли-

тика, или экономика, или технология являются основой всего, то надо объяснять, почему их последствия столь различны.

При невозможности на основе редукционизма строго логически объяснять такие различные последствия, проистекающие из выдвинутых ими «ключевых факторов», им приходится находить *ad hoc* объяснения на основе «ключевых факторов», как в случае особой активности английского купечества или особой благотворной роли эпидемии чумы. При этом редукционист легко игнорирует вопросы: «Почему такой же активностью не отличались купцы других европейских стран, в частности испанские? Почему в результате эпидемии чумы в западных странах стали ценить резко уменьшившихся работников, а в восточноевропейских такой переоценки не произошло?».

Из-за невозможности логически и фактически корректно ответить на данные вопросы редукционисты в своем стремлении найти единственную основу всех других общественных институтов оказываются в ситуации персонажа притчи, в которой индус излагает англичанину концепцию, объясняющую, на чем покоится земля. Согласно данной концепции она покоится на слоне. На вопрос англичанина, а на чем стоит слон, индус отвечает, что слон стоит на черепахе. Тогда, естественно, возникает вопрос: «А на чем стоит черепаха?» В рамках данной концепции выясняется, что она стоит на другой черепахе. Когда неугомонный англичанин задает очередной вопрос: «А на чем стоит эта черепаха?», то индус отвечает: «Сэр, дальше одни черепахи». Редукционисты в своем стремлении найти единственную основу всех других общественных институтов оказываются в ситуации персонажа данной притчи. Ведь на вопрос, на чем основывается политика (варианты — экономика или технология), им приходится отвечать: «Сэр, дальше одни черепахи».

Приверженность к редукционизму отличает и одного из известных специалистов постсоветского пространства Н.Розова, работающего в сфере исторической социологии [Розов 2011]. Он, опираясь на концепцию Арнольда Тойнби, считает, что общество получает возможность определенного развития в зависимости от ответов на вызовы истории. По его мнению, перспективные ответы запускают создание новых институтов и сообществ. Примеры перспективных ответов, по Розову, — когда в случае эпидемии

строятся новые больницы, проводятся исследования, а в случае протестов пересматриваются принципы социальной политики. На мой взгляд, здесь допускается принципиальная ошибка, меняются местами причины и следствия в понимании соотношения ответов и институтов. Дело в том, что не определенные ответы запускают институты, а, наоборот, благодаря тому, что общество способно создавать определенные институты, оно и приобретает возможность для перспективных ответов. Теоретически возможно допускать такую ситуацию, когда благодаря выработке той или иной версии ответа развертывается цепь механизмов их реализации, в том числе и на институциональном уровне. Однако исторически мы не можем найти ни одного примера, когда произвольно выбранные варианты ответа предопределяли институциональное развитие общества. Наоборот, возможности, связанные с институциональным развитием, создают предпосылки для того или иного ответа на вызовы истории.

Также редуccionистски Розов понимает проблему институциональной трансформации. Размышляя по поводу принципа институционального вытеснения, он приходит к выводу, что важнейшими механизмами такого вытеснения являются рефрейминг и смена габитуса. А главными причинами рефрейминга и смены габитуса, по Розову, являются глубокая фрустрация и длительная относительная депривация, переживаемые определенными акторами. Однако как для отдельного человека, так и для больших сообществ не редкость длительные фрустрации и депривации, переходящие в хронические состояния, но не порождающие продуктивные последствия. Чаще всего фрустрации и депривации не могут привести к рефреймингу и смене габитуса из-за отсутствия или крайней ограниченности необходимых для них когнитивных ресурсов. Следует отметить, что недовольство существующим положением дел, в том числе приобретающее характер фрустрации и депривации, действительно является элементом факторов, влияющих на институциональную трансформацию, и его можно считать исходным условием масштабных изменений. Однако одного потенциала недовольства явно недостаточно не только для формирования новых институтов, но и для более или менее адекватного осознания происходящего. Как на уровне индивидов, так и на уровне общественных систем существуют ситуации, ко-

торые можно называть хроническими, когда имеет место постоянное недовольство своим положением, но нет достаточной способности не только к позитивным изменениям, но даже к более или менее адекватному осознанию ситуации.

Логика, присущая Розову, является довольно распространенной. Она свойственна многим специалистам по развитию и институциональной трансформации. Выше уже отмечалось, что Дуглас Норт, очень популярный специалист в области институционального развития, условиями смены институтов считает осознание их неадекватности, особенно со стороны тех, кто имеет в обществе право принятия решений. Такого же мнения об основных причинах трансформации общества придерживается и Ричард Лахман [Лахман 2010]. Примеры такого рода объяснений институциональной трансформации можно множить и дальше.

Понимание институтов как организаций приводит Розова к экзальтированному выводу о «бурном развитии институтов» в современном российском обществе. Однако институты по определению не могут развиваться бурно. Они являются результатами длительных типизаций действий и, в конечном счете, деятелей. Бурно могут возникать лишь некоторые организации, которые объявляются институтами, но они фактически, в лучшем случае, являются их фрагментами. Причем в этих фрагментарных явлениях, которые определяются как институты, фактическое содержание деятельности определяется не специфическими институциональными когнициями и нормами, а традиционными фреймами и другими интерпретационными моделями.

То, что среди приверженцев институционализма популярны концепции, крайне редуccionистски объясняющие институциональную трансформацию, на мой взгляд, имеет свои основания в базовом понимании института, характерном для этого направления. Представители этого направления определяют институты не только как правила игры, но и прежде всего, эти правила определяются ими только негативно, лишь как ограничения, накладываемые на человеческую деятельность. Здесь еще раз придется отметить, что действительно институты всегда имеют элементы ограничений и без них они не существуют. Но если мы будем придерживаться такого редуccionистского взгляда, то мы лишаем себя более широкого и продуктивного понимания институтов

как исторически возникших способов усиления и умножения возможностей людей по решению стоящих перед ними проблем.

*Концепция социального конструирования реальности
Питера Бергера и Томаса Лукмана*

Новый импульс современная институциональная теория, на мой взгляд, получила благодаря очень содержательной работе «Социальное конструирование реальности» Питера Бергера и Томаса Лукмана [Бергер, Лукман 1995]. Авторам этой одной из самых часто цитируемых работ современной социологии удалось синтезировать классические идеи институционализма с достижениями когнитивизма. Такой синтез позволил создать новую концепцию институтов, в которой понимание структурирующей и принудительной силы институтов, присущее классическому институционализму, сочетается с идеями когнитивизма, позволившими конкретизировать механизмы работы институтов.

Бергер и Лукман рассматривают институты и в целом общество как когнитивные феномены, как социальные конструкты, сформированные и воспроизводимые на основе определенных массивов знаний. От того, какого типа массивы знаний доминируют в том или ином обществе, зависит, какие сценарии и рецепты будут определять решение существующих проблем, а также мотивационную динамику институционального поведения. Институциональные знания программируют каналы, по которым процессы экстернализации создают объективный мир общества и социальных институтов, а объективированный мир через интернализацию обратно воздействует на социальных деятелей. Поэтому социокультурные знания Бергер и Лукман считают сердцевинной фундаментальной диалектики общества.

Подчеркивая значение институтов, Питер Бергер и Томас Лукман считают, что человеческая деятельность подвержена хабиитуализации, т.е. опривычиванию, и оно является важнейшим условием выживания и развития человечества. Признавая, что хабиитуализация уменьшает выбор, тем не менее, в отличие от большинства представителей экономического институционализма, Бергер и Лукман обращают внимание не только на негативные, но, прежде всего, на позитивные аспекты институционализации. Правила и стоящие за ними институциональные когниции

следует рассматривать не только негативно как ограничения, но и как инструкции, направляющие институциональных деятелей на создание новых продуктов. Институциональные сценарии и правила не только ограничивают, то есть запрещают определенное поведение, но и являются образцами легитимных действий, которые приветствуются. При этом как запреты, так и разрешенные действия в рамках институтов имеют диапазон свободы, требуют от институциональных деятелей интерпретативной компетенции для применения правил и инструкции уместного поведения. В конечном счете, по Бергеру и Лукману, на основе таких предписаний институты формируют устойчивые типы действий, а также типы деятелей.

На фоне массы редукционистских дефиниций институтов, на мой взгляд, очень удачным является определение, данное Бергером и Лукманом понятию «институт». В своем подходе к определению институтов они продолжают традицию, заложенную Эмилем Дюркгеймом, считая, что институционализация имеет место везде, где происходит взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иными словами, все виды таких типизаций являются институтами. Институт, по Бергеру и Лукману, также формирует такую взаимосвязанность, когда действие типа X совершается деятелями типа X. Такая формула означает, что в завершеном, уже сложившемся институте должны быть предписаны не только определенные действия, но эти действия должны выполняться деятелями определенного рода. Значение типизации деятелей Бергер и Лукман рассматривают на примере охотничьего общества и отмечают, что быть охотником и охотиться — значит вести такое существование в социальном мире, которое определяется и контролируется соответствующей системой знаний. Тем самым, данный вывод *mutatis mutandis* применим к области любого институционального поведения, то есть институциональное поведение — это поведение, в рамках которого деятели выполняют свои функции, будучи деятелями определенного рода. Выявление такой взаимосвязанности, на мой взгляд, обладает важнейшей теоретической ценностью, к сожалению, не получившей должного признания и дальнейшего развития в других направлениях социологии. Такое невнимание к проблеме соответствия типизированных действий и типизирован-

ных деятелей можно объяснить тем, что в обществах, где развита современная социология, такой проблемы фактически не существует. А в обществах, где социология только формируется, данное соотношение между типизированными действиями и типизированными деятелями еще не может быть в полной мере осознано.

Проблема соответствия типизированных действий и типизированных деятелей возникла в современную эпоху, ее не знали традиционные общества. Из-за социокультурной структуры традиционных обществ не могли возникнуть разрывы между типом действий и типом деятелей. Типы действий и институциональные деятели формировались и укоренялись веками, что обеспечивало их конгруэнтность. Проблема соответствия типизированных действий и соответствующих им деятелей возникает, когда возрастает институциональная динамика, когда в современных условиях спрос на институциональных деятелей требует их более ускоренной «подготовки». Под подготовкой институциональных деятелей я имею в виду не только подготовку их как специалистов, а как «создание» обществом деятелей с определенным габитусом и идентичностью. В современную эпоху обнаружилось, что большинство стран «второго» и «третьего» мира не имеют возможности «производить» типы социальных деятелей, соответствующих требованиям институциональной дифференциации.

В целом, на основе концепции типизированных деятелей Питера Бергера и Томаса Лукмана можно прийти к следующим выводам. В высокодифференцированных обществах исторически укоренилась практика, эффективно формирующая взаимообусловленность типов институциональных действий и типов деятелей. В отличие от них для слабодифференцированных обществ характерно преобладание и слабодифференцированных социальных деятелей. В результате, условно говоря, в таких обществах для традиционных действий типа X нет недостатка в деятелях типа X, но когда надо совершать действия типа Y, которые им раньше не были свойственны, то их чаще всего будут также выполнять деятели типа X, так как другие типы деятелей фактически отсутствуют. В результате институциональная специализация в таких обществах, как правило, носит узкотехнический характер, не достигая уровня типизированных деятелей. А при отсутствии

типизированных деятелей или их крайней ограниченности существует хроническая проблема эффективности выполнения институциональных ролей, в силу чего качество современных институтов является неизбежно низким.

Институциональные отношения и деятели могут быть идентифицированы и закреплены лишь в рамках определенного словаря. Все определения, сценарии, рецепты институционального поведения основываются и закрепляются на основе лингвистических объективаций. Благодаря лингвистическим объективациям происходит закрепление типизированных действий, определяются идентичности институциональных деятелей и обосновывается система релевантности определенного сообщества. Правомерность такого вывода подтверждается данными, полученными в рамках истории модернизаций. История модернизации свидетельствует, что формирование новых институтов происходило успешно лишь при возникновении нового словаря, новых лингвистических объективаций. И, наоборот, в обществах, где не происходило должного изменения словаря, не изменялась и традиционно присущая им система релевантностей. В результате неразвитости современного языка в таких обществах хронически не может быть достигнута необходимая степень лингвистической объективации новых институциональных отношений. Неразвитость современного словаря затрудняет не только формирование базовых объективаций, но и достижение необходимого для эффективной деятельности институтов уровня эксплицитности современных социокультурных знаний.

Институты нуждаются в легитимации. По мнению Бергера и Лукмана, легитимация — это способ объяснения и оправдания институтов, обеспечивающий их защитным покрывалом когнитивно-нормативных интерпретаций, благодаря которым они приобретают в рамках определенной социокультурной системы статус «законных», «правильных», «само собой разумеющихся». Кроме того, в легитимных институтах эффективно утверждается власть институтов над индивидами за счет сохранения и поддержания приоритетов институциональных определений ситуаций, которые становятся бесспорными, само собой разумеющимися и, благодаря такому восприятию данных определений, эффективно принудительными. Такой механизм принуждения, считают Бер-

гер и Лукман, предвосхищая идею габитуса Бурдьё, приводит к формированию человека со способностями к «спонтанному» поведению в рамках институционально установленных способов деятельности.

Бергер и Лукман, подчеркивая значение легитимации, выделяют четыре ее уровня, при этом особое значение придают уровню символического универсума, который позволяет создать интегрированную всеобъемлющую систему отчета для объяснения и оправдания существующего социального порядка. Именно благодаря такому универсуму возникает базовая матрица всех социально-объективированных значений, в которую могут быть встроены каждый отдельный институт и каждый отдельный субъект. Целое историческое общество и индивидуальная биография рассматриваются как явления, существующие в рамках этого универсума и находящие себе оправдание в этом универсуме.

В завершение своей оригинальной и очень содержательной работы Питер Бергер и Томас Лукман выразили скромную надежду на то, что их анализ укажет дальнейший путь для плодотворной работы другим исследователям. По прошествии почти полвека с момента выхода этой работы в свет можно сказать, что надежды двух социологов, внесших большой вклад в развитие институциональной теории, оправдались, время подтвердило жизнеспособность и востребованность их идей.

В концепции Бергера и Лукмана можно выделить выводы, которые, на мой взгляд, имеют важнейшее значение для институциональной теории. Прежде всего, Бергер и Лукман определяют институты как когнитивные феномены, как исторически возникающие массивы социокультурных знаний и ролевые практики, позволяющие типизировать различные ситуации и формирующие типичные способы взаимодействия в этих ситуациях. Во-вторых, Бергер и Лукман, рассматривая структуры и функции институтов, определяют роли как ключевой и решающий аспект существования институтов, считая, что именно в ролях институт достигает окончательной репрезентации и реально присутствует в жизни индивидов и общества в целом. В-третьих, Бергер и Лукман дифференцированно рассмотрели различные уровни легитимации институтов, а также роль символического универсума как наиболее значимого и завершающего условия легитимации социальных

институтов. Особое значение для понимания феномена институтов имеет вывод Бергера и Лукмана — институты не только типизируют действия, но, в конечном счете, типизируют деятелей.

Основные результаты, достигнутые Бергером и Лукманом, наиболее концентрированно можно увидеть при анализе модернизационных процессов в обществах, которым свойственны хронические затруднения с формированием современных институтов. Институциональные практики, ставшие для современных обществ само собой разумеющимся, и, соответственно, не вызывающим специального внимания нормальным состоянием, для большинства развивающихся стран являются трудно достижимыми, а иногда и фактически недостижимыми. Для большинства стран неорганичной модернизации свойственны хронические проблемы с генерированием социокультурных когниций, необходимых для формирования современных институтов. Такие же трудности они испытывают из-за несовпадения в этих обществах темпов развития технических аспектов современных институтов и сфер общества, которые должны быть социокультурной основой для новых институтов.

Развитие современных институтов в развивающихся странах во многом сильно затрудняется и даже блокируется из-за недостатка и зачастую отсутствия их легитимности. Порой современные институты или, точнее, их фрагменты в развивающихся обществах не только не имеют должной легитимности, но даже существуют в условиях их отрицания со стороны большинства членов данных обществ. Также выводы Бергера и Лукмана о ролевой репрезентации и необходимых для этого типизированных деятелях позволяют видеть в развивающихся обществах массовое и устойчивое расхождение между выполняемыми ролями и отсутствием необходимых для таких действий типичных деятелей.

Достижение уровня, когда институт может эффективно типизировать деятелей, связано со степенью его укорененности в определенном общественном контексте, что, в свою очередь, представляет сложный и довольно длительный процесс. Очень часто именно отсутствие необходимого уровня укорененности или труднопреодолимые символические барьеры традиций не позволяют обрести новым институтам необходимый уровень признаний и влияний.

Структура социокультурных когниций

Потребность в модернизации вынуждает развивающиеся страны заимствовать современные институты. Однако в большинстве случаев, за исключением нескольких стран Юго-Восточной Азии, заимствование современных институтов не привело к образованию в странах-реципиентах современной институциональной системы. Основная причина здесь в том, что институты заимствовались и воспроизводились на основе их узкотехнической интерпретации, на основе понимания их лишь как технологий, призванных обеспечить экономическое развитие стран-реципиентов. Но так как институты — это не просто набор технических операций, а сложные когнитивно-нормативные образования, то очень быстро выяснилось, что попытки их сведения лишь к набору узкотехнических функций не приводили к эффектам, производимым теми же институтами в контексте своего происхождения.

При невозможности воспроизводить современные институты как сложные когнитивно-нормативные комплексы заимствования оказывались недостаточно эффективными и соответственно не могли обеспечить решение задачи модернизации общества-реципиента. Ситуацию, которая является репрезентативной для стран-реципиентов, очень точно характеризует вывод, сделанный Норбером Руланом по поводу последствий массовых заимствований западных правовых кодексов африканскими странами в 60–70-е годы XX века. По мнению Рулана, несмотря на то, что на африканский континент обрушился целый каскад кодексов, тем не менее ни в одной африканской стране не сформировался современный институт права [Рулан 1999: 201]. Правовые кодексы, как и в случае воспроизводства других заимствованных институтов, понимаемых как чисто технические приспособления, остались фрагментарными и неизбежно малоэффективными социокультурными механизмами. Трудности формирования современных социокультурных когниций у жителей традиционных обществ были выявлены и французским антропологом Жоржем Баландье [Баландье 2001: 168–175].

Проблемы, с которыми массово столкнулись развивающиеся страны при упрощенном инкорпорировании современных инсти-

тутов, дают обширный эмпирический материал для понимания структуры институтов и условий их эффективной работы. Ситуация с заимствованными институтами фактически является для исследователей институтов масштабной экспериментальной лабораторией, позволяющей более явно увидеть, как устроены институты и какова степень их эффективности, когда они оказываются лишены определенных параметров, которые органично им присущи в контексте их происхождения. На мой взгляд, заимствованные институты в контексте общества-реципиента оказываются, прежде всего, лишены необходимых объемов современных социокультурных когний, без которых невозможно их полноценное формирование. Несмотря на то, что под влиянием когнитивизма в последнее время произошло значительное продвижение в понимании институтов, тем не менее этот аспект — проблема когнитивного дефицита — остается недостаточно исследованным. Недостаточное внимание к этой проблеме связано с тем, что для исследователей из развитых стран такая проблема в контексте их существования отсутствует, а исследователи из развивающихся стран пока не осознают ее в силу неразвитости как социологии в целом, так и ее институционального направления в его когнитивистской версии. Популярные экономические версии институтов, сводящие их лишь к набору правил по повышению эффективности транзакций и снижению издержек в рамках этих процессов, из-за своего крайнего редукционизма не могут дать более масштабного и глубокого понимания ни ролей институтов, ни социокультурных предпосылок, необходимых для институционализации современного типа. Среди представителей экономического институционализма своим более сложным видением институтов и очень содержательной концепцией когнитивных активов выделяется Масахико Аоки [Аоки 2015].

С целью конкретизации проблемы когнитивных ресурсов институтов я условно разделяю их на три типа. Первый тип — это когнии, позволяющие обеспечивать наиболее общие определения институциональных норм, а также формулировать базовые идентификации статусов и ролей. Идентификации базовых нормативных характеристик институтов имеют абстрактный и довольно тривиальный характер. В рамках таких идентификаций не требуется особой конкретизации, так как их функции за-

ключаются в формировании рамок, позволяющих видеть общую картину и иметь соответствующую общую ориентацию. Хотя на этом уровне институциональных когний не требуется достижения высокого уровня эксплицитности, однако проблема в том, что для формирования само собой разумеющихся общих определений социальные деятели должны быть помещены в контекст, в рамках которого в случае необходимости они могут без особых затруднений получить эксплицитно развернутые интерпретации институциональных норм.

Ориентации, задаваемые общими определениями и первичными моделями интерпретаций, недостаточны для решения вопросов, возникающих при непредвиденных случаях. Институциональные деятели не могут получить из общих определений развернутый сценарий поведения и конкретные рецепты решения институциональных проблем. Для их успешного решения члены институтов должны быть, как подчеркивали Бергер и Лукман, посвящены во множество нюансов знаний, прямо или косвенно относящихся к решаемой проблеме.

Решающим условием эффективности институтов являются массивы знаний, обеспечивающих выполнение конкретных ролевых действий институциональных деятелей. Чем больше массивы институциональных знаний, предназначенных для решения конкретных проблем, тем меньше затруднений испытывают институциональные деятели и тем больше возможностей для их эффективного поведения. Питер Бергер и Томас Лукман определяют этот тип знаний как «специфически-ролевые знания». Исходя из данного тезиса — решающего значения накопленных объемов специальных знаний, определяемых мной как операциональные, — можно эмпирически убедительно продемонстрировать, что эффективность всех институтов, как и их неэффективность прямо связаны с данным ресурсом. Именно массивы операциональных знаний являются необходимыми ресурсами, являющимися основой для компетенции институциональных деятелей, так как при их неразвитости видение проблем и способы их решений институциональными деятелями будут поверхностными и фрагментарными. Данный вывод можно подтвердить через сравнение уровня институциональных знаний и эффективности поведения членов укорененных в социокультурном контексте институтов и недавно

заимствованных. В первом случае накопленные за длительное время массивы специальных знаний не только способствуют развитию компетенции институциональных деятелей, но и эффективно принуждают их к соответствующему поведению. Как уже отмечалось, по мнению Бергера и Лукмана, когда социальные знания достигают определенных объемов, то они становятся принудительными и эффективно формируют мотивационную динамику институционального поведения. К таким же выводам приходит и Юрген Хабермас, который считает, что когниции являются важнейшим условием возникновения «эмпирически действенных мотивов» [Хабермас 2000: 172]. Во втором случае регулярно возникают проблемы как с формированием должного уровня компетенции, так и с поддержанием необходимой мотивационной динамики поведения институциональных деятелей.

В свою очередь формирование и закрепление структуры мотивов институциональных деятелей решающим образом зависят от структуры и содержания социального знания того или иного общества. Так, известный специалист по проблемам модернизации Пьер Розанваллон, сравнивая английский и французский либерализм, отмечал более высокий уровень эксплицитности, присущий первому из них [Розанваллон 2007: 121]. Такая ситуация с обеспечением англичан и французов различными объемами эксплицитных знаний в понимании либерализации общественных отношений имела соответствующие предпосылки и последствия. Благодаря социокультурному контексту Англии многие проблемы, связанные с развитием либерализма, решались как само собой разумеющееся, не приобретая дихотомического характера, как это происходило при их решении во французском обществе. Сравнения английского и французского общества, приведенные Розанваллоном через призму эксплицитности либеральных представлений, мы можем экстраполировать и на общества, впоследствии ставшие на путь либерализации. Абсолютное большинство из них испытывали и продолжают испытывать трудноразрешимые проблемы с достижением необходимого уровня эксплицитности своих представлений о либерализме. Данный вывод, *mutatis mutandis*, можно распространить на все другие аспекты развития стран второго и третьего эшелона модернизации. Исключения составляют лишь несколько стран Юго-Восточной

Азии, сумевших при модернизации найти источники формирования новых социокультурных когний не только в заимствованных институтах, но и в собственной традиции.

В условиях, когда современные институты не могут быть заимствованы со всем объемом наработанных ими знаний, а собственные возможности стран-реципиентов по генерированию современных когний чаще всего крайне ограничены, заимствованные институты оказываются лишь определенными фрагментами по сравнению со своими первоначальными образцами. Современные социальные институты, являющиеся образцами для развивающихся стран, длительное время формировались в сложном дифференцированном контексте, и в рамках такого контекста были обеспечены совершенно другими объемами институциональных знаний, а также социализированными на их основе деятелями. Эти же институты при заимствовании оказываются лишенными тех же объемов необходимых социокультурных знаний, а также типов деятелей, сформированных в течение длительного времени. На мой взгляд, именно невозможность при импорте институтов заимствовать весь объем наработанных веками институциональных знаний и очень часто ограниченные возможности их развития в собственном контексте, а иногда фактическое отсутствие такой возможности приводят к тому, что заимствованные институты в обществах-реципиентах фактически могут быть воспроизведены лишь фрагментарно и, соответственно, они неизбежно более неэффективны, чем их прототипы в развитых странах. Нередко заимствованные институты в развивающихся странах совпадают со своими аналогами в современных обществах лишь по названию, а фактическое содержание их деятельности, если и совпадает, то лишь в некоторых аспектах. Такое состояние заимствованных институтов — это объективное следствие комплекса причин, среди которых наиболее основным является дефицит базового для них когнитивного ресурса.

Члены заимствованных институтов существенно уступают в производительности членам укорененных институтов. Различия в производительности и в качестве деятельности между членами институтов, существующие в различных социокультурных контекстах, заключаются в том, что одни, будучи укорененными в социокультурном контексте, не только не затрудняются в опре-

делении тех или иных ситуаций и их интерпретаций, но и эффективно принуждаются к соответствующему поведению. В результате, институциональный деятель становится высокопроизводительным не только из-за своих способностей, которые также более эффективно развиваются в благоприятном институциональном контексте, их эффективность — это следствие социализации в насыщенном контексте само собой разумеющихся значений. В то же время их коллеги в условиях заимствованных институтов регулярно затрудняются с нахождением институциональных решений существующих проблем, так как они чаще всего обеспечены только ограниченными фрагментами знаний, необходимых для таких решений. Такое положение дел является объективным, так как формирование специальных знаний, необходимых для операциональной деятельности, требует достаточно длительного времени. За небольшой период можно достичь лишь формирования институциональных знаний «хрестоматийного характера», но невозможно получить разветвленные массивы сложных и нюансированных знаний. При этом, как правило, в развивающихся странах отсутствуют благоприятные возможности для интенсивного формирования необходимых массивов операциональных знаний. Их социокультурные ресурсы позволяют развивать лишь наиболее доступные и явные аспекты институционального знания, а более сложные и неявные аспекты институционального знания остаются недоступными для институциональных деятелей развивающихся стран и в лучшем случае известны им фрагментарно. В результате институциональная деятельность тех, кто не опирается на разветвленный массив нюансированных значений, оказывается неизбежно более неэффективной, чем деятельность тех, чья институциональная социализация протекала в условиях, насыщенных необходимыми знаниями.

Институциональные деятели должны обладать не только необходимым объемом специальных и общих знаний об институциональных нормах и взаимодействиях на их основе, но и «описательной компетенцией» в отношении самих себя [Рикёр 1995: 13]. Однако в большинстве развивающихся стран члены заимствованных институтов не могут быть обеспечены необходимым объемом специальных и общих знаний, и, как следствие, у них низкий уровень компетенции в понимании институцио-

нальных проблем, а также они испытывают трудности с формированием «описательной компетенции» в отношении своей роли и в целом институциональной идентичности.

Институты нуждаются в легитимации, но ее нельзя обеспечить лишь на основе определения их необходимости для развития общества. Для признания и укоренения современных институтов необходима более сложная легитимация, а для этого, в свою очередь, требуется, как отмечали Питер Бергер и Томас Лукман, достижение высокой концептуальной изоционности [Бергер, Лукман 1995]. Данный вывод Бергера и Лукмана подтверждается как историей становления и легитимации современных институтов в развитых странах, так и хроническими проблемами по их легитимации в развивающихся странах. Социокультурные концепты, на которые могут опираться в этих странах для легитимации процессов модернизации, имеют крайне низкий уровень эксплицитности, и, соответственно, их семантический потенциал оказывается малоубедительным. При таком уровне развития современных социокультурных концептов сторонникам модернизации в развивающихся странах приходится довольствоваться фрагментарными и эклектическими теориями институциональной деятельности. Как следствие такой когнитивной ситуации в развивающихся странах, заимствованные институты не могут достичь необходимого уровня легитимности, а из-за недостаточной легитимности современных институтов, точнее их фрагментов, они оказываются и слишком открытыми для оппортунистических интерпретаций. Как следствие, среди их членов широко распространены поведенческие практики, не соответствующие институциональным нормам. При этом такие практики нельзя назвать девиантными, так как они являются укорененными в социокультурном контексте развивающихся стран. Укорененные в традициях развивающихся стран практики успешно порождают не только соответствующее им поведение социальных деятелей, но из-за своей массивности и регулярности они подавляют нормы заимствованных институтов, и в результате нередко именно приверженность нормам заимствованных институтов может стать девиацией, а отклонение от институциональных норм — базовыми способами типизаций взаимодействий членов института.

В таких социокультурных условиях заявления о необходимости следования институциональным нормам малоэффективны и фактически декларативны, прежде всего, по причине отсутствия достаточных массивов знаний, способных успешно принуждать членов института следовать им, создавать у них соответствующую «мотивационную динамику». Для повышения значимости норм современных институтов в развивающихся обществах должны возникнуть условия для производства способов семантического предупреждения девиаций, способов, благодаря которым отклонения могли бы быть минимизированы не за счет прямых репрессий, а за счет когнитивного принуждения. Другими словами, должны быть выработаны концепции, позволяющие переинтерпретировать представления, легитимирующие традиционные модели поведения членов заимствованных институтов. Но в институционально слабодифференцированных обществах доминирующие традиционные способы концептуального структурирования существующих проблем по своему содержанию очень часто не соответствуют нормам современных институтов, и тем самым из-за их преобладания в рамках новых институтов объективно возникают условия, благоприятные для девиантных интерпретаций и поведения институциональных деятелей.

Конкретизируя данный аспект институтов в терминах Питера Бергера и Томаса Лукмана, мы можем прийти к заключению, что устойчивость института во многом связана с тем, насколько он способен с помощью концептуальных механизмов отразить вызовы со стороны девиантов. Конечно, имеют место более примитивные варианты, когда вопросы решаются силой. Однако соглашаясь с доводом, что очень часто в дискуссиях победа доставалась обладателям силовых ресурсов, тем не менее мы можем вспомнить афоризм Эдварда Булера-Литтона «перо сильнее меча», истинность которого подтверждена историей. Обладатели ресурсов, связанных с силовым принуждением, всегда имели очень ограниченный временной отрезок для эффективного воздействия на других, тогда как те, кто нес слово, сохраняли свое влияние столетиями, а иногда и тысячелетиями. Можно сказать, что реальная власть всегда принадлежит тем, кто имеет возможность для силового принуждения, поскольку им часто удается поставить себе на службу носителей слова. Действительно, это

обычный сюжет мировой истории, который воспроизводился и воспроизводится в различных общественных контекстах, что подтверждается соотношением символической и реальной власти в рамках кастовой системы. В индийском обществе, где брахманы символически доминируют и признаются высшей кастой, тем не менее, фактически власть всегда в руках кшатриев. Однако без когнитивных возможностей брахманов, позволяющих определять существующий порядок, политическая власть кшатриев достаточно быстро утратила бы свою легитимность.

Для придания долговременной устойчивости института его легитимация должна опираться не только на обоснование правильного поведения, она должна выработать и эффективную концепцию патологии, отклонений, способы диагностики таких отклонений. Лишь опираясь на такое сочетание позитивных и негативных сценариев, включающих в себя систему эффективных санкций, институты и в целом социальный порядок обретают необходимый запас прочности перед возможностью опасных девиаций. Но проблема заимствованных институтов в том, что они не имеют в достаточном объеме не только позитивных сценариев поведения и, соответственно, не могут выработать эксплицитный сценарий институционального поведения, но и концепций девиации, которые также должны участвовать в формировании идентичности институциональных деятелей. Они не имеют концепций, позволяющих надежно определять порядок легитимных действий, так как у них отсутствует и каталог недопустимых девиаций. При отсутствии в развивающихся странах как позитивных, так и негативных сценариев, позволяющих четко определять нормативное и отклоняющееся поведение, очень часто девиантные поступки являются допустимыми, и деятели не чувствуют за собой особой вины, допуская такие поступки.

Таким образом, в условиях, когда институциональные деятели лишены необходимых современных знаний, они вынуждены решать свои проблемы, опираясь на более разветвленные массивы традиционных знаний. Более того, по логике социального знания они принуждаются к определениям и интерпретациям, которые господствуют в данном контексте. И, как правило, в развивающихся странах логика доминирующих традиционных знаний

противоречит когнициям, необходимым для формирования и деятельности современных институтов.

Фундаментальной предпосылкой развития институтов являются социокультурные знания, образующие когнитивную основу, смысловой контекст определенного общества или в целом цивилизации. Такие знания, в отличие от специализированных, чаще всего имеют неявный характер и задают общие рамки восприятия, формируют основные способы структурирования дискурсивных практик. В целом, можно сказать, что базовые социокультурные когниции выполняют функции культурного климата и почвы, от свойств которых зависят и возможности развития специализированных знаний. Исходя из функций общекультурных знаний, формируемых религией, философией, литературой и другими видами искусства, их можно также определять как контекстуальные знания. О роли контекстуальных знаний как условия формирования и развития специальных знаний в разное время писали М.Хайдеггер [Хайдеггер 1993], Г-Х. Гадамер [Гадамер 1988], Л.Витгенштейн [Витгенштейн 1994], М.Фуко [Фуко 1977], [Фуко 1997], Дж. Серл [Searle 1983], [Серл 2001].

В зависимости от особенностей базовых когниций, контекстуальных знаний определенного общества формируется и система его релевантностей, предопределяющая инвестиции времени и сил в определенные виды познания и деятельности. Значение систем релевантности, исторически укорененных в определенном обществе, мы можем наглядно увидеть на фактах, связанных с попытками специального стимулирования развития современного образования и науки в развивающихся странах. При всех усилиях в большинстве развивающихся стран обнаружили хронические затруднения по генерированию современных знаний, особенно социокультурных. География затруднений в целом совпадает со странами «второго» и «третьего» мира, а центры современной социогуманитарной мысли в основном находятся в развитых странах. Исходя из такой географии развития современных социокультурных знаний можно сделать несколько выводов. Во-первых, существует тесная корреляция между уровнем развития страны и уровнем развития в ней современных социокультурных когниций; во-вторых, центры развития современных социокультурных когниций расположены в странах с длительной тра-

дицией развития сложных знаний; в-третьих, заимствование современных социокультурных знаний, как и возможности их генерирования, достаточно жестко зависят от системы релевантности того или иного общества.

В целом, история развивающихся стран, если рассматривать ее в аспекте их возможностей заимствования, а также собственного производства современных когний, позволяет прийти к двум выводам. Так, ряд стран «второго» и даже «третьего» мира сумели достаточно эффективно заимствовать естественнонаучные и технические знания, а также достигли значительных успехов в их генерировании. Однако развивающиеся страны испытывают хронические затруднения с заимствованием и генерированием современных социокультурных концепций. Вне развитых стран существует немало признанных в мире центров в сферах естественных и точных наук, но в этих регионах не сложились такие же центры в сфере социогуманитарного знания. Я объясняю такое положение дел особенностями структуры и содержания социокультурных предпосылок. Такие предпосылки образуют контекст, который во многом неявно, но очень эффективно задает рамки восприятия и интерпретации, создает систему релевантности, определяющей возможности развития или блокирования специальных знаний.

2.5. Советская модернизация

Особенности советских институтов

Советская система возникла на основе доктрины, которая исходила из принципиальной возможности способа модернизации, альтернативной капиталистической. Несмотря на то, что советская система не достигла главной своей задачи и была вынуждена сойти с исторической дистанции, без объективного исследования этого опыта невозможно понять как феномен модернизации, так и в целом историю XX и начала XXI века.

На мой взгляд, при всех очевидных достижениях Советского Союза он не смог создать институциональную систему полицентрического типа, и в своей институциональной основе советское

общество осталось досовременным. Страны «реального социализма», которые впоследствии в той или иной степени следовали советской модели развития, в дальнейшем также повторили ее судьбу. Хотя некоторые известные социологи причисляют Советский Союз и всю социалистическую систему к современным, идентифицируя ее как индустриальную, тем не менее если мы рассмотрим институциональные аспекты этой системы, то увидим, что она так и не смогла по своей социетальной структуре стать современной. Если логика развития современных обществ определялась децентрализацией, секуляризацией и плюрализацией институтов, то по сравнению с ними советская система, несмотря на масштабное развитие промышленности, массовой урбанизации, всеобщей грамотности, по своей институциональной структуре осталась иерархической. В отличие от полицентрической структуры институтов современных обществ в советской системе институт политики не только сохранил господствующие позиции, но его доминирование стало еще более жестким, чем до революции. В процессе советской модернизации при всех изменениях, порой очень масштабных, была сохранена и даже крайне ужесточена иерархическая основа предшествующего общества.

Исходя из структурных критериев рассмотрения общественных систем, я не разделяю достаточно распространенного мнения среди специалистов относительно того, что Советский Союз радикально отличался от дореволюционной России, и считаю, что у советской системы было немало общего с предшествующим общественным строем. Точку зрения о полной противоположности советской системы системе дореволюционной России разделяют не только публицисты, но и ряд серьезных исследователей. Так, Шмоэль Эйзенштадт отмечает, что при большевиках в плане социально-политического структурирования произошел полный разрыв с прошлым [Эйзенштадт 1999]. Однако, на мой взгляд, более обоснованы выводы исследователей, считающих, что между дореволюционной Россией и советской системой при всех содержательных изменениях, приведших и к определенным институциональным различиям, была и социетальная преемственность. Советская система не только унаследовала многие черты традиционной деспотии, характерной для Российской империи, но также, используя ряд политико-идеологических новшеств, усилила при-

сущие ей авторитарные тенденции. Юрий Пивоваров, известный российский специалист, определил советское общество как непрерывное сохранение, с определенными видоизменениями, российской властоцентричной общественно-политической традиции. В таком обществе власть является господствующим и определяющим все аспекты жизни общества институтом, и, по Пивоварову, эта традиция в российском обществе была до советской власти, в советский период и сохраняется в постсоветский период [Пивоваров 2006]. Схожих взглядов на модернизацию советского общества придерживаются и ряд других исследователей [Вишневыский 1998], [Ахизер, Клямкин, Яковенко 2008], [Левин 2008], [Гэллнер 2008], [Соколофф 2008], [Даниелс 2011], [Гайдар 2015].

Иерархические отношения в советском обществе также неизбежно усиливались из-за милитаристской природы тоталитарного общества. Милитаризм органично присущ тоталитарной идеологии и системе ее базовых ценностей и поэтому неизбежно пронизывал все сферы жизни общества и определял взгляды советских людей, и не только занятых в военной сфере. Массовое сознание в советском обществе во многом формировалось под воздействием дискурса осадного лагеря и психологии, формирующей установки о враждебных силах, окружающих советский народ. Господство таких представлений успешно легитимировало стремление советской власти уделять развитию вооруженных сил повышенное значение. Постепенно оно переросло в устойчивое желание военного доминирования, и подобная установка заставляла уделять приоритетное внимание развитию военно-промышленного комплекса. В этой сфере, как известно, Советский Союз добился значительных результатов и в течение нескольких десятилетий занимал лидирующее положение в разработке и производстве ряда военных технологий.

Для достижения целей, связанных со стремлением к военному доминированию, было задействовано огромное количество людей и ресурсов, и эти инвестиции в той или иной степени, конечно же, способствовали модернизации страны. Так, стремление быть конкурентоспособным в военной сфере заставляло советское руководство развивать образование и науку. Особенно большое внимание в СССР уделялось развитию точных наук, и в этой сфере советские ученые достигли мирового признания.

Но милитаризм не стал и не мог стать фактором, способным обеспечить полномасштабную модернизацию советского общества. Модернизируя некоторые сферы общества, в частности, способствуя развитию точных наук и производству сложных видов технологий, тем не менее милитаризм также нес в себе установку на упрощение, на консервацию и на воспроизводство силовых отношений традиционного типа. Тем самым милитаризм, особенно в сочетании с тоталитарными установками, способствовал укреплению антимодернизаторских тенденций [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2008], [Вишневский 1998], [Гайдар 2012], [Гайдар 2015].

Еще одно базовое условие модернизации — секуляризация также происходила в советской системе в специфической форме. Официальная идеология советского государства объявляла его атеистическим и преследовала традиционную религию, но тип мышления советского руководства, как и большинства советского народа, остался досовременным, с очень высоким уровнем догматизма. Вместо веры в бога советская идеология утвердила веру в догмы марксизма-ленинизма. В результате вместо современного секулярного мышления в советском обществе сохранился мифологический тип мышления, и можно согласиться со специалистами, которые считают, что вместо монотеистической религии утвердилась разновидность языческой религии. Хотя советская власть в своей борьбе с религией стремилась изгнать из общественного сознания приверженность традиционным культам и верованиям, она замещала их не современным просвещенным сознанием, а более примитивным по структуре и содержанию типом веры. Анализируя результаты советской секуляризации, мы также видим, что, несмотря на радикальные методы борьбы с религией, масштабное развитие образования и науки, их совокупным итогом стало не утверждение современного сознания, а видоизменение досовременного мышления.

Советский тоталитаризм не только сохранил досовременный тип мышления, с присущим ему повышенным уровнем ригидности, но и способствовал дальнейшему усилению догматизма общественного сознания в ущерб развитию его рефлексивных способностей. Повышенный уровень догматизма советских людей проявлялся не только в их понимании социально-политиче-

ских процессов, но он неизбежно сказывался и в понимании экономических законов. Так, если мы возьмем такую «священную корову» советского общества, как план, то он являлся не только инструментом рационального развития общества, и особенно его экономической сферы. План был одной из базовых догм советского общества, и он был не только следствием политической воли, он был плодом упрощенно понятого просвещенческого эссенциализма. За планом стояла установка — для вооруженной самой передовой идеологией партии все достижимо, и поэтому возглавляемое ею советское государство может на основе научных достижений максимально детально запланировать развитие страны. Однако в реальности из-за неустранимой неполноты и несовершенства человеческого знания, а также во многом из-за политических корректировок достижение запланированных результатов, основанное на вере в абсолютно точное планомерное развитие, оказалось фикцией.

В советской системе волюнтаризм, политическая целесообразность присутствовали при планировании изначально. Уже Сталин волюнтаристски искажил параметры первой пятилетки, когда перед последним утверждением за ночь произвольно изменил показатели плана, которые специалисты во многом считали обоснованными. И в дальнейшем эта традиция политических, а впоследствии и небескорыстных ведомственных и местнических корректировок усиливалась. В 70-е и 80-е годы такие корректировки и торг по поводу планирования стали системной характеристикой советского общества. Виталий Найшуль определил эту стадию экономического развития советской системы как «экономику согласований» [Найшуль 1991: 31–62]. Также на неизбежность неформальных корректировок плана в советской экономике обращали внимание ряд других авторов [Левин 2008], [Соколофф 2008], [Попов, Шмелев 1991], [Белановский 1989].

Стремление навязывать экономике политически обусловленные представления — это родовая черта стран реального социализма. Так, Мао Цзедун также вносил свои коррективы в запланированные специалистами темпы экономического развития Китая. В результате вместо запланированного на 1958 год выпуска стали в объеме 10,7 миллиона тонн он был пересмотрен в сторону увеличения к 1959 году до 30 миллионов тонн стали. А к середи-

не 70-х Мао рассчитывал достичь цифры 700 миллионов тонн [Танцов 2013: 237]. Здесь мы видим не только волюнтаризм, но и представления, установки политиков, которые при всей их неординарности были выходцами из малообразованных слоев отсталых стран. Как люди, обделенные в детстве возможностями, которые имели их более обеспеченные сверстники, достигнув власти и богатства, стремятся компенсировать то, чего они были когда-то лишены, так и власти отсталых стран ставили перед собой цели исходя из своего раннего опыта. В период своего детства и взросления они знали, что их страны очень сильно отстают от развитых, а наиболее наглядным выражением этого отставания в эпоху капитализма «угля и стали» было производство металла, угля и других материально явно фиксируемых видов продукции. Поэтому особое пристрастие лидеров стран социализма к многократному увеличению производства стали, угля, зерна и других первичных ресурсов отражает, прежде всего, их исторический кругозор. Рамки этого кругозора не позволили им осознать, что во второй половине XX века конкурентоспособность страны определялась не объемами производства стали и угля, а способностью создавать более сложные технологии.

План был во многом фикцией, и не только из-за того, что был оторван от спроса реальных потребителей, абстрагирован от реального ценообразования, но и из-за пристрастий руководителей стран социализма к досовременному фетишизму цифр. Параметры производства продукции, особенно наиболее символической, такой как уголь, сталь, зерно, определялись не только конкретной потребностью, но и во многом формировались под влиянием идеологических представлений. Так, если бы их производство определялось реальным спросом, то, наверное, чаще всего цифры были бы не круглые, как это было в советских планах. Но так как логика производства определялась больше политико-идеологическими представлениями вождей стран социализма, во многом основанными на традиционном цифровом фетишизме, то при планировании задавались круглые цифры, которые могли соответствовать чему угодно, но не реальному спросу, а очень часто не соответствовали и возможностям производства. Еще один род фетишизма, характерный для советской системы и для других стран социализма, — это символические даты, к кото-

рым надо было обязательно план перевыполнять. Вопрос, зачем перевыполнять план, если он был обоснованным и сбалансированным, не возникал и на официальном уровне не мог возникнуть. Утвердив на очередном съезде пятилетний план, партия ставила перед советскими людьми задачу не только его выполнения, но и регулярного перевыполнения, а раз стояла такая задача, то им приходилось не только выполнять, но и перевыполнять план, пусть нередко это было просто на бумаге.

Есть много свидетельств и тому, как Госплан под воздействием политических и экономических интересов отдельных групп корректировал план, кроме того, уже принятый план «корректировался» приписками, ложной информацией, которая давалась с мест. Принятый план нередко корректировался на основе личных связей. Например, когда Свердловская область не выполняла из-за Уралмаша план, руководитель области договорился с курирующим министром, что план будет считаться выполненным, пообещав довыполнить его позже [Жирнов 2003: 74]. Лев Тимофеев в своей книге, посвященной анализу коррупции в советском обществе, приводит воспоминания бывшего руководителя Совнархоза Дагестанской АССР. Этот высокопоставленный чин советской автономии вспоминал, что для подкупа работников Госплана и центральных министерств в Москву отправляли самолеты с подарками, для того чтобы некоторые заводы и другие объекты строились не в тех регионах, где они планировались, а в тех, руководство которых дает «подарки». За счет строительства новых предприятий и их последующего финансирования из центра местные власти не только покрывали свои расходы, потраченные на их «выбивание», но и получали теневую прибыль [Тимофеев 2000: 120–121].

В целом советский план, с одной стороны, был выражением необоснованных амбиций, претензий на постижение сущности общественного бытия, а с другой — план являлся жертвой всевозможных корректировок.

Советскую экономику нередко определяют как командную. Такое определение характеризует экономическую систему, где базовые источники ее развития лежат за пределами самой экономики и где она подчинена политике. Советская экономика, конечно же, не могла игнорировать все экономические закономерности

сти, но, тем не менее, для нее политико-идеологическая целесобразность была всегда важнее, чем рыночное ценообразование, конкуренция за потребителя, себестоимость и рентабельность продукции. Соответственно, роль денег в Советском Союзе была совершенно иной. По мнению Стэфана Хэдлунда, деньги могли служить средством обмена только в двух ситуациях: когда люди получали зарплату и когда они могли тратить свой семейный доход [Хэдлунд 2015: 155–156]. В ситуации, когда для основного вида собственности в Советском Союзе — государственной и фактически ее разновидности — колхозно-кооперативной основным критерием успеха считалось выполнение государственного плана, а план надо было выполнять в условиях дефицитной экономики, первостепенное значение имели количественные показатели и доступ к источникам дефицитных товаров. В результате качество товара и интересы потребителя всегда приносились в жертву базовым интересам основных экономических игроков. Хэдлунд также считает, что главным отличительным признаком советской системы был суверенитет производителей, а не потребителей [Хэдлунд 2015:165]. Этот вывод истинен для любой командной экономики и подтвержден историей всех стран со схожей с Советским Союзом общественной системой.

Специфику советской экономики хорошо иллюстрирует явление такого массового феномена, как «толкачи». В силу специфики советской экономики «толкачи» были заняты не продвижением своей продукции, не тем, что «толкали» свою продукцию другим предприятиям, обеспечивая ей более выгодный сбыт, а тем, что «проталкивали» поставки дефицитной продукции на свое предприятие. Порой им приходилось проводить очень длительное время на других предприятиях, чтобы получить их продукцию, так как она была дефицитной, а плановая экономика не обеспечивала ту гармонию, которую обещала [Левин 2008], [Соколофф 2008], [Хэдлунд 2015].

В Советском Союзе проводилась политика, направленная на ускоренную индустриализацию и урбанизацию страны. Такая политика, при всех своих издержках, дала свои результаты уже в годы первых пятилеток, и она существенно изменила социально-экономическую структуру страны. За достаточно короткий период в экономике страны, бывшей преимущественно аграрной, ста-

ло преобладать промышленное производство, а в структуре населения — городские жители. Но несмотря на масштабное развитие городов и промышленности в советском обществе сохранилось множество традиционных способов воспроизводства жизни. В условиях советского общества городские жители массово были вынуждены сочетать промышленный труд с аграрным. Так, дачи для большинства советских людей были не местом летнего отдыха, а способом обеспечения себя овощами и фруктами в условиях их дефицита или отсутствия в системе торговли.

В целом урбанизация в Советском Союзе, как и большинство других сфер, носила синкретический характер, и, как следствие, почти во всех крупных городах были обширные районы, которые в советском дискурсе определяли как «частный сектор». Такие районы представляли собой фактически большие сельские поселения с улучшенной инфраструктурой. Жители частного сектора имели не только огороды, но и содержали скот. Во многих крупных городах, фактически недалеко от центра, по утрам и вечерам можно было наблюдать, в зависимости от региона, стада коров и овец или их сочетание. Содержание домашнего скота в городских условиях было продиктовано суровой необходимостью, обусловленной дефицитом продуктов в советском обществе.

Руководство советской системы также во многом стремилось решить проблему модернизации, опираясь на развитие образования и науки. В их развитии в советском обществе были достигнуты значительные успехи: СССР стал страной всеобщей грамотности, а по развитию науки и промышленных технологий если не вошел в группу ведущих стран, то, по крайней мере, значительно обошел большинство стран мира. В некоторых сферах науки в Советском Союзе были созданы целые школы мирового уровня. По ряду же направлений научно-технического развития СССР определенное время занимал лидирующие позиции в мире, например, в развитии космических технологий. Но в целом советскому обществу не удалось создать современную систему образования и науки, аналогичную таким же институтам в развитых странах. Причины такого результата имеют системный характер. В условиях советского общества образование и наука были в подчиненном положении в отношении институтов власти и идеоло-

гии, и их институционализация не была дифференцированной как в развитых странах. Советские институты образования и науки должны были выполнять, прежде всего, директивы, исходящие от господствующих институтов, а при таком положении они не могли стать современными институтами. Так, задача, стоящая перед институтом образования, была, прежде всего, не образовательная, а воспитательная, в соответствии с требованиями советской идеократии. Хотя от науки требовали новых знаний, тем не менее главным условием ее существования было соответствие советской идеологии. Подчиненность науки политическим институтам наиболее выпукло проявилась в грубом вмешательстве советской власти в теоретические дискуссии в сфере генетики и кибернетики. На то, что институт науки в советском обществе был, прежде всего, идеологическим феноменом, а лишь потом научным, косвенно указывает и советский плеоназм «научно-исследовательский институт». Тем самым, наверное, подчеркивалось, что такие учреждения должны иметь и исследовательскую функцию.

Социогуманитарные дисциплины в советском обществе властью определялись как партийные науки и подвергались особенно жесткому контролю, с целью обеспечения их соответствия идеологическим канонам марксизма-ленинизма. Крайне негативно на развитие образования и науки влияли такие советские ценности и нормы, как простота и вал. Господствующее положение этих ценностей постоянно воспроизводило ситуацию, при которой для выполнения количественных показателей плана почти во всех сферах общества жертвовали качеством. В итоге в Советском Союзе удалось победить неграмотность, но основная часть советского народа, научившись читать и писать, не смогла обрести навыки логического мышления и не владела литературным языком, соответствующим уровню образованных людей. И такой результат был неизбежным, так как советское образование развивалось ускоренно, больше через насаждение простых форм, чем на основе культивирования сложных знаний и практик.

Тоталитарные установки советской власти привели к фактическому уничтожению философии, запретам на развитие социологии, культурологии, антропологии, то есть видов знания и науки, образующих когнитивную основу современности. Очень точно выразил упрощенный подход к философскому образованию,

характерный для советского общества, Владимир Маяковский: «Мы диалектику учили не по Гегелю». И такая упрощенная модель образования неизбежно проигрывала по своим результатам образовательным системам современных стран. Традиции советской модели образования, ориентированной на самые простые интеллектуальные нормы, сохраняют свое влияние в большинстве постсоветских стран, с соответствующими последствиями для возможностей их современного развития.

Социокультурные ценности и нормы советского общества

Советское общество во многом оставалось досовременным и по причине того, что в нем так и не укоренилась современная концепция времени. Несмотря на требования индустриального производства, подкрепляемые и политическими принуждениями, большинство советских людей не смогли выработать современную пунктуальность, умение планировать свое время на индивидуальном и на групповом уровне. Отсюда во многом хроническая привычка советских людей оставлять решение проблем на потом, а затем в ситуации цейтнота аврально, методом штурма завершать выполнение запланированных задач. Можно сказать, что вся история Советского Союза в той или иной степени является историей авральных решений запланированных задач.

Как в жизни, так и в советских книгах и фильмах, посвященных производству, советские люди постоянно борются с проблемами, совершая героические поступки для выполнения производственных задач. Представить налаженное производство, где все работает исправно, вовремя и без авралов, было невозможно ни в жизни, ни в искусстве советского общества [Шведов 1991]. По мнению Виктора Ерофеева, одну из классических книг советской литературы «Кавалер Золотой Звезды» Семена Бабаевского можно считать репрезентативной для понимания советского общества. Решение проблем, которые в других странах, особенно в современных, происходят рутинно, в советской действительности, описываемой Бабаевским, каждый раз требует экстраординарных усилий. Описываемые в книге проблемы решались лишь благодаря тому, что главный персонаж был кавалером Золотой Звезды [Виктор Ерофеев 1999: 64]. По сути, эта книга является обличением советской системы, хотя в свое время она восприни-

малась как образец настоящей советской литературы, прославляющей советское общество.

Процессы в экономике и в целом в обществе, их представление в искусстве формировали людей с ментальностью, которая не была адекватной рационально-методической деятельности. Почти во всех сферах советского общества надо было не просто работать, а бороться, совершать какие-то, если не героические поступки, то, по крайней мере, постоянные сверхусилия. Ключевыми элементами советского дискурса до последних дней советской системы были «битва за урожай», «трудовой героизм шахтеров и металлургов», «преодоление», «навалиться всем фронтом» и подобные им призывы.

Преобладание в мышлении советских людей досовременной логики можно было наблюдать во многих сферах жизни. Одним из таких концентрированных выражений традиционалистской логики была устойчивая массовая предрасположенность советских людей к различным гиперболам и рекордам и в целом к чрезмерности. Такая предрасположенность проявлялась в массовом желании получать реальные, а зачастую и сфальсифицированные сверхрезультаты, а также в неизбежной потребности в таких «достижениях». Подтверждением таких установок являются регулярные и очень наивные отчеты о сверхдостижениях советского производства, как, например, рекорды Стаханова и других передовиков, которых впоследствии обобщенно стали называть стахановцами. Такая потребность в чрезмерном, в сверхрезультатах была присуща не только массам, но и управленческой элите советского общества, большая часть которой по своей логике мало отличалась от низов.

Присущая ментальности традиционного общества потребность в чрезмерности проявлялась и в деятельности репрессивных органов. Так, при выбивании показаний у жертв репрессий карательным органам было недостаточно, чтобы они «признавались» в том, что они являются агентами одной зарубежной спецслужбы, надо было, чтобы они признавались в том, что они агенты нескольких спецслужб. Такое стремление к чрезмерности характерно для всех традиционных обществ, и оно проявляется во всех странах, где все еще сильно влияние традиционных установок. Известный китайский писатель Юй Хуа приводит очень по-

казательные примеры из жизни китайского общества периода правления Мао Цзедуна. Описывая болезненное стремление к чрезмерности в годы маоистского Китая, Юй Хуа отмечает, что и в современном Китае, вставшем на путь капиталистического развития, за многими решениями и действиями «торчат уши «большого скачка» [Юй Хуа 2012: 142–148].

Советская модернизация была ответом на вызов современности, который заключался в попытке победить сложность, присущую современной эпохе, через утверждение простой, но, как казалось ее сторонникам, более прогрессивной и более справедливой общественной системы. И если современный мир развивался на основе роста дифференциации и сложности, то социокультурные процессы в советском обществе протекали по пути упрощения и даже преследования стремления к сложности. Это выражалось в том, что прославлялась простота, насаждался образ простого и целостного человека, а отрицательные герои в фильмах и литературе были носителями непростого, а значит, подозрительного сознания и поведения. Советские люди под влиянием не только агитпрома, но и в силу своего образа жизни очень полюбили афоризм «Все гениальное просто». И на каком-то этапе уже не нужны были специальные усилия по насаждению и культивированию ценностей простоты и соответствующих качеств у советских людей. Простота стала доминирующей ценностью и основой советского габитуса [Левада 1989], [Советский простой человек 1993].

Несмотря на тоталитарные притязания власти и культивирование ценности простоты советское общество не было и не могло быть гомогенным образованием. Советская система всегда испытывала воздействия разнонаправленных тенденций. С одной стороны, она стремилась развивать современное промышленное производство и в связи с этой необходимостью развивать образование и науку. Развитие этих институтов объективно способствовало определенной диверсификации и дифференциации советского общества и тем самым его модернизации. Но при этом развитие современных институтов происходило в усеченной и упрощенной форме. Развитие науки, образования и промышленного производства в Советском Союзе понималось лишь как формирование необходимого набора технических знаний и навыков,

при отрицании и даже враждебном отношении к формированию субкультур, которые могли бы способствовать развитию полномасштабной дифференциации современных социальных институтов.

В результате таких политических и культурных установок, присущих не только представителям власти, но и основной массе людей, в советском обществе была решена проблема с подготовкой специалистов определенной технической компетенции, однако не могла быть решена проблема формирования современного образованного человека. В советском культурном контексте было нормой отсутствие или наличие очень небольших домашних библиотек у большинства специалистов с высшим и средним образованием. Особо ограниченными были интеллектуальные ресурсы, которые позволяли бы развивать более сложное и более адекватное современным требованиям теоретическое мышление. Незрелость теоретического мышления так и осталась слабым местом советского образования и в целом советской культуры. Особенно это касалось способов мышления, связанных с обществом и экзистенциальными вопросами. Такое положение дел было неизбежным следствием разгрома философии и запрета развивать все способы сложного мышления в советском обществе. Советская альтернатива философии и социогуманитарным наукам в виде марксистско-ленинской философии не могла обеспечить не только развитие современного теоретического мышления, но и в целом формирование навыков логического мышления. В результате абсолютное большинство советских людей испытывало хроническое затруднение не только с относительно непротиворечивым объяснением общественных процессов, но и в целом с соблюдением элементарных норм логики. Относительно благоприятная ситуация с доступностью для советских людей отечественной и мировой литературной классики не могла компенсировать незрелость философии и других социогуманитарных наук как институтов, обеспечивающих систематизированную артикуляцию общественного сознания.

В силу идеологических приоритетов власти в советском обществе издавалось очень мало литературы по философии и социокультурным проблемам. Социогуманитарная литература

в основном издавалась в виде учебников, в ущерб монографическим изданиям. В результате философское образование вело не к развитию культуры мысли, а сводилось к формированию очень упрощенных представлений, получаемых советскими людьми из курсов марксизма-ленинизма. В силу специфики тоталитарного режима в Советском Союзе те, кто имел профессию философа или имел призвание к философии, не могли без санкций со стороны власти заниматься публичными размышлениями о философских вопросах, самостоятельно интерпретировать постулаты марксизма-ленинизма. Диссиденты от философии были или депортированы за пределы Советского Союза, как в случае с «философскими пароходами» в начале двадцатых годов, или, если они не стали апологетами советской философии, подвергались преследованиям. В постсталинский период философы уже не подвергались таким гонениям, но те, кто не разделял постулаты марксизма-ленинизма, были вынуждены обсуждать свои мысли в узком кругу единомышленников. К широкой аудитории могли обращаться лишь официально сертифицированные и внутренне лояльные работники, которые в большинстве своем были преподавателями основ марксизма-ленинизма. Образованная часть советского общества иронично называла их «основщиками», но последние, имея массовый перевес, а также доступ к системе образования, имели возможность более эффективно формировать стиль мышления советских людей. А те, кто не хотел участвовать в распространении крайне идеологизированной версии марксизма-ленинизма, вынуждены были искать свою нишу в истории философии. Им приходилось заниматься в основном комментариями к философской классике, которую, пусть и ограниченно, но регулярно издавали в Советском Союзе. Мыслить по поводу проблем современности и публично рефлексировать о положении советского общества было запрещено, за исключением разрешенных идеологическим отделом ЦК КПСС тем, с регламентированными способами их интерпретаций. И при этом, как уже отмечалось, тираж неучебной литературы по философии был очень ограниченным и, соответственно, малодоступным для широкой общественности. Такое положение с философией и в целом с социогуманитарной мыслью неизбежно негативно сказывалось на

способности советских людей рефлексировать по поводу проблем общества и собственной жизни.

Недостаток философской литературы и идей, как уже отмечалось, образованная часть советского общества пыталась преодолевать за счет художественной литературы. Ответы на экзистенциальные вопросы и способы объяснения окружающей общественной реальности советские люди искали в классике, а с 70–80-х годов среди интеллигенции стала популярна интеллектуальная фантастика. Однако одного литературного образования, лишённого необходимого философского содержания, было явно недостаточно для формирования современного дискурса и выработки у советских людей навыков сложной рефлексии по поводу общества и самих себя.

Итоги развития философии в советском обществе оказались печальными как для нее, так и для страны в целом. Деградация философской и в целом социогуманитарной мысли в советском обществе не могла не оказать своего негативного влияния на общий интеллектуальный уровень страны. Особенно явно это влияние проявилось в массовой неспособности советских людей, в том числе имеющих высшее образование, мыслить по поводу вопросов, связанных с обществом и с самопониманием. Официально разрешенная концептуализация социокультурных проблем на основе исторического материализма, опирающаяся на концепцию базиса и надстройки, не могла обеспечить советских людей эксплицитными объяснительными моделями, и такое положение общественной теории негативно сказывалось не только на социогуманитарных дисциплинах, но и на качестве советской идеологии.

Как следствие состояния общественной теории, доступные советским людям категории были слишком абстрактными и вместе с тем упрощенными. Из-за невозможности эксплицитного применения категорий марксизма-ленинизма для объяснения общественной реальности и самоанализа советские люди выходили из положения с помощью любых доступных эклектических конструкций. Эклектический эссенциализм, массово присущий мышлению советских людей, особенно явно проявился во время перестройки и в постсоветский период. В силу невозможности сложно и комплексно осмысливать общественные проблемы советские люди были склонны к абсолютизации той или иной мод-

ной идеи и такому же скорому отказу от нового увлечения. При этом приступы приверженности и последующие разочарования образовывали неотрефлексированную эклектическую смесь, так как существующие проблемы было невозможно объяснить на основе абсолютизации одной идеи.

Если рассматривать современность с точки зрения концепции Макса Вебера, то для нее характерно возрастание уровня рационализации общества по сравнению с предшествующими традиционными состояниями. В советском обществе мы также могли наблюдать проявление данной тенденции современности. Однако рационализация в советском обществе в основном ограничивалась узкотехническими сферами, не затрагивая общества в целом, так как в условиях господства советской версии фундаментализма было невозможно масштабное развитие современных форм рациональности, выходящих за пределы специализированных видов деятельности. В отношении развития способов мышления применительно к советскому обществу можно сказать, что в нем преимущественно развивались процессы рационализации не по Максиму Веберу, а по Зигмунду Фрейду. То, что в осмыслении общественных процессов и в самопонимании у советских людей преобладала форма мышления, определенная Фрейдом как рационализация, то есть мышление, в котором истинные причины или мотивы остаются неосознанными, было обусловлено несколькими причинами. Прежде всего, трудности с приобщением к рациональности современного типа у советских людей были обусловлены неразвитостью абстрактного мышления и низким уровнем логической культуры в советском обществе. Также советские люди были предрасположены к рационализации в ее фрейдовском смысле в силу своих жизненных условий, при которых ясное осознание некоторых социально-политических причин происходящих общественных процессов и своего участия в них было опасно как политически, так и психологически. Человек, ясно осознающий предпосылки и последствия общественных процессов, происходящих в советском обществе, не мог оставаться лояльным к советской системе. И свою лояльность к советской системе, как условие своей политической безопасности и одновременно сохранения относительно непротиворечивой идентичности, средний советский человек не мог сохранять, не опира-

ясь на рационализацию. Но, признавая компенсаторные функции рационализации, следует помнить, что платой за такую постоянную практику является неспособность мыслить объективно.

Неспособность мыслить рационально, отсутствие способности к более или менее объективному анализу общественных процессов и самих себя были не только приемлемыми, но и необходимыми условиями для воспроизводства тоталитарной системы. Впоследствии такое интеллектуальное наследие оказалось одним из самых трудных препятствий на пути реформирования советского общества. В период, когда требуется умение рефлексировать по поводу общественных проблем и своей идентичности, большинство бывших советских людей обнаруживают свою неспособность к элементарно логически непротиворечивому анализу. Такое состояние присуще не только массам, но и образованным слоям постсоветских обществ. По мнению Александра Пятигорского, даже среди специалистов по зарубежной филологии, истории философии немало тех, кто так и не научился следовать нормам объективной рефлексии [Пятигорский 2007: 55–60].

Состояние философской мысли в советском обществе неизбежно негативно сказывалось на содержании морального дискурса советского общества. Он так же, как и в целом общественный дискурс, состоял больше из призывов, лозунгов и канцеляризмов, чем из сложного словаря, адекватного современным тенденциям. Советский моральный дискурс опирался на теоретические положения, где ключевыми были такие концепты, как «обеспечение всестороннего развития человека», «формирование гармонично развитой личности», опора на «сквозные мировоззренческие программы». На этом языке было невозможно описывать и анализировать моральные проблемы, можно было только вещать и призывать. В результате советские люди, в большинстве своем лишенные религиозных оснований традиционной морали, оказались лишенными и светской версии концептуализации своих моральных проблем, а моральный дискурс, предлагаемый истматом и его подразделом — марксистско-ленинской этикой, был фактически неприменим к реальным жизненным ситуациям.

Особенно ограниченность, если не сказать неприменимость, такого морального дискурса обнаружилась в 70-е годы, когда в советском обществе фактически сформировалась потребительская

идентичность, которая была плохо совместима с официальной ценностной системой, порицающей стремление к комфорту и материальному благополучию. В таких социокультурных условиях большинство советских людей были фактически лишены возможности для более или менее систематизированной моральной рефлексии по поводу своих разнонаправленных жизненных ориентиров. И в результате они все более погружались в стихию потребительства, легитимируя свою жизнь ресурсами повседневного, во многом не только вульгарного, но и циничного морального дискурса, так как официальная философская мысль не могла предоставить им теоретические возможности для конкретизированной интерпретации моральных представлений и ценностей.

Советская стратификация

Во многом проблемы модернизации советского общества были обусловлены трудностями формирования у советских людей современной идентичности. Такое положение дел было обусловлено воздействием различных факторов, в числе которых не последнюю роль играла и советская модель стратификации. В советском обществе сформировалась своеобразная стратификационная система, которая официально состояла из двух классов и одного слоя. Советская идеократия после победы социализма в СССР объявила, что в стране есть главный социальный класс — рабочий и его союзник, второй по значению класс, — колхозное крестьянство. Интеллигенция была лишена классового статуса и определена как социальная прослойка. При этом формально к интеллигенции относились все, кто имел высшее образование, независимо от вида деятельности. Получилось, что членами этой многочисленной прослойки были как учителя, врачи, ученые, так и имеющие высшее образование торговые работники, военные, руководители крупных предприятий и политическая элита. Как видим, социальная группа, которая в других обществах идентифицируется и самоидентифицируется как совершенно различные страты, в советском обществе была помечена одним социальным маркером. При таком положении с определением социальной принадлежности всех, кто имел высшее образование, размывалось фактическое содержание института интеллигенции и проблематизировалась самоидентификация ряда социальных

групп, попадавших под официальное советское определение «интеллигенция». Следует, конечно, учитывать, что в советском обществе была еще одна социальная категория — служащие, ее указывали при заполнении документов, но она не учитывалась в официальной стратификации.

Не менее проблематичным было и положение двух основных классов советского общества. Так, пролетариат, объявленный гегемоном советского общества, не имел политической власти и экономически был зависим от реально правящего класса [Восленский 2005]. Такое положение рабочего класса не могло не осознаваться советским народом, пусть и не в развернутых теоретических формах, но, тем не менее, ни сами рабочие, ни другие группы общества не считали его господствующим классом. Фактически господствующий класс в советском обществе также не мог достичь внятной самоопределенности и легитимности, так как официально он не признавался, а советская власть пыталась замаскировать его в прослойке интеллигенции. Тем самым власть не хотела признавать наличие фактически господствующей группы советского общества — номенклатуры и всемерно стремилась к сокрытию ее существования.

Положение второго официального класса советского общества — колхозного крестьянства также сильно отличалось от официально декларируемого. Данный класс был очень многочисленным, так как, кроме своего прямого членства в нем жителей села, занятых физическим трудом, колхозное крестьянство фактически было широко представлено во всех слоях советского общества. Большинство представителей рабочего класса, интеллигенции, номенклатуры, военных, торговых работников и других социальных групп были крестьянского происхождения в первом или во втором поколении. При такой социодемографической ситуации в советском обществе крестьянство, не обладая политической властью и часто подвергаясь экономической дискриминации, было, по крайней мере, культурно широко представленным сообществом. Выходцы из крестьянства, составляя большинство во всех слоях советского общества, неизбежно не только в первом, но во многом и во втором поколении были носителями сельской культуры. Однако колхозное крестьянство, несмотря на такое широкое представительство во всех сферах советского обще-

ства, не обладало престижным статусом, и одним из самых уничижительных социокультурных маркеров, распространенных среди советских людей, было указание на сельско-колхозное происхождение.

Официально декларируемая и поддерживаемая властью стратификационная система советского общества была далека как от фактической его стратификации, так и от современных мировых тенденций в этой сфере. Но несмотря на особенности советской стратификационной системы в советском обществе в той или иной степени происходили процессы, благодаря которым в нем образовывались социальные страты и, можно сказать, протоклассы современного типа. Обобщенно можно говорить, что современная социальная стратификация возникла на основе отрицания и преодоления сословного деления, присущего традиционным обществам. В результате в современных обществах, несмотря на национальные особенности, возникла стратификация на основе трех социальных классов: высшего, среднего и низшего, которые, в свою очередь, имеют сложную внутреннюю дифференциацию. Одна из особенностей современного общества — феномен среднего класса, который в основном состоит из средних и мелких буржуа, средних и мелких служащих, а также интеллектуалов. С повышением уровня жизни почти во всех современных странах ряды среднего класса пополнили высококвалифицированные рабочие. В советском обществе особенно с 60-х годов также стала оформляться большая и разнородная социальная группа, которая отличалась как от низших, так и от высших слоев. Эту группу, если не называть средним классом, то можно, по крайней мере, назвать протоклассом, обладающим в конкретных общественных условиях определенными атрибутами и функциями средних социальных страт.

Трудности с формированием среднего, да и высшего класса в советском обществе имели не только социально-экономические и политические, но и культурные причины. Последние были обусловлены запретом советской системы публично притязать на формирование особой классовой культуры, отличной от народной. Тем самым средний класс, как и высший, в советском обществе был лишен возможности легитимно развивать свою классовую культуру, а не имея ее, он не мог оформиться в устойчивое

социальное образование и артикулированно формировать общественно признанную идентичность.

Но при всех особенностях советской стратификационной системы, отличавшей ее от аналогичных систем в модернизированных странах, ее нельзя однозначно считать досовременной. Так, следует отметить, что советской стратификационной модели были присущи достаточно эффективные социальные лифты. Благодаря им не только теоретически, но и практически представители низших и средних слоев имели реальные шансы на поступательную социальную мобильность. До конца советской власти в системе пополнения правящего класса номенклатуры всегда была та или иная квота для выходцев из других слоев. Однако постепенно в советской стратификационной системе стало усиливаться тенденция к клановой и корпоративной закрытости. Усиление тенденций к клановой и корпоративной замкнутости советской стратификационной системы нашло отражение в советском фольклоре конца 70-х — начала 80-х годов. В известном советском анекдоте внук генерала спрашивает у своего деда относительно своей будущей военной карьеры. На все его вопросы о поэтапном продвижении вплоть до звания генерала дедушка-генерал отвечает утвердительно. Но когда внук спрашивает его, а будет ли он маршалом, то дед-генерал отвечает ему, что маршалом, к сожалению, он не будет. И на удивленный вопрос внука: «Почему?» — дед ответил: «Потому что у маршала есть свои внуки».

В целом, стратификационная система советского общества достаточно существенно отличалась от аналогичных моделей в современных странах и была глубоко синкретичной. Советская стратификационная система не позволяла социальным группам получить возможность для более четкой дифференциации своих социальных позиций и формировать соответствующие им идентичности. Кроме отсутствия явно выраженных и артикулированных социальных представлений о своей классовой принадлежности, для советских людей было характерно диффузное состояние их культурной идентичности. Такое состояние советской стратификации было проявлением идеологических представлений политического класса, считавшего, что чем меньше дифференциация между социальными группами, тем более такое положение будет

способствовать продвижению страны к ее идеалу — бесклассовому обществу. Хотя советское руководство не смогло и объективно не могло преодолеть политическую и экономическую дифференциацию различных слоев советского общества, однако его политика во многом способствовала нивелированию культурной дифференциации, которая имела место в этом пространстве до революции. Желаемая культурная гомогенность не была достигнута, но культурная дистанция между низшими и высшими слоями существенно сократилась.

Сохранение многих черт досовременного общества в советском обществе проявлялось и в его стратификации. Так, от советских людей при заполнении документов требовалось указание их социального положения. Хотя такое подтверждение социального положения не влекло за собой принуждений по их постоянному прикреплению к ним, тем не менее наличие такого требования является свидетельством приверженности советского руководства к логике сословного общества.

Кризис советской системы

Советская система была эффективной, пока она могла сочетать принуждение и одновременно позитивное мотивирование своих членов, однако начиная с 60-х годов ее базовые институты — власть и идеология — стали давать сбои, а возможности их компенсации через экономическое стимулирование были ограниченными. Власть уже не могла прибегать к массовым репрессиям, так как политическая элита сама устала от непредсказуемости работы репрессивных институтов. Репрессии стали ограниченными и применялись в случае конкретных прегрешений против советской власти. В целом, советская власть отказалась от того объема принуждения, который она использовала до начала 50-х годов. Конечно, она отказалась от масштабного принуждения не из-за гуманистических соображений, а из-за истощения ресурсов репрессий. Но, тем не менее, те, кто был равнодушен к советским ценностям или даже в отдельных случаях настроен против них, но не выражали это открыто, получили возможность для определенного автономного существования и могли, если не исключить, то, по крайней мере, существенно сократить прямые регулярные

взаимодействия с советской идеократией. И такая жизнь нередко была, по советским меркам, вполне комфортной.

После ослабления жесткого контроля, который система уже не могла далее поддерживать, лояльность режиму власть стремилась укрепить через повышение уровня жизни советских людей. Однако, объявив всемерное повышение благосостояния советских людей главной целью советского общества, власть не решила свои задачи, а лишь заложила основу для будущего подрыва советской системы.

Разрушительный характер этой официальной цели советского общества был двойственным. С одной стороны, она регулярно расходилась с результатами советской экономики, хотя если рассматривать динамику уровня жизни, то она была положительной, особенно в 70-е годы, когда высокие цены на нефть позволили советскому государству повысить уровень доходов советских людей. Но в целом родовый недостаток командной экономики в виде дефицита постоянно преследовал советскую систему [Корнаи 1990]. Тем самым в жизни советских людей всегда присутствовал когнитивный диссонанс, так как примирить официальную риторику о неуклонном росте уровня жизни советских людей с регулярным дефицитом самых массовых товаров было крайне затруднительно. Второй аспект разрушительного воздействия этой официальной ценности, ориентирующей людей на рост благосостояния, был связан с трудностями примирения массовых потребительских установок в советском обществе с идеалами служения системе. Ведь тоталитарная система и в 60–80-е годы, пусть и в смягченном варианте, нуждалась не в подданных, ориентированных на потребление, а в подданных, ориентированных на служение. Но начиная с 60-х годов ориентация советских людей на потребление и на радости жизни все более побеждала ориентацию на служение системе. Признав за советскими людьми право на потребительские радости и даже объявив своей главной целью постоянное повышение благосостояния народа, советская власть не только не достигла данной цели, но и способствовала массовому росту недовольства раздраженных потребителей, очень часто не имевших возможности удовлетворять свои не только все более возрастающие, но и самые простые потребности.

Потребительские установки, ставшие массовыми в 60-е годы и господствующие в системе ценностей советских людей в 70-е, возникли не вдруг, а имели свои предпосылки уже в 30-е годы. В какой-то степени невозможность победить потребительские установки советских людей и признание их законности мы наблюдаем уже в 20-е годы, когда советское государство вынуждено было вести новую экономическую политику, которая позволила накормить страну и дала импульс развитию многих отраслей экономики. Даже во времена мобилизационного рывка и в годы «большого террора» советское государство не могло полностью игнорировать материальные потребности советских людей. По мнению некоторых специалистов, наряду с развертыванием механизмов прямого принуждения и идеологического воздействия, советская система пошла на сделку, на компромисс со своими подданными. В. Данхэм определила такую политику советского государства как «большую сделку» [Dunham 1990]. В контексте такой политики, которую можно рассматривать как уступку потребительским установкам советских людей, стала развиваться инфраструктура потребления, способы формирования нового советского вкуса в потреблении товаров [Волков 1996], [Андреева 2009].

Постепенное ослабление советской власти выражалось и в том, что неуклонно происходило расхождение между официальными и неофициальными нормами советского общества. Это расхождение вело к тому, что возможность соблюдать официальные нормы и принуждение к их соблюдению неуклонно слабели и они замещались неформальными нормами, более эффективно регулирующими отношения советских людей. Усиление неформальных норм в жизни советских людей, их значение для них и для воспроизводства общественной системы было зафиксировано в народной максиме «Блат выше наркома». Примеров тому, что действительно блат был выше официальных норм, огромное множество. Репрезентативным для советского общества 70–80-х годов является случай приобретения билета на самолет, описанный известным режиссером Георгием Данелия. В своих мемуарах он вспоминает, что ему надо было срочно вылететь из Тбилиси в Москву. Но так как в свободной продаже билетов на самолет не было, то он обратился к своей тете, которая была народной ар-

тисткой Грузинской ССР. Она в свою очередь обратилась к министру авиации республики. Министр, отметив, что для него честь помочь такой уважаемой народной артистке, пообещал решить эту проблему. Но затем он перезвонил и сконфуженно сказал, что на сегодня билетов нет. Можно на любой другой день, но только не на сегодня. Так как Данелия необходимо было попасть в Москву именно в тот день, он был вынужден обратиться к брату своего друга, который был секретарем по идеологии Центрального Комитета Компартии республики. Позвонив ему, он пожаловался, что не может купить билет и посетовал на то, что министр авиации не смог ему помочь. На что один из крупнейших партийных боссов республики заявил, что министерство есть министерство, а ЦК есть ЦК. И пообещал, что с билетом проблем не будет. Но через некоторое время он перезвонил и также сконфуженно признался, что может помочь с билетом на любой день, но только не на сегодня, отметив, что сегодня какой-то особенный день и билетов нет вообще. Тогда Георгий Данелия решил пойти к авиакассам в надежде, что кто-нибудь может сдать билет. У авиакасс режиссер встретил друга детства, местного фарцовщика Вову. Когда он пожаловался Вове, что не может купить билет на Москву, тот ответил, что это не проблема, и при этом уточнил — «сколько ему нужно билетов»? В результате проблему, которую Данелия не мог решить ни с помощью министра, ни через функционера высшего звена власти на уровне союзной республики, он решил благодаря советскому неформалу — фарцовщику Вове [Данелия 2005: 28–30]. Этот случай является не единичным фактом, сильно отличавшимся от сложившихся норм, которым советские люди массово следовали уже в 70–80-е годы. Такое массовое замещение официальных норм неофициальными в советском обществе является одновременно и потерей контроля со стороны власти над своими ресурсами и возможностью неофициально ими распоряжаться не только отдельными людьми, но и социальными группами.

Советская система к 70-м годам не только стала терять контроль над обществом, но и из-за состояния идеологии кризис советских институтов усугублялся постепенной, но неуклонной потерей их легитимности [Гэллнер 2004], [Коллинз 2015], [Юрчак 2015]. Упрощенный характер советской идеологии, который

в революционные годы и в период становления советской системы был эффективным ресурсом, после вступления советского общества в период более сложного этапа своего развития постепенно стал одним из его деструктивных факторов. Из-за упрощенности своих доктринальных основ и малообразованности кадров институт идеологии не имел возможности для эффективной экспликации своих постулатов в соответствии с изменениями, происходящими в советском обществе. Постоянный повтор одних и тех же идеологических формул без их адаптации к изменившемуся обществу приводил к отторжению советских идеологем не только образованной частью общества, но и его основной массой. Слова Владимира Маяковского о советском агитпроме «Мне агитпром в зубах навяз» в 70–80 годы отражали отношение большинства советских людей к советской пропаганде, и они нередко выражали их другими словами. Стилистика и содержание деятельности советских агитпромовцев приводили к фактическому извращению идеалов и ценностей, которые они должны были прививать советским людям. Как следствие такого уровня советского агитпрома, ее деятельность с 70-х годов вместо укрепления советских ценностей все больше являлась одним из способов их разрушения, так как чрезмерная и примитивная пропаганда очень часто приводила к обратному эффекту.

Очень упрощенные, крайне схематичные социальные характеры и типы людей с таким же схематичным набором поведения, предлагаемым советским общественным дискурсом, в 70–80-е годы также уже не могли служить эффективными прототипами для более образованной части советских людей, для удовлетворения их потребностей в формировании современной идентичности. Предлагаемые советской идеократией прототипы и образ жизни были, как правило, основаны на романтизации прошлого. При этом в романтизации прошлого преобладали военные мотивы, связанные с гражданской и Великой Отечественной войнами. Советской идеократии до конца своего существования так и не удалось создать жизнеспособные прототипы и модели жизни, основанные на современных представлениях и нормах, и в результате такого положения агитпрому приходилось преимущественно эксплуатировать идеалы и нормы прошлого. Несмотря на то, что советская идеократия постоянно подчеркивала не только свою

современность, но и то, что от нее решающим образом зависит будущее всего мира, тем не менее она всегда была больше во власти прошлого, чем будущего. Советский агитпром торжественно провозглашал лозунг «Время, вперед!», но он не мог эксплицировать свои официально декларируемые временные ориентации и поэтому для поддержания советской идентичности вынужден был больше опираться на более эксплицитное прошлое, чем на нарративы о настоящем и будущем.

Как следствие, в 70–80-е годы большинство советских людей, если не прямо отвергало схематичные типажи советской антропологии, то, по крайней мере, относилось к ним или иронично, или цинично. Ироничные установки, стеб по отношению к продукции советского агитпрома стали все более популярными среди образованных слоев советского общества. Но стеб из-за своего теоретического уровня не мог стать основой альтернативного общественного дискурса. Малообразованные слои, для которых было характерно преобладание простых материальных запросов, более прямолинейно и более цинично отвергали официальные типажи, предлагаемые советским агитпромом. Но при этом как более образованные, так и менее образованные слои советского общества не имели отрефлексированных концепций, альтернативных официальной советской общественной теории. Сознание советских людей представляло собой крайне синкретический феномен, где, наряду с отрицанием и недовольством, присутствовало и принятие многих идеологем советского общества. Для формирования альтернативных представлений и их концептуального оформления в советском обществе отсутствовали достаточные когнитивные предпосылки и сообщества, способные к созданию таких предпосылок.

В советское время такое положение дел с социокультурной рефлексией связывали с политическими запретами на критический анализ советской системы, но отмена этих запретов во время перестройки и в постсоветский период не привела к созданию и утверждению современных концепций общественного развития. Выяснилось, что основные причины неразвитости социальной теории имели теоретические, а не политические причины. Характеризуя уровень общественной теоретической мысли, писатель Саша Соколов вспоминал, что когда в кругу недовольных

советской властью молодых людей происходили разговоры о правах человека, то они никогда не достигали уровня систематизированной теории. Эти разговоры протекали в спорадическо-фрагментарной форме и не переходили на стадию развернутого понятийного анализа [Соколов 2009: 542]. Американский антрополог Нэнси Рис в своем исследовании речевого общения советских людей приходит к выводу, что они, как правило, не позволяли прийти к отрефлексированным выводам, и их структура приводила к одним и тем же литаниям и бездейственному недовольству [Рис 2005]. Известный журналист Владимир Яковлев также считает, что как в советской, так и в постсоветской России не сложилась социальная теория, позволяющая концептуально анализировать общественные процессы. Вспоминая своих родителей, он отмечает, что они очень много спорили о происходящем в обществе, но эти разговоры не были основаны на отрефлексированной теории и не могли привести участников к каким-то обоснованным и обобщенным выводам. Вернувшись в современную Россию после долгого отсутствия, он также не обнаружил в публичном дискурсе какого-либо теоретического продвижения. С выводами писателя Саши Соколова и журналиста Владимира Яковлева совпадает мнение известных российских ученых Алексея Салмина и Людмилы Шевцовой. Салмин считает, что постсоветская политическая наука не смогла создать современную теорию, позволяющую объективно анализировать происходящие на постсоветском пространстве процессы [Салмин 2010: 266–267]. Людмила Шевцова, анализируя, почему в свое время Горбачев не опирался на знания экспертов в вопросах реформирования советского общества, приходит к выводу, что он и не мог при всем желании опираться на них, так как они фактически отсутствовали. Были лишь отдельные интересные фигуры, но не было научного сообщества, которое устойчиво и системно генерировало бы современные концепции общественного развития. Одним из факторов более успешного реформирования некоторых восточноевропейских стран Шевцова считает появление в этих странах еще в период социализма экспертов по общественному развитию, интегрированных с мировыми научными тенденциями в этой сфере [Шевцова 2005: 350]. Эти выводы о состоянии общественной теории можно распространить почти на все постсовет-

ские страны, причем ситуация с развитием современной социальной теории во многих из них еще хуже.

В 70–80-е годы Советский Союз стал проигрывать своим конкурентам не только из-за экономических проблем. В последние десятилетия его существования базовые идеалы общества были предметом постоянных насмешек, а такие символические слова, как «коммунизм» и «патриотизм» советские люди произносили в основном в ироничном контексте. Советский фольклор создал массу анекдотов о советской системе и образе жизни. В них отразилось и противопоставление негативного положения Советского Союза достижениям Запада. Если Запад в периоды жесткой закрытости казался для упрощенного советского сознания носителем всего негативного, то, начиная с 70-х, он обрел преимущественно позитивный, в чем-то даже идеализированный образ, а образ советского общества стал символом в основном некачественного, плохого, негативного. Репрезентативным для понимания отношения советских людей к Западу является приведенное Довлатовым ироничное высказывание Иосифа Бродского: «Долго я не верил, что на английском можно сказать глупость» [Довлатов 1993]. Значительной части советских людей казалось, что все негативное и глупое является советским, а все умное и хорошее там, на Западе. Прозападные представления и установки значительной части позднего советского общества и механизм их формирования точно выразила группа «Наутилус Помпилиус» в своей песне «Гуд бай, Америка»: «Нас так долго учили любить твои запретные плоды».

Примитивная критика Запада, массово тиражируемая советским агитпромом, с одновременным примитивным восхвалением советской системы имели следствием формирование больше антисоветских настроений, чем антизападных, и поэтому трудно согласиться с авторами, считающими, что агитпром был самым эффективным институтом советской системы [Добренко 2007]. Агитпром был более или менее эффективным до 70-х, а с этого периода его продукция уже стала предметом массовых насмешек. Да и в более ранние периоды его эффективность была во многом обусловлена отсутствием в советском обществе идеологических альтернатив, в сочетании с жестким силовым принуждением людей к согласию с официальными идеями. А последние два десяти-

летия советской системы агитпром из-за своей примитивности фактически «учил» советских людей, особенно молодежь, любить западное и презирать советское.

Под влиянием всех названных выше факторов уже в 70–80-е годы у значительной части советских людей стали формироваться все более критические установки по отношению к окружающей общественной действительности. Апогея эти критические мнения и настроения достигли в период поздней перестройки. В оценке изменений отношения советских людей к советской системе более точным будут именно понятия «мнения» и «настроения», чем понятие «представления». Абсолютное большинство советских людей не имели возможности создавать артикулированные представления об обществе и о самих себе, поэтому чаще всего находились под властью спутанных взглядов и переменчивых настроений. В структуре настроений советских людей за последние десятилетия преобладало раздражение, оно могло сменяться кратковременной эйфорией, как в годы перестройки, но затем опять возвращалось. О большинстве советских людей можно сказать, что они были в свое время раздражены на советскую власть и на советские реалии, как сейчас они раздражены на постсоветские реалии. Живя в состоянии перманентного раздражения по отношению к окружающему миру и населяющим этот мир персонажам, такие люди не раздражены только собой.

Эрозия советских ценностей происходила не только под влиянием их расхождений с реальностью и примитивной работой советского агитпрома. В советское общество, особенно шестидесятых годов, стали проникать не только идеи, но и образцы, символизирующие другой образ жизни. Прежде всего, это элементы западного стиля, которые транслировали быстро увеличивающаяся группа, которую в советском дискурсе определяли как «стиляги». Если в сталинский период влияние западной потребительской культуры было ограничено высшей номенклатурой, то с конца 50-х — начала 60-х годов благодаря «стилягам» фрагменты западного стиля стали тиражироваться более массово. Я согласен с авторами, считающими, что именно стильяги в большей степени подорвали советскую идеологию, советские ценности, чем диссиденты, потому что диссидентов было очень мало, а стильяги были почти в каждом уголке Советского Союза. Большая роль «сти-

ляг» как проводников определенного стиля и ценностей в том, что, несмотря на борьбу с ними официальной власти, через некоторое время их стиль победил, так как большинство советских людей впоследствии стали приверженцами западной потребительской культуры.

В этой связи следует отметить и неизбежную эволюцию феномена стилияг. Хотя стилияги внесли очень существенный вклад в размывание и разрушение советских ценностей, тем не менее они сами оказались не торжествующими победителями, сумевшими сохранить свою стилистическую чистоту. Советское общество, испытав влияние со стороны стилияг, поглотило их, так как образовалась огромная масса людей, желающих следовать западному стилю. Но если небольшая группа еще могла воспроизводить хотя бы внешне этот стиль, то основная часть советских людей довольствовалась фрагментами того, что на советском языке называлось «фирма», обеспечивающая определенное осовременивание базового советского стиля. Основными репрезентациями этого стиля были джинсы, различные майки, даже пустые коробки сигарет и бутылки западного производства, а также по возможности радио- и телеаппаратура. Так как они были труднодоступны, то для большинства советских людей их устойчивое системное приобретение было невозможным, и поэтому элементы «фирмы» были лишь вкраплениями в советскую культуру потребления. Но обладание фрагментами того, что называлось «фирмой», было очень престижным и служило важнейшим идентификатором как для самого человека, так и для окружающих.

Под воздействием западной потребительской культуры в 70–80-е годы в советском обществе сформировался негласный консенсус: западные вещи лучше советских аналогов, а на его основе представление, что в целом западное лучше советского. В итоге, советские люди постепенно и массово дрейфовали к западным ценностям и символам, все больше теряя лояльность к советским. При противостоянии двух ценностных систем на уровне стиля явно определились преимущества западного, и при каждой возможности советские люди отдавали предпочтение именно западным вещам и западному стилю. Благодаря своим технологическим достижениям с 70-х годов все большую популярность у советских людей завоевывала и Япония. Это признание страны Восходяще-

го солнца, как одного из технологических и экономических лидеров современного мира, также не способствовало укреплению легитимности советской системы.

Примитивная работа советского агитпрома, очень упрощенно критиковавшего западное общество, а также стилистическое поражение советской системы приводили к тому, что в глазах большинства советских людей Запад обладал особой притягательностью. Сам выезд за рубеж, особенно в капиталистические страны, был для советских людей практически недоступен и воспринимался ими как редкая удача и даже особо ценная награда. И это было самым очевидным свидетельством идеологического и, в целом, символического поражения советской системы.

Кризис советской системы был во многом связан и с тем, что ей не удалось ни сохранить традиционную, ни создать взамен нее современную трудовую этику и трудовые ценности. Советские люди уже в 70-е годы в массе своей стали пренебрежительно относиться к трудовым ценностям, что также нашло отражение в народном творчестве. Появилось множество шуток и ироничных высказываний о труде и трудовой мотивации. При всех усилиях советской власти отношение большинства советских людей к этим ценностям было достаточно амбивалентным. Так, несмотря на все усилия по пропаганде ценности труда, советские люди нередко старались отлынивать от своих обязательств и на призывы официальной пропаганды отвечали различными анекдотами и ироничными присказками. Например, «Работа не волк — в лес не убежит», «Пусть папа Карло пашет», «Лучше быть стройным тунейцем, чем горбатым ударником», «Одну руку вложил в другую и так сделал несколько стахановских движений» [Венедикт Ерофеев 1995]. Такие расхождения между официальной пропагандой и состоянием трудовых ценностей и, соответственно, мотиваций были неизбежны из-за противоречивого характера советской системы. Советский агитпром прославлял труд, но преобладающие в советском обществе установки на вал, а не на качество, постоянно сопровождающие советское производство авралы, приписки неизбежно подрывали официальные призывы к качеству труда и формировали совсем другие установки. Нельзя утверждать, что отсутствие высокой трудовой мотивации и про-

фессионализма является обязательным атрибутом советской системы, но они не были редкостью для советского общества.

Официально декларируемое уважение к труду было трудно поддерживать, тем более укоренять и из-за фактического положения простых работников в советском обществе. Они уступали по своему социальному статусу как партийным, так и любым другим руководящим работникам, а в неофициальной народной стратификации 70–80-х годов и так называемым «деловым людям», которые стали достаточно массово появляться в это время в советском обществе. Все это можно считать еще одним проявлением синкретизма советской системы, которая декларировала и действительно стремилась утвердить ценность труда, но ее политика и институциональная структура противоречили ее стремлениям утвердить уважение к труду как базовой установке советского общества.

Низкая трудовая мотивация, антипрофессионализм еще больше распространились в постсоветский период, но прежде чем говорить о депрофессионализации, следует более внимательно рассмотреть ситуацию с состоянием феномена профессионализма в советском обществе. Надо признать, что советская система стремилась к воспитанию у советских людей приверженности к ценностям профессионализма и достигла в этом деле определенных успехов. Почти в каждой сфере советского общества было немалое число преданных своему делу работников, немало было и профессионалов, вполне конкурентоспособных на международном уровне. Но при всех этих достижениях профессионализм, как и образованность, не смогли превратиться в устойчивую ценностно-нормативную систему, глубоко укорененную и культурно господствующую в советском обществе. Данный вывод подтверждается анализом любого, достигшего высокого уровня развития и глубоко укорененного в традиции института. Такому институту присуща сильная инерция и способность к устойчивому самовоспроизводству. А если в постсоветский период ценности профессионализма и образованности так быстро потеряли свое значение, то тогда оказываются необоснованными и распространенными оценки о высоком уровне их развития в советском обществе.

Итоги советской модернизации неоднозначны. За годы советской власти достигнуты значительные успехи в развитии промышленности, науки и образования. Но, в целом, несмотря на такие достижения, Советский Союз не сумел завершить модернизацию и войти в сообщество современных стран. Вследствие социокультурных и политических причин современные институты в советском обществе не имели возможности развиваться как автономные образования. Из-за отсутствия или ограниченного объема современных социокультурных когний новые институты представляли собой симбиоз современных технических функций и традиционных норм. В результате доминирующего положения дискурсивных практик, отвергавших современную социокультурную дифференциацию, в большинстве случаев идентичности и габитусы социальных деятелей в рамках современных институтов оставались преимущественно досовременными. В таких социокультурных условиях не мог возникнуть комплекс современных институтов, и советская институциональная система неизбежно была фрагментарной, но в основе своей традиционно-иерархической.

2.6. Проблема модернизации постсоветских обществ

Постсоветские страны подошли к очередной своей попытке модернизации с неоднозначными результатами и ресурсами. Я уже отмечал, что за годы советской власти была создана достаточно развитая промышленная система, достигнута всеобщая грамотность, а также были успехи мирового уровня в научно-техническом развитии. Данные достижения советского периода и сейчас сохраняют свое значение, так как они во многом все еще остаются экономической и научно-технической основой постсоветских обществ. Но в целом советская система и страны, которые также в той или иной степени воспроизводили советскую модель развития, шли по пути блокирования дифференциации институтов как основного социокультурного способа модернизации и, соответственно, были обречены на неудачу. Советская модернизация — это модернизация мобилизационного типа, которая пыталась использовать передовые для того времени научно-технические достижения для своего развития, но при этом консервировала и даже усилила запрет на автономию институтов, характерную для современных обществ. Попытка реализации такой модели модернизации завершилась неудачей, что привело не только к краху СССР, но и всей социалистической системы.

Постсоветские страны при новой попытке модернизации должны на данном историческом этапе преодолевать те негативные факторы, которые, в свое время, не позволили обеспечить вхождение Советского Союза в число современных стран. Среди этих негативных факторов я бы назвал главным — отсутствие достаточных социокультурных предпосылок для создания полицентрической институциональной структуры. В советское время ее создание было невозможным не только из-за недостатка социокультурных ресурсов, но и из-за политического запрета на развитие плюралистических тенденций. В постсоветский период, когда в большинстве бывших советских республик таких запретов нет, обнаружилось, что необходимость создания современных институтов и их полицентрической структуры затрудняется и даже блокируется недостаточностью социокультурных ресурсов, среди которых наиболее сложным и труднопреодолимым является фор-

мирование современного общественного дискурса. Истоки затруднений с формированием современного дискурса неизбежно обусловлены сохранением влияния советской эпистемологической традиции в постсоветских обществах. Конечно, за период постсоветского развития после снятия политических запретов сложилась и более благоприятная ситуация для развития современного социогуманитарного знания. Благодаря открывшимся возможностям появились не только отдельные специалисты, работы которых соответствуют современным мировым стандартам, но и научные центры и периодические издания. Однако несмотря на все изменения в целом социогуманитарное знание и образование все еще остаются по своей логике традиционно советским, чем современным. Оказалось, что открытие границ и отмена запрета на приобщение к современным тенденциям в мировой социокультурной теории недостаточны для изменения дискурса, укорененного на постсоветском пространстве.

Существуют различные концепции, объясняющие провал в сфере социогуманитарных дисциплин и в целом общественной мысли в советском обществе, а также его неизбежно негативные последствия для осмысления процессов постсоветского развития. Разброс концепций находится в диапазоне от невозможности до нежелания. Так, Стефан Хедлунд считает, что в постсоветский период, кроме всего прочего, обнаружилось всеобщее нежелание осмысливать происходящие масштабные изменения [Хедлунд 2015: 134]. На мой взгляд, возможность осмысления предпосылок и последствий постсоветских изменений зависит не от желания или нежелания, а от наличия или отсутствия интеллектуальных ресурсов, позволяющих объяснить эти процессы. В постсоветских обществах, после длительного периода господства редуционистских концепций, за такое короткое время не могла сформироваться сложная социокультурная теория. И в этом смысле более точным для оценки состояния и возможностей социогуманитарных дисциплин постсоветских обществ будет перефразированное высказывание самого Хедлунда по поводу концепции Карла Маркса. По его мнению, этому великому гению было нечего сказать об обществе, которое возникнет после краха капитализма. Действительно, Маркс не оставил нам ничего конкретного о посткапиталистическом развитии, кроме того, что оно должно

быть связано с движением к коммунизму. В мою задачу не входит подробный анализ марксистской теории и в том числе ее упущений по поводу посткапиталистического развития, но это высказывание Хедлунда уместно перефразировать в связи с состоянием постсоветской общественной мысли, которой пока почти нечего сказать о постсоветском развитии. Выше я уже приводил такую точку зрения ряда известных специалистов. Среди других авторов, аргументированно проанализировавших состояние постсоветского социокультурного дискурса, я бы особо выделил Сергея Ушакина [Ушакин 2009]. По его мнению, постсоветский социокультурный дискурс не только не дает возможности для сложного осмысления происходящих на данном пространстве процессов, но фактически в этом деле он является когнитивным барьером. Среди работ, где рассматривалось состояние постсоветских социально-политических дисциплин, своей обоснованностью также выделяются: [Социальные науки в постсоветской России 2005], [Розов 2007], [Салмин 2010].

Вследствие того, что в постсоветском обществе отсутствуют достаточные когнитивные ресурсы для формирования новой сложной теории общества, неизбежную популярность приобретают редукционистские тезисы. Для постсоветского редукционизма характерно стремление или к упрощенной деконструкции, или апологии существующего общественного порядка. Рассмотрим первую версию постсоветского редукционизма. Для критической версии редукционистской логики основой решения всех проблем является деконструкция существующего государства. При этом такая деконструкция фактически сводится к его упрощенному отрицанию, так как она не в состоянии сформировать новую концепцию реальности и разработать практические технологии по ее изменению.

Популярность идеи деконструкции среди постсоветских экспертов в рамках упрощенного социокультурного контекста неизбежно отличается от версии ее основателя Жака Дерриды. Французский мыслитель, разработавший деконструкцию как способ критического переосмысления традиции логоцентризма, считал, что деконструкция является не противопоставлением логоцентризму, а очень сложной формой рефлексии, в рамках которой переосмысление логоцентризма не приводит к отрицанию данно-

го исторического феномена, а фактически его расширяет. Отказываясь от жесткого определения деконструкции, Деррида подчеркивал, что она не является методом, а представляет собой определенную когнитивную установку. По его мнению, деконструкция является совокупностью очень сложных интеллектуальных стратегий, где доминируют не негативные установки, а позитивные [Деррида 2000]. В одном из своих пояснений феномена деконструкции Деррида, подчеркивая, что деконструкция не противостоит логоцентризму, согласился с уточнением коллеги, что ее можно определить и как «изощенный логоцентризм» [Деррида 1993]. Такое понимание деконструкции есть следствие очень сложной культурной традиции, и в данном культурном контексте она не привела и не могла привести к упрощенному отрицанию когнитивных норм и практик. Напротив, деконструкция способствовала более глубокому и более тонкому, более изощенному осмыслению социокультурных предпосылок современности и дала новый теоретический импульс той традиции, в рамках которой она возникла. Большинство же постсоветских сторонников деконструкции, из-за своих эпистемологических предпосылок, неизбежно интерпретировали ее в упрощенном и негативном аспекте. Дуалистическая культура, характерная для советского и постсоветского экспертного сообщества, не могла способствовать формированию сложных форм понимания, в том числе в отношении феномена деконструкции. И в упрощенном эпистемологическом контексте идея деконструкции могла стать популярной лишь в ее крайне редуцированной версии. У такой версии есть свои плюсы, прежде всего, обеспечение когнитивным комфортом ее носителей. Но за такой комфорт надо расплачиваться как теоретически, так и практически. Теоретически — невозможностью создать более комплексное понимание реальности и самих себя, а практически — тем, что отрицаемая реальность, включая ее политическую часть, вследствие такой упрощенной деконструкции после непродолжительного периода ослабления вновь возрождается и становится традиционным контекстом существования наших «деконструктивистов».

Когда носители дуалистической логики, поверхностно ознакомившись с идеей деконструкции, решают применить ее к анализу окружающей реальности, и, в частности, к государству, то

они руководствуются следующим пониманием: «Как нам изменить такое негативное явление, как существующий тип государства?». Исходя из этой прогрессивной, на их взгляд, задачи, постсоветские деконструктивисты находят в мировой истории необходимые примеры для подражания и объявляют о необходимости их внедрения в окружающее пространство. Под воздействием своих редуцированных сравнений они приходят к выводу о необходимости «переучреждения государства» или необходимости «порвать с традицией» [Аузан 2007], [Иноземцев 2007]. Переучреждение государства постсоветские деконструктивисты понимают как замену политических институтов, не отвечающих целям современного развития, на институты, которые им отвечают. Они считают, что их можно целенаправленно изменить за счет изменения правил игры, под которыми они понимают изменение юридических законов. К такому выводу приходит большинство постсоветских деконструктивистов, так как они лишены понимания, что государство есть феномен, который сформировался на основе политических способностей своих членов. Хотя об этом говорил еще Платон, предостерегая от понимания государственного устройства как чего-то случайного, а не как следствия доминирующих в обществе нравов [Платон 2015: 910]. Однако никакие предостережения ни мыслителей прошлого, ни современных специалистов не могут убедить носителей упрощенного сознания, что негативная общественно-политическая реальность, которую они хотят изменить, не изменится без изменения общественного сознания и нравов, без изменения коллективных навыков и способностей.

Другая распространенная версия редукционизма — апология существующего или предшествующего политического порядка, объяснение их проблем через выявление личностных просчетов и недостатков политических лидеров, а также через конспирологическую аргументацию. Научная значимость таких концепций очень сомнительна, но они представляют ценность не только для масс, но и для значительной части постсоветских специалистов по социально-политическим дисциплинам.

Причины такого теоретического положения кроются как в истории, так и в тенденциях, возобладавших в постсоветский период [Либеральные реформы и культура 2003], [Куда ведет кри-

зис культуры? 2011]. Если обратиться к историческим предпосылкам, то выше уже неоднократно отмечалось, что, несмотря на достаточно высокий уровень естественнонаучного и технического образования в СССР, советскому обществу не удалось достичь стандартов образования развитых стран. Об уровне социогуманитарного образования можно судить и по тому, что косноязычный и алогичный выпускник вуза был распространенным явлением в советском обществе. В постсоветский период символы и нормы малообразованных слоев нашли еще большее распространение среди тех, кто по своим формальным признакам относится к образованным слоям [Яковенко 2009], [Гудков 2004], [Дубин 2011], [Гудков, Дубин 2009]. Приверженность к простонародному языку и культурным нормам широко распространена среди элиты. Подтверждений такого габитуса и словаря, к сожалению, очень много, и для конкретизации приведем несколько примеров, которые, на мой взгляд, являются репрезентативными. Так, в недавно вышедшей книге «Революция Гайдара» приводятся беседы его соратников, которые входили и ныне все еще входят в политическую и экономическую элиту России. Знакомство с дискурсом постсоветских «нотаблей» заставляет прийти к выводу, что они, несмотря на свои очень высокие политические и экономические статусы, остаются выходцами из простонародной культуры. Постсоветские «нотабли» обсуждают важнейшие общественные проблемы, опираясь на упрощенный, в основе своей, простонародный дискурс. Они определяют себя как «мужиков» и «ребят», называют друг друга уменьшительно-ласкательными именами: Петя, Толя, Коля [Революция Гайдара, 2015]. Очень показательными являются название сборника и стиль бесед известного журналиста Игоря Свиначенко с представителями российской элиты, среди которых немало вышеназванных «нотаблей». Свой сборник бесед с представителями элиты российского общества Свиначенко назвал «Сильно умные» [Свиначенко 2002]. Невозможно представить применимость этого выражения, отражающего иронично-агрессивное отношение малообразованных людей к образованным, в названии сборника интервью с представителями элиты любой современной страны. Да и во многих других странах, не достигших уровня образованности современных стран, вряд ли такое выражение является популярным и легитимным среди эли-

ты. Но для большинства представителей постсоветской элиты, социализированных на основе простых дискурсивных практик, такая стилистика является нормой.

Такие же примеры, свидетельствующие о доминировании культуры низших слоев в социальных группах, относящихся к элите и средним слоям, являются характерными для большинства постсоветских обществ, в том числе и для казахстанского. Доминирующая редукционистская логика ведет к формированию очень простых представлений, которые, как свидетельствует история, являются более существенным препятствием для модернизации, чем прямые политические запреты.

Упрощенная логика, присущая постсоветским людям, наиболее концентрированно проявляется у представителей общественности, выступающей за радикальные реформы. Их отличают практически не поддающиеся эволюции, слишком простые представления о недостатках той негативной общественной реальности, которую они хотели бы преодолеть, и о социально-политической системе, к которой они хотели бы прийти. Теоретический уровень такого общественного сознания очень хорошо иллюстрирует следующий советский анекдот. Органы задерживают диссидента, который ночью расклеивает листовки. Однако после задержания диссидента и изъятия у него листовок выяснилось, что там ничего не написано. На вопрос «Почему там ничего не написано?» диссидент отвечает: «Зачем писать, ведь и так все ясно». Данный анекдот очень хорошо раскрывает состояние общественного сознания большинства советских диссидентов и его постсоветских наследников. Они, к сожалению, слишком поспешно пришли к ясности по поводу существующего положения в обществе и по поводу ее альтернативы. К такой двойной ясности они приходили, минуя все опосредования, и в результате своей непосредственности воспринимали существующий порядок и его альтернативу в крайне упрощенно лозунговой форме. В дальнейшем в период перестройки такая ясность, характерная для диссидентов, приобрела массовую популярность среди советского народа. Почти всем вдруг стало ясно, что «Так жить нельзя!». Но предпосылки такого вывода понимались крайне упрощенно, что приводило и к столь же редукционистскому пониманию альтернативных общественных идеалов. Стремление к такой ясности в отношении

существующего положения дел и перемен неизбежно завершалось неприятными сюрпризами. Новое почему-то не наступало, а старое не отпускало. А господствующая общественная логика с ее стремлением к крайне упрощенной ясности начала искать объяснение в абсолютизации различных конспирологических теорий.

Постсоветские реформы блокируются во многом также из-за такого масштабного и глубоко укорененного феномена, как массовый инфантилизм советских людей [Левада 2000], [Левада 2016], [Сикевиц, Крокинская, Поссель 2005]. Инфантилизм советских людей проявлялся во многих сферах и, прежде всего, в их представлениях, что в происходящих проблемах ответственной является только власть, а не сами люди. Такие представления и основанные на них установки приводили к тому, что к регулярно осуждаемой и отрицаемой власти выдвигались не только требования улучшить повседневную жизнь советских и впоследствии постсоветских людей. Власть должна была, кроме этого, обеспечить необходимые перемены в жизни этих людей и в обществе в целом. Установки советских людей в отношении перемен, которые, на мой взгляд, до сих пор сохранились у большинства постсоветских людей, концентрированно выразил один из кумиров конца 80-х годов XX столетия Виктор Цой. В своей культовой песне он требовал: «Перемен требуют наши сердца, перемен требуют наши глаза» и после этого заключал: «Мы ждем перемен». Смысл последних слов этой песни отражает квинтэссенцию отношений советских людей к себе, к проблемам, к власти и переменам. Если в развитых странах перемены происходили благодаря изменению самих людей и формированию ими новых общественных отношений и, самое главное, пониманию ими истины, что по-другому перемены не происходят, то установки советских людей очень точно выражены в словах Виктора Цоя: «Мы ждем перемен». Ждать перемен для советских людей означало, прежде всего, дожидаться, когда власть обеспечит эти перемены.

В целом, при всей неоднозначности результатов постсоветского развития бывших советских республик можно прийти к некоторым выводам. Так, в результате краха советской модели на постсоветском пространстве мы наблюдаем три способа адаптации к новой реальности. Первый способ — радикальные реформы во всех сферах общества на основе его ускоренной демокра-

тизации. Такой способ в первые годы реформ был наиболее популярным почти во всех бывших социалистических странах [Хана 2010], [Козловски 1997], [Коллинз 2015]. Реформы на основе ускоренной демократизации, в целом, предсказуемо завершились неудачей, так как ни у одной бывшей советской республики (я не рассматриваю балтийские страны, так как они исторически были частью западноевропейской цивилизации) не было достаточных предпосылок для демократических преобразований. Следует отметить, что и в мировой истории нет успешного прецедента одновременного проведения экономических и политических реформ. Ускоренная демократизация в постсоветских странах не только завершилась неудачей, но и неизбежно спровоцировала вооруженные конфликты, порой переросшие в гражданские войны. Второй способ ответа был связан со стремлением не допустить масштабные перемены не только в политической сфере, но и в экономической. Этим странам удалось сохранить стабильность, одновременно принеся в жертву экономическое развитие на основе рыночной модели. Комплексное понимание необходимых перемен и их поэтапная реализация, в целом, оказались недоступны для элит и политических лидеров большинства постсоветских стран. Можно сказать, что относительно более сложное видение реформ было достигнуто и реализовано в Казахстане в 90-е и в начале 2000-тысячных годов. Но в последующем, из-за ограниченности необходимых для модернизации социокультурных ресурсов, Казахстан также столкнулся с большими трудностями в деле формирования современной институциональной структуры.

Подводя итоги своего видения постсоветских реформ, хочу подчеркнуть, что при всех неудачах и достижениях главной проблемой для большинства постсоветских обществ является крайняя ограниченность их возможностей по генерированию современных социокультурных когниций. Как следствие, осмысление практик и их выстраивание происходит на основе советских и досоветских представлений. В такой ситуации, как отмечал Иван Сельени, приходится строить капитализм «не на обломках социализма, а из его обломков» [Сельени, 2010]. Добавим, что строить капитализм из обломков социализма приходится в зависимости от социокультурных особенностей каждой постсовет-

ской страны, с разной степенью их осовременивания или архаизации [Модернизация в России и конфликт ценностей 1994], [Nation-building in the Post-Soviet Borderlands 1998], [Naspari 2002], [Dave 2007], [Cohen 2008], [Ахизезер 2001], [Хана 2010], [Ламажа 2012]. Но чаще всего из-за хронических затруднений по генерированию и развитию современных социокультурных когнитивных постсоветские страны оказываются неизбежно предрасположенными к «реактивации прежних элементов» [Делез 1998]. Такую практику можно изменить только в том случае, если на постсоветском пространстве возобладают современные эпистемологические стандарты, что в свою очередь может быть следствием не политической, а когнитивной революции.

Основные выводы по проблеме развития общественных систем

По проблеме определения факторов общественного развития написано большое количество работ, однако, как уже отмечалось, большинство из них являются разновидностями редуccionизма. Общая черта, определяющая такие концепции, — объяснение проблемы развития общества на основе абсолютизации одной причины, с неизбежным для такой логики игнорированием других факторов. Так, одни авторы увлечены значимостью фактора кризиса как условия развития. При этом они успешно игнорируют массу случаев, когда кризис не приводил к развитию общественной системы, а оказывался ее перманентным состоянием и даже был причиной ее краха. Но, тем не менее, сторонники такого подхода, исходя из приверженности своей логике и произведенной на ее основе селекции фактов, утверждают, что основным фактором развития общества является предшествующий кризис, который, по их мнению, служит катализатором инноваций и последующего его обновления.

Схожий с таким подходом тезис обосновывают сторонники концепции развития, основывающиеся на идеях потребности и необходимости. С точки зрения сторонников этой концепции, на определенном этапе своего развития общественная система испытывает потребность в определенных инновациях, и под воздей-

ствием этих позывов происходит ее успешное обновление [Лахман 2010], [Розов 2011]. При этом сторонников этой концепции отличает успешное игнорирование таких вопросов, как: «Почему эти потребности не носят универсальный характер? Почему они так сильно повлияли на очень ограниченное количество обществ?». Не уменьшается количество работ, где главным фактором развития выступают экономические и технологические факторы [Аллен 2013], [Аллен 2014], [Марш 2015]. Сохраняет свою популярность и географический детерминизм [Pomeranz 2000], [Бессонова 2006], [Кирдина 2001]. Приверженности к абсолютизации геополитического фактора не избежал и автор ряда очень глубоких работ по истории интеллектуальных течений Рэндалл Коллинз [Коллинз 2015: 258].

В последние десятилетия стали популярными концепции, объясняющие развитие обществ или затруднения, связанные с ним, фактором, который определяется как зависимость от предшествующего пути развития [Дэвид 2006], [Mahoney 2000]. С точки зрения сторонников такого подхода, именно предшествующее состояние общественной системы предопределяет возможности ее нынешнего состояния. При этом они также успешно игнорируют как факты, связанные с тем, что ряду стран удалось избежать такой предопределенности, так и конкретизированные объяснения, почему возникают именно такие пути развития.

В отличие от сторонников концепций «path dependence», концепция Александра Гершенкрона обосновывает подход, утверждающий преимущество запаздывающего развития [Gerschenkron 1962]. По его мнению, страны, которые стартовали позже, получают историческое преимущество в виде возможности опираться на опыт стран, которые прошли этот путь раньше их. Концепция Гершенкрона также успешно игнорирует факты, указывающие на хронические трудности с модернизацией большинства стран запаздывающего развития. Такие страны до сих пор не только не могут, но и в обозримом будущем почти не имеют шансов повторить успешный исторический опыт развитых стран. Свой вывод Гершенкрон и его сторонники строят на достижениях развития небольшого числа стран, которые смогли достаточно успешно повторить опыт пионеров модернизации. При этом такой анализ ограничен в основном экономическими и тех-

нологическими факторами, при игнорировании более широких социокультурных условий. Если бы не такое игнорирование, то сторонники преимущественно запаздывающего развития могли бы прийти к очень ценному выводу о том, что такое преимущество, если оно и есть, работает лишь в том случае, когда в догоняющем обществе наработаны достаточные для модернизации социокультурные предпосылки. Так, они были в европейских странах второго эшелона развития и в Японии, а также еще в ряде стран Юго-Восточной Азии. Эти страны смогли успешно модернизироваться не только благодаря тому, что они опирались на опыт стран «первого эшелона», а во многом благодаря тому, что до начала реформ были наработан необходимый объем сложных социокультурных предпосылок, которые позволили им обеспечить позитивный синтез инноваций с собственными традициями. В большинстве же стран, где такие социокультурные предпосылки отсутствовали или не были наработаны в достаточном объеме, запаздывающее развитие стало никак не преимуществом, а, скорее, их проклятием. Феномен запаздывающего развития в большинстве стран выражался в стремлении изменить свое положение за счет приобретения технологий, но при отсутствии необходимых социокультурных ресурсов такое стремление и способ его удовлетворения не могли привести к желаемому результату в виде современной общественной системы.

Проблему развития общества и выявления ключевых факторов, определяющих данный процесс, можно исследовать, пытаясь проследить его эволюцию в определенном социокультурном контексте. Этот способ анализа достаточно распространен, а также нередко бывает эмпирически интересен. Конечно же, исторический анализ проблемы развития и его эвристичность во многом зависят от того, на какие теоретические конструкты он опирается. В большинстве же случаев мы наблюдаем преобладание редукционистских концепций или их эклектические комбинации. Комплексные, основанные на более широком видении проблемы концепции менее распространены среди сторонников исторического подхода. Тем не менее исторический подход был и будет одним из основных способов анализа проблем развития. Понимая и принимая значение исторического подхода к изучению проблем развития, я считаю, что анализ развития может идти и обратным

путем, когда на первый план выходит не эволюция определенной общественной системы, а ее результаты. При таком подходе мы можем задаваться вопросами, что позволило и позволяет обеспечивать позитивные и порой поражающие воображение результаты развития, характерные, например, для стран Юго-Восточной Азии. Или, наоборот, исходя из набора других и более распространенных негативных результатов развития, характерных для большинства стран, задаваться вопросами, почему они десятилетиями, а иногда столетиями предрасположены к таким итогам.

На основе такого подхода, когда рассматривается проблема развития, если исходить из результатов, и тем более очень устойчивых, можно обнаружить, что такие результаты устойчиво коррелируют с особенностями институциональной структуры различных обществ, как успешных, так и неуспешных. При всех различиях между странами, которые входят в «первый мир», всем им свойственна сложная полицентрическая структура институтов, которая в свою очередь является порождением сложного культурного контекста. И наоборот, неуспешным странам присуща иерархическая, более простая структура институтов. Такая структура отличает все страны «второго» и «третьего» мира, несмотря на все их цивилизационно-культурные различия. На мой взгляд, при всех особенностях каждой страны именно различия в институциональной структуре решающим образом определяют отличия между развитыми и отстающими странами.

В свою очередь возникновение такой социокультурной системы, как полицентрическая институциональная структура основывается на ряде предпосылок, среди которых наиболее важными являются длительная традиция развития в обществе диверсифицированных интеллектуальных течений и появление типов социальных деятелей с предрасположенностями к устойчивому интенсивному труду. Фундаментальное значение данных предпосылок для формирования полицентрической институциональной структуры эмпирически обоснованно подтверждается историей всех развитых стран. И наоборот, страны, которые потерпели неудачу в формировании плюралистической структуры институтов или испытывают хронические трудности по ее созданию, также отли-

чают неразвитость, фрагментарность двух названных выше социокультурных предпосылок.

При этом некоторые страны, не сумевшие создать современную институциональную структуру, тем не менее, достигали определенных научно-технических результатов, порой впечатляющих. Среди этих примеров, конечно же, следует назвать научно-технические достижения Советского Союза. Но такие страны, однако, не могли обеспечить длительную устойчивость развития, не смогли встроить в свою социокультурную систему ценности саморазвития. В конечном счете, Советский Союз и другие страны, пытавшиеся совершить модернизационный рывок за счет мобилизационной политики, основываясь на иерархической институциональной структуре, не только отстали от развитых стран, но и в ряде случаев были вынуждены сойти с дистанции. Обобщенный вывод по поводу итогов развития данных стран заключается в том, что он подтверждает социологическую истину о невозможности обойти закон развития, требующий выстраивания институциональной структуры, соответствующей модернизационным целям.

В целом, по поводу печальных и хронически негативных результатов большинства стран, связанных с их попытками по модернизации, можно вынести следующий вердикт: на более или менее длинной дистанции развития структурный порок невозможно компенсировать. Общество или трансформирует свою институциональную структуру и становится современным, или остается в рамках традиционной иерархической структуры. При последнем варианте все усилия и отдельные достижения не позволяют такому обществу решить проблему современного развития.

В социально-экономической литературе также популярной является концепция о влиянии мировой конъюнктуры на развитие той или иной страны. Успехи или неудачи определенной страны в рамках такого подхода объясняют тем, что благоприятная мировая конъюнктура позволила ей оседлать волну, и наоборот — если стране не повезло с конъюнктурой, то из-за этого происходил обвал ее экономики. Действительно, под влиянием мировой конъюнктуры происходили и бурные подъемы, и обвалы экономики тех или иных стран. Но мировая конъюнктура доволь-

но изменчива, а число успешных или неуспешных стран довольно устойчиво. По этому поводу Агнус Мэдисон продемонстрировал убедительную историческую статистику [Maddison 1995]. Обратившись к проблеме мирового развития за период с начала XIX века по наше время, он обнаружил, что существуют две группы стран и, самое главное, разрыв между ними не сокращается, а возрастает. Успешные страны в долговременной перспективе, несмотря на все колебания мировой конъюнктуры, демонстрируют устойчивое и, что немаловажно, комплексное развитие, а отстающие, при всех отдельных достижениях, не могут достичь уровня устойчивого и комплексного развития. Такие результаты позволяют сделать вывод, что мировая конъюнктура, как позитивная так и негативная, в целом не имеет решающего значения, не является главным фактором, способствующим радикальному изменению положения стран в мировой экономике. Успешные страны благодаря своей более сложной структуре имеют больший запас прочности к колебаниям мировой конъюнктуры и после кризисов способны к самообновлению. Неуспешные же страны на волне благоприятной конъюнктуры могут демонстрировать очень высокую динамику роста, но она, во-первых, не становится основой для устойчивого и комплексного их развития, а во-вторых, эти страны очень подвержены колебаниям конъюнктуры. При негативной конъюнктуре, особенно если она затягивается, они очень сильно сдают свои позиции, вплоть до впадения в масштабные кризисы, нередко охватывающие все институты общества.

Как уже отмечалось, большинство специалистов по развитию в той или иной степени остаются заложниками редуционизма и, как следствие, своей приверженности к такой парадигме; им свойственна абсолютизация отдельных факторов развития. Противоположностью редуционизму, как установке опираться на ключевой фактор (или ключевые факторы), является структурный подход, позволяющий перенести фокус анализа из поиска основного фактора на анализ отношений и предпосылок, формирующих то или иное устройство общества. Новый импульс в своем развитии, возможность для более конкретизированного анализа рассматриваемых проблем структурный подход получил благодаря когнитивизму. В первой главе, опираясь на классиков

когнитивизма, я обосновал свое видение социокультурных когний как конститутивного фактора, определяющего возможности возникновения и развития человека и общества. При этом признание социокультурных когний как конститутивных не является разновидностью редукционизма, приверженностью к поиску очередного ключевого фактора. Когнитивизм не является очередной версией концепции «ключевого фактора», так как социокультурные когнии не являются отдельной сферой общества, не существуют отдельно от других институтов. Они являются решающим условием существования всех институтов и субъектов общества.

Значение знаний для развития и в том числе для модернизации выделяют и многие авторы, которые не относятся к когнитивизму. Так, довольно детальные аргументации о роли знаний в формировании и дальнейшем развитии модернизационных процессов дают Талкот Парсонс [Парсонс 1998], Фернан Бродель [Бродель 2003], Мокир [2014], Карин Кнорр-Цетина [Кнорр-Цетина 1997], Грегори Кларк [Кларк 2012], Джек Голдстоун [Голдстоун 2012], Роберт Лукас [2013]. Но в данных исследованиях роль знаний как фактора современного развития рассматривается или довольно абстрактно, или как фактор развития производства. Особой конкретизации значения знаний для развития современного мира не наблюдается и в многочисленных публикациях, посвященных феномену «экономика знаний». Мой подход к конкретизации роли когний для процессов развития, в том числе и с модернизацией, отличается пониманием именно роли социокультурных когний, а не абстрактного и недифференцированного видения роли когний для развития общества. Исходя из решающей роли социокультурных когний для развития общества, я подчеркиваю, что успехи и неудачи, связанные с модернизацией, зависят, прежде всего, от возможностей развития современных социокультурных знаний, которыми обладают или не обладают определенные общества.

Я также предлагаю рассмотреть проблему развития через набор общих социокультурных признаков, которые отличают успешные страны, и набор признаков, характерных для стран, испытывающих проблемы с развитием. Так, несмотря на уникальность каждой страны из сообщества «первого мира» и особенно учитывая различия между Западом и Юго-Восточной Азией,

можно обнаружить общие признаки, которые, на мой взгляд, послужили обязательными базовыми условиями, своего рода «*conditio sine qua non*». К ним я отношу наличие сложной институциональной структуры и интеллектуальных предпосылок, которые в течение длительного времени подготовили возможность формирования такой сложной структуры. Сложная интеллектуальная традиция формировалась высокообразованной элитой, и впоследствии такая традиция являлась социокультурным контекстом для ее воспроизводства. История развитых стран свидетельствует, что все они опирались на сложную интеллектуальную традицию, и если отдельная малая страна «первого мира» не имела особо выдающихся философов, писателей и ученых, то она этот относительный дефицит компенсировала общим высоким уровнем элиты и интегрированностью в интеллектуальную традицию, созданную другими ведущими странами.

Когда я говорю о высоком уровне элиты, то, прежде всего, имею в виду высокий уровень ее социогуманитарного образования. Генерирование высокообразованной элитой сложных социокультурных когний способствовало возникновению общественного контекста, благоприятного для формирования современных институтов. Также успешные страны отличает образованный средний класс и довольно образованные низшие слои. В совокупности общеобразовательный уровень ведущих стран исторически был выше, и на современном этапе несравненно выше образовательного уровня стран «второго» и «третьего» мира. Есть отдельные исключения, но в целом общий уровень образованности и общественной рефлексии, а также технических знаний в странах различного эшелона подтверждает данный вывод. Успешные страны Западной Европы, а впоследствии и Японию как пионера модернизации вне западного мира всегда отличали не только наличие высокообразованной элиты, но и достаточно высокий уровень образования всех слоев общества. По мнению американского исследователя Мак-Клейн, в первой трети XIX века наиболее массово образованными были три страны: Великобритания, Нидерланды и Япония [Мак-Клейн 2007: 136–137]. Правомерность именно данного рейтинга можно поставить под сомнение. Так, Алексис де Токвилль считал наиболее массово об-

разованной страной США [Токвиль 1994], но то, что эти страны в любом из рейтингов занимали бы верхние строчки, не вызывает сомнения. Япония, конечно, до революции Мэйдзи существенно уступала многим западным странам в техническом образовании, но, вместе с тем, превосходила многие из них по сложности социогуманитарного образования. Впоследствии такой высокий уровень социогуманитарного знания стал фундаментом и ее технического прогресса. Взаимосвязь между техническим развитием и социогуманитарным знанием может быть оспорена лишь тогда, когда в мире появится успешное и устойчивое техническое развитие при отсутствии сложного социокультурного дискурса. Но пока в истории не было прецедента, когда среди развитых обществ, тем более в течение длительного времени, была страна без сложной социокультурной основы.

История модернизации свидетельствует, что формирование современного общества невозможно без деконструкции традиционных статусных представлений, без деконструкции представлений о труде и успехе. В традиционном обществе труд и успех не были однозначно взаимообуславливающими явлениями. Ценности труда и профессиональной деятельности уступали по своему значению ценностям, связанным с иерархическими представлениями. В отличие от традиционного общества, по мнению Поля Рикёра, в современном обществе профессиональные ценности и нормы являются «высшими эталонами», соответствие или несоответствие которым стали основными критериями идентификации и самоидентификации человека. Рассматривая проблему оценки человека в обществе, Рикёр, ссылаясь на концепцию Жан-Марка Ферри о «порядках признания», считает, что в каждом обществе существует последовательность порядков признания [Рикёр 1995: 44]. Такие порядки признания позволяют не только обеспечивать комплексную стратификацию социальных групп, но и эффективно формировать предпочтения членов общества и их идентификационные побуждения. В итоге, на основе утвердившихся в том или ином обществе порядков признания формируются основные типы социальных деятелей. Так, в традиционном обществе порядки признания формировались на основе институтов власти, религии и происхождения. В современном обществе эти порядки признания не утратили полностью своего

значения, но в нем на первый план выходят порядки признания, основанные на ценностях профессионализма и образования.

Современное общество отличает рост индивидуализации. Индивидуализация — это сложный процесс, в рамках которого происходит не только автономизация личности, но и очень существенное переструктурирование объемов ответственности между обществом и отдельным человеком. Можно сказать, что индивидуализация в рамках процессов модернизации, неизбежно порождая ряд негативных последствий, в целом способствовала появлению людей, более ответственных как перед своей личной судьбой, так и в отношении решения общих социальных проблем, стоящих перед конкретным сообществом и обществом в целом. Применительно к проблеме индивидуализации также довольно распространенным является противопоставление западной традиции автономной личности восточным традициям коллективизма. При определенной обоснованности таких различий следует отметить, что их абсолютизация искажает реальное положение дел в понимании соотношения индивидуального и коллективного как на Западе, так и на Востоке. Относительно широко распространенного представления о западном индивидуализме, породившем атомизированное общество, следует отметить, что никогда не существовал и не будет в будущем полностью атомизированный и абсолютно самополагающий субъект, так как формирование индивида всегда обусловлено социокультурной средой, и он всегда в той или иной степени включен в него. Что же касается примата коллективизма на Востоке, то этот тезис также требует поправки с учетом особенностей юго-восточных обществ. Эти общества, и особенно Японию, отличает длительная традиция культивирования коллективных установок в сочетании с особым типом индивидуализма, основанного на высокой личной ответственности. На мой взгляд, именно длительная традиция культивирования такого типа индивидуализма с повышенной личной ответственностью, в сочетании с групповой солидарностью различного типа, в том числе национальной, сыграла существенную роль в успешной модернизации Японии.

К конститутивным особенностям современных стран относятся и высокая трудовая мотивация. Возникновение феномена современных обществ невозможно объяснить без учета массовой

способности к интенсивному труду как характерной черты жителей развитых стран. В данном случае следует оговориться, что в истории нет обществ, в которых отсутствовала бы такая мотивация. Но я хочу обратить внимание и особо подчеркнуть именно наличие устойчивого и массового характера трудовой мотивации в развитых странах. Во многих обществах, относящихся ко «второму» и «третьему» миру, нередко трудовая мотивация носит более ограниченный и более спорадический характер. Так, хорошо известен факт циклических сезонных трудовых усилий, характерных для многих традиционных обществ, сменяемый такими же длительными трудовыми паузами. Старшему и среднему поколению бывших советских людей хорошо известны авралы в конце месяца, квартала или года, присущие советскому производству. В такие периоды советские люди могли демонстрировать и трудовой героизм, но при этом они достаточно длительное время работали не очень напряженно.

Исторические предпосылки формирования высокой трудовой мотивации в странах Западной Европы или Юго-Восточной Азии существенно отличаются, но можно обнаружить и общие факторы, повлиявшие на их закрепление. Они связаны с возникновением уже в средние века ценности профессионализма и общей легитимации трудовых усилий. Хотя длительное время во всех обществах, где имелось аристократическое сословие, со стороны его представителей наблюдалось презрение к физическому труду и специализированным видам деятельности, но, тем не менее, в рамках некоторых цивилизаций, уже начиная со средних веков, происходят легитимация труда и повышение его престижа. Так, базовые моральные нормы средневекового японского общества, хотя его высший слой также презирал физический труд, тем не менее, требовали от каждого человека неукоснительно соблюдать свой долг перед обществом, и в длинном перечне обязательств, стоящих перед японцем, одним из самых важных и постоянных были его профессиональные обязательства. Под воздействием социокультурных трансформаций в странах Западной Европы и Японии мы видим, что уже в средние века происходит формирование эксплицитных кодексов трудового поведения в различных профессиональных сферах. Воздействие этой традиции, по мнению Ле Гофа, привело к тому, что в системе ценно-

стей так называемых передовых стран труд занял ведущее место [Ле Гофф 2014: 224–226]. В дальнейшем именно высокая ценность труда стала одним из отличительных признаков развитых стран мира, и при всей важности других ресурсов высокопрофессиональный человеческий капитал является основным фактором развития ведущих стран. Очень удачно о значении труда в развитии Юго-Восточных стран сказал Пол Кругман, считая, что не было никакого «восточноазиатского чуда», а было лишь большое количество усердного труда. При этом, естественно, следует сделать уточнение, что усердный труд был присущ жителям стран Юго-Восточной Азии задолго до их вхождения в число передовых.

Развитие, связанное с переходом от традиционных состояний к современному обществу, сопровождается изменениями не только производственных технологий, но и, прежде всего, изменениями социокультурных установок. На смену установкам сохранения того, что есть, приходят установки на изменение, на рост возможностей, или, по Веберу, этика достижительности. Императив достижительности, или необходимость быть более активным, довлеет как над отдельными людьми, так и над странами. Субъекты, лишенные необходимого потенциала активности, на уровне индивидов и групп оказываются на обочине социальной жизни, а на уровне стран попадают в категорию второсортных или третьесортных государств. Поэтому как от индивидов, так и от стран в современном мире требуется быть активными, и во многом мы видим, что как индивиды, так и страны пытаются откликаться на эти призывы. Но, несмотря на то, что все меньше тех, кто пребывает в состоянии квиетизма или отвергает необходимость активных изменений, тем не менее как на индивидуальном, так и на страновом уровне количество успешных результатов явно уступает негативным. Анализ этих результатов позволяет прийти к выводу, что лишь ориентация на развитие и принятие ценностей культуры активизма автоматически не приводит к позитивным результатам. Активность на уровне отдельного человека, организации или страны зависит от способов ее структурирования. На уровне общества это означает институциональную организацию коллективной активности. Применительно к развитым странам мы наблюдаем, что рост активности сопровождался с од-

современным развитием культуры профессионализма и в целом интеллектуальной диверсификацией общества. Такая диверсификация создавала культурный контекст, позволяющий находить для активности различные способы ее структурирования, и, как правило, в условиях более сложной социокультурной системы находились и более эффективные способы структурирования человеческой активности.

В целом, можно сказать, что в развитых странах рост активности сопровождался и социокультурными инновациями по ее структурированию, позволяющими обеспечивать активистские интенции адекватными институциональными формами. Социокультурный закон опосредованного развития работает в любой сфере человеческой деятельности, и итог усилий по развитию свидетельствует, что они решающим образом зависят от того, как они были институционально опосредованы, в рамках каких социокультурных форм происходила их реализация. Страны, занимающие лидирующее положение в современном мире, смогли создать институции, которые более эффективно структурировали социокультурную активность, что привело к исторически беспрецедентным результатам. Страны же «второго» и «третьего» мира не смогли создать институциональные формы, которые могли бы также эффективно опосредовать их усилия по развитию.

На мой взгляд, именно констелляция интенсивного труда и его эффективной организации является одним из важнейших факторов, определивших возникновение феномена современных развитых стран. То, что массовая высокая трудовая мотивация и институциональная структура, успешно закрепляющая и воспроизводящая такую мотивацию, являются отличительными признаками развитых стран, мы можем подтвердить через сравнение данных обществ со странами «второго» и «третьего» мира. При всех своих отдельных достижениях, они, тем не менее, проигрывают развитым странам по уровню трудовой мотивации, а также из-за своей неспособности создать современную институциональную структуру. Институциональная структура ведущих стран мира, прежде всего, эффективно способствует формированию идентичности, основой которой является профессиональная идентификация. По сравнению с доминированием профессиональных идентичностей у жителей ведущих стран мира мы наблюдаем

проблематичность формирования профессиональной идентичности, ее фрагментарность в странах, испытывающих хронические трудности с модернизацией.

Профессиональная идентичность как основа устойчивой трудовой мотивации возникает под воздействием комплекса факторов и исторических условий. Она нуждается в определенном контексте, а не только в отдельных целенаправленных усилиях. Примером здесь могут послужить негативные результаты политики утверждения ценности профессионализма в Советском Союзе. Несмотря на то, что в Советском Союзе было стремление поднять престиж труда, особенно физического, и было для этого сделано немало, тем не менее в советском обществе не удалось массово утвердить ценности труда и идентичность, основанную на идеалах профессионализма.

Развитые страны имеют также еще один важный общий признак, заключающийся в том, что элитой этих обществ была сформирована способность к созданию сложной общественно-политической философии, позволившей им, соответственно, практиковать и более сложный уровень моральной рефлексии [Оссовская 1987], [Хиршман 2012], [Розанваллон 2007], [Седлачек 2016]. Благодаря таким возможностям эти общества оказались способными к сложной деконструкции своей традиции и тем самым обеспечили себе возможность формирования новых способов развития, без манихейского противопоставления их своим традициям. Эти страны отличала и способность быть открытыми к достижениям других культур, что выражалось в их возможности перенимать не только технические достижения, но и целые социокультурные институты. Потрясающим примером такого рода многие специалисты считают инкорпорацию западных институций в систему японского общества в период революции Мэйдзи. При этом такое масштабное заимствование не привело, в отличие от многих стран, к расколу японского общества. И поэтому восхищение специалистов по модернизации этим фактом вполне обосновано. Но при этом следует помнить, что Япония уже имела в своей истории опыт масштабного культурного заимствования. В VII–VIII века японская элита целенаправленно заимствовала конфуцианство и буддизм, и следует согласиться с Рут Бенедикт, что в мировой истории трудно найти еще одно общество, столь

успешно справившееся с таким масштабным импортом цивилизации [Бенедикт 2007: 98].

В этой связи следует отметить, что большинство стран «второго» и «третьего» мира не только не способны эффективно заимствовать институты, возникшие в рамках других цивилизаций, но даже не в состоянии полноценно справиться с импортом технологий. Хотя проблемы с адаптацией технического прогресса и инноваций к существующим социокультурным нормам возникали во всех обществах, в частности, и в Великобритании, и в той же Японии, но эти проблемы для них не стали фактором, вызывающим отторжение инноваций. В отличие от них страны, отстающие в своем развитии, демонстрируют более устойчивое и более масштабное отрицание как инноваций, так и заимствований. К наиболее масштабным примерам мы можем отнести политический запрет на развитие технологий в средневековом Китае.

Устойчивость негативного отношения к инновациям и техническому прогрессу, временная и пространственная протяженность этого феномена заставляет искать более глубокие социокультурные его предпосылки, чем объяснение его на основе решений правителей тех или иных стран. В данном случае мы видим проявление если не социокультурного закона, то, по меньшей мере, фактора, который устойчиво проявляется в определенном общественном контексте. Негативное отношение и отрицание инноваций, характерное для Древнего мира и Средних веков, мы наблюдаем и в XX веке. И если отрицание социальных и культурных норм достаточно легко объяснимо, то отрицание технических и научных достижений требует более сложного объяснения. Широко известным примером такого отрицания является борьба с генетикой и кибернетикой в Советском Союзе. Не связанные с объяснением общественных процессов научные направления оказались под запретом, и этот запрет не был обусловлен эмпирическими доводами специалистов. В данном случае эти запреты, которые обрекли советскую систему на отставание в этих ведущих для современного мира научных направлениях, были обусловлены именно общими социокультурными факторами, формирующими доминирующий стиль мышления данного общества.

Таким образом, мы видим, что инновации и технический прогресс во всех странах вызывали определенное социокультурное напряжение и противодействие со стороны консервативных групп. Но степень и формы противоречия и противодействия зависят от характеристик социокультурной системы. В плюралистических социокультурных системах такие противоречия и, в определенной степени, противодействия инновациям носят локальный и эпизодический характер, не становятся системным и устойчивым феноменом, а также не приводят к политическим репрессиям в отношении новаторов. В социокультурных системах иерархического типа противодействия техническому прогрессу и инновациям нередко носят системный характер, и в таких обществах новаторы очень часто могут стать жертвами политических репрессий.

Анализ проблем развития общественных систем показывает, что данный феномен имеет различные предпосылки и последствия. Однако на данный период исторического развития мы можем, обобщая опыт развития за последние три-четыре столетия, прийти к выводам о существовании более успешных и менее успешных моделей развития и существовании если не закономерности, то, по крайней мере, устойчивой зависимости между определенными предпосылками и определенными последствиями. Так, при всех различиях страны, образующие «первый мир», отличают общие структурные основы и социокультурные предпосылки, позволившие им успешно решить проблему модернизации. Важнейшим условием, способствовавшим постепенному переходу от традиционного состояния к современности в данных обществах, является формирование полицентрической структуры институтов.

Итоги модернизационных усилий, на мой взгляд, во многом зависели от способов решения проблем, связанных с деконструкцией традиции и рефреймингом базовых представлений. Большинство стран, в силу отсутствия сложных интеллектуальных предпосылок, интернализованных элитой и достаточно массово средними слоями, не смогли обеспечить сложную деконструкцию традиций и рефрейминг основных символических представлений, задающих логику формирования базовых институтов и идентичностей. Как правило, все эти общества оказались

в ловушке редукционизма, с неизбежно присущей такому сознанию абсолютизацией определенных ценностей и способов их достижения и таким же абсолютистским отрицанием противоположных ценностей и институций. Всем обществам, лишенным сложных интеллектуальных предпосылок, свойственно преобладание в общественном дискурсе логики дуализма, что проявляется в хроническом противостоянии традиционалистов и модернизаторов. В итоге такие общества не могут достичь необходимого синтеза традиций и инноваций, так как они не обладают когнитивными ресурсами, способными обеспечить сложную деконструкцию своей истории, позволяющей избежать ее упрощенной интерпретации и встроить в историческую традицию новые институты. Переструктурирование институциональной системы, конечно же, не является лишь простой перекombинацией существующих институтов, с добавлением новых элементов. Оно также предполагает, а порой и требует жесткого отказа от некоторых элементов традиции, но в целом ее деконструкция не сводится к противопоставлению традиционных и современных институтов, а представляет собой их сложный синтез.

Подводя итоги размышлений о проблеме развития общественных систем и, прежде всего, о его современной версии, на мой взгляд, можно сделать следующие выводы. Во-первых, современное плюралистическое общество не возникает в результате кумулятивных изменений. Оно является результатом институциональной трансформации традиционной общественной системы иерархического типа в полицентрическую институциональную систему. История свидетельствует, что большинство обществ оказались неспособными трансформировать свою институциональную систему, не смогли взамен традиционного иерархического способа организации институтов создать полицентрическую структуру. Неудачи и достижения в трансформации институциональной структуры во многом были предопределены уровнем способности интеллектуальной элиты к неупрощенной деконструкции традиции, способности обеспечить рефрейминг базовых общественных идеалов и ценностей. Во-вторых, несмотря на редкость и кажущуюся невероятность удачных переходов от традиционных институциональных структур к современным системам, выход из трудностей, возникающих при объяснении та-

кого перехода, не следует искать в удачном сочетании случайностей и в историческом чуде. В том, что возникновение феномена современных стран не было лишь набором удачных случайностей и чудесным превращением общественных отношений, можно убедиться, если сравнивать социокультурные предпосылки и институциональные последствия в странах, где модернизация была успешной, и в странах, где она потерпела неудачу или протекает в режиме «рецидивной модернизации». Если мы обратимся к социокультурным предпосылкам стран, где модернизация была успешной, то обнаружим, что в этих обществах она происходила в более сложном контексте и опиралась на более сложные когнитивные предпосылки и практики. В отличие от них, страны с неуспешной модернизацией не обладали необходимым запасом социокультурной сложности, и при дефиците адекватных для модернизации социокультурных когний и практик решение проблем, связанных с формированием современных институтов, оказалось для них фактически невозможным.

Также все современные общества, несмотря на все их страновые различия, имеют общую для них полицентрическую институциональную структуру. Мы не находим исключения из этих эмпирических данных и я объясняю такие результаты уровнем сложности социокультурных когний и практик, исторически сформированных на их основе. Данные выводы подтверждаются многочисленными фактами неудачи или в лучшем случае хронических затруднений, свойственных странам, где исторически не удалось сформировать необходимые массивы сложных социокультурных когний, а на их основе и более сложные социокультурные практики. И наконец, на мой взгляд, анализ предпосылок и результатов модернизации позволяют прийти к выводу, что современное развитие не является результатом целерационального выбора, а является следствием социокультурных возможностей, которыми обладает то или иное общество. Среди этих возможностей основное значение имеют содержание и структура социокультурных когний.

Литература

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. — СПб.: Алетей, 1999.
2. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. — М.: АСТ, 2015.
3. Аллен Р. Глобальная экономическая история: Краткое введение. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
4. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
5. Андреева И. Частная жизнь при социализме. Отчет советского обывателя. — М.: Новое лит. обозрение, 2009.
6. Аоки М. Корпорации в условиях растущего многообразия: познание, руководство и институты. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
7. Аристотель. Политика. — М.: АСТ, 2006.
8. Арон Р. Опиум интеллектуалов. — М.: АСТ, 2014.
9. Асемоглу Д., Робинсон Дж. Экономические истоки диктатуры и демократии. — М.: ГУ ВШЭ, 2015.
10. Аузан А. Пора решиться на переустройство государства // Российское государство: вчера, сегодня, завтра. Под общ. ред. И.М. Клямкина. — М.: Новое издательство, 2007. — С. 407–422
11. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
12. Ахиезер А. Архаизация как категория общественных наук // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2001. — Т. IV. — № 1. — С. 89–100.
13. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? — М.: Новое издательство, 2008.
14. Баландые Ж. Политическая антропология. — М.: Науч. мир, 2001.
15. Батлер Д. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. — Харьков: ХЦГИ, 2001. — С. 235–257.

16. Батлер Д. Психика власти: теория субъекции. — Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.
17. Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008.
18. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по антропологии. — М.: КомКнига, 2005.
19. Белановский С.А. Социальный механизм планирования // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. — М.: Прогресс, 1989. — С. 169–189.
20. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М.: Академия, 1999.
21. Беневист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. — М.: Прогресс-Универс, 1995.
22. Бенедикт Р. Хризантема и меч: две модели японской культуры. 2-изд., стер. — СПб.: Наука, 2007.
23. Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). — М.: Прогресс-Универс, 1994.
24. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995.
25. Бессонова О. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. — М.: РОССПЭН, 2006.
26. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. — М.: Новое лит. обозрение, 2013.
27. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена, 2-е изд. — М.: Весь Мир, 2007.
28. Брукс Д. Бобо в раю. Откуда берется новая элита. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
29. Бурдьё П. Практический смысл. — СПб.: Алетейя, 2001.
30. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. — СПб.: Алетейя, 2005.
31. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М.: Логос, 2003.
32. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
33. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
34. Веблен Т. Теория праздного класса. Изд. 3-е. — М.: ЛИБРОКОМ, 2011.

35. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. — М.: Гнозис, 1994.
36. Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. — М.: ОГИ, 1998.
37. Волков В.В. Культурная политика в 30-е годы // Социологический журнал. — 1996. — № 1–2. — С. 194–213.
38. Восленский М. Номенклатура. — М.: Захаров, 2005.
39. Гадамер Г. Истина и метод. — М.: Прогресс, 1988.
40. Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. — М.: АСТ; CORPUS, 2012.
41. Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. — М.: АСТ; CORPUS, 2015.
42. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. — СПб.: Питер, 2007.
43. Герген К. Социальная конструкция в контексте. — Харьков: Гуманитарный Центр, 2016.
44. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2003.
45. Гидденс Э. Последствия современности. — М.: Практика, 2011.
46. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
47. Гофман И. Представления себя другим в повседневной жизни. — М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
48. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
49. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. — М.: Смысл, 2009.
50. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. — М.: ГУ ВШЭ, 2013.
51. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. — М.: Новое лит. обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.
52. Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. 2-е изд. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.
53. Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории» // Марк Блок. Апология истории, или ремесло историка. — М.: Наука, 1986. — С. 182–231.

54. Гуревич А. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1988.
55. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. — М.: АСТ, 2004.
56. Гэллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. — М.: Московская школа политических исследований, 2004.
57. Данелия Г. Тостуемый пьет до дна. — М.: ЭКСМО, 2005.
58. Делез Ж. Фуко. — М.: Изд-во гуманитарной лит., 1998.
59. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. — СПб.: Алетейя, 1999.
60. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. — М.: ПЭР СЕ, 2001.
61. Делез Ж. Переговоры. — СПб.: Наука, 2004.
62. Делез Ж. Мая 68-го не было. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
63. Деррида Ж. Письмо и различие. — СПб.: Академический проект, 2000.
64. Деррида Ж. Жак Деррида в Москве. — М.: РИК «Культура», 1993.
65. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. — М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014.
66. Джеймс У. Воля к вере. — М.: Республика, 1997.
67. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. — М.: Новое лит. обозрение, 2007.
68. Довлатов С. Записные книжки // Сергей Довлатов: Сб. прозы в трех томах. Т. 3. — СПб.: Лимбус-Пресс, 1993. — С. 237–337.
69. Дубин Б. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. — М.: Прогресс – Традиция, 2007.
70. Дубсон Б.И. Современный Израиль. Социально-экономические очерки. — М.: Междунар. отношения, 2014.
71. Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. — М.: ГУ ВШЭ, 2006. — С. 139–150.
72. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1991.
73. Ерофеев Венедикт. Из записных книжек // Венедикт Ерофеев Оставьте мою душу в покое: Почти все. — М.: Изд-во АО «Х.Г.С.», 1995.

74. Ерофеев Виктор. Спилбергский ящер // Виктор Ерофеев. Мужчины. Изд. 3-е, доп. испр. — М.: Подкова, 1999.
75. Есенгараев Е.Ж. Идентичность как проблема современного мира // Идентичность в современном мире: Материалы международного. науч.-теор. конф. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2002.
76. Есенгараев Е.Ж.(а) Переходное общество: институциональный анализ // Проблемы теоретической социологии. Вып. 4. — СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003. — С. 284–294.
77. Есенгараев Е.Ж.(б) Реформы и институциональная теория // Саясат-Полицу. — 2003. — № 4.
78. Есенгараев Е.Ж. Структурный подход к типологии обществ // Стратегия «Казахстан – 2050»: сб. материалов V Конгресса социологов Казахстана. — Алматы, 2014.
79. Есть ли будущее у капитализма? — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
80. Жирнов Е. Интервью с Яковом Рябовым «Именно такой человек, как Ельцин мне и нужен» // Власть. — 2003. — № 11.
81. Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. — М.: Эксмо, 2010.
82. Занд Ш. Кто и как изобрел Страну Израиля. — М.: Эксмо, 2012.
83. Иноземцев В. Порвать с традицией! / Российское государство: вчера, сегодня, завтра / Под общ. ред. И.М.Клямкина. — М.: Новое изд-во, 2007.
84. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — М.: Политиздат, 1990.
85. Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России. — М.: ТЕИС, 2000.
86. Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
87. Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом. О логике перехода социализма к этическому и демократическому капитализму. Очерки персоналистской философии. — СПб.: «Экономическая школа», 1997.
88. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. — М.: УРСС:ЛЕНАНД, 2015.
89. Конт О. Дух позитивной философии. — Ростов н/Д.: Феникс, 2003.
90. Корнаи Я. Дефицит. — М.: Наука, 1990.

91. Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под общ. ред. И.М. Клямкина. — М.: Новое изд-во, 2011.
92. Кун Т. Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977.
93. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
94. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1: Разум вне машины. — М.: Гнозис, 2011.
95. Ламажа Ч.К. Архаизация общества: Тувинский феномен. — М.: ЛИБИРКОМ, 2013.
96. Лахман Р. Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. — М.: Территория будущего, 2010.
97. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. — СПб.: Александрия, 2014.
98. Либеральные реформы и культура: Сб. ст. / Под общ. ред. Д.В. Драгунского. — М.: ОГИ, 2003.
99. Левада Ю.А. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. — М.: Прогресс, 1989. — С. 448–459.
100. Левада Ю. От мнения к пониманию. Социологические очерки. — М.: Московская школа политических исследований, 2000.
101. Левада Ю.А. Время перемен: Предмет и позиция исследователя. — М.: Новое лит. обозрение, 2016.
102. Левин М. Советский век. — М.: Европа, 2008.
103. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
104. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
105. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. — М.: Прогресс, 1991.
106. Луман Н. Дифференциация. — М.: Логос, 2006.
107. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. — СПб.: Наука, 2007.
108. Луман Н. Самоописания. — М.: Логос, 2009.
109. Луман Н. Реальность массмедиа. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
110. Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003.

111. Льюис Э. Без оглядки на богов. Взлет современной Индии. — М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010.
112. Макиавелли Н. История Флоренции. — М.: Наука, 1987.
113. Мак-Клейн Дж. Япония от сегуната Токугавы — в XXI век. — М.: АСТ, 2007.
114. Марш П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
115. Мертон Р. Исследования по социологии науки / Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ, 2006.
116. Метивье Ю. Франция в XVI–XVIII вв.: от Франциска I до Людовика XV. — М.: АСТ; Астрель, 2005.
117. Мид Дж. Избранное. — М.: РАН ИНИОН, 2009.
118. Модернизация в России и конфликт ценностей. — М.: ИФ РАН, 1994.
119. Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
120. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину (Анатомия застоя). — М.: Прогресс, 1991. — С. 31–62.
121. Национализм в позднекоммунистической Европе. Т. 2. — М.: РОСПЭН, 2010.
122. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд эконом. кн. «Начала», 1997.
123. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. — М.: ГУ ВШЭ, 2010.
124. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
125. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. — М.: Прогресс, 1987.
126. Парсонс Т. Общий обзор / Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. — М.: Прогресс, 1972. — С. 360–378.
127. Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Аспект-Пресс, 1998.

128. Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический Проект, 2000. — С. 415–562.
129. Парсонс Т. (а). Мотивация экономической деятельности // Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический Проект, 2000. — С. 334–357.
130. Парсонс Т. (б). Функциональная теория изменения / Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический Проект, 2000. — С. 699–721.
131. Парсонс Т. О социальных системах. — М.: Академический Проект, 2002.
132. Пелевин В. Македонская критика французской мысли // Виктор Пелевин ДПП(нн). — М.: ЭКСМО, 2003.
133. Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. — 1998. — Т. 1. — С. 13–95.
134. Пивоваров Ю. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. — М.: РОССПЭН, 2006.
135. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: АЛЬФА-КНИГА, 2013.
136. Попов В., Шмелев Н. Великий плановый эксперимент // Погружение в трясину (Анатомия застоя). — М.: Прогресс, 1991. — С. 101–135.
137. Простой советский человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. — М.: Интерцентр, 1993.
138. Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций. — М.: Европа, 2007.
139. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. — М.: Альпина Паблишер, 2013.
140. Рикёр П. Герменевтика, этика, политика. Московские лекции и интервью. — М.: АО «КАМІ», Academia, 1995.
141. Рис Н. Русские разговоры: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. — М.: Новое лит. производство, 2005.
142. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идей рынка. — М.: Новое лит. обозрение, 2007.
143. Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. — М.; СПб.: Университетская кн., 2000.

144. Розов Н. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегии России в XXI веке. — М.: РОССПЭН, 2011.
145. Рорти Р. Философия и зеркало природы. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.
146. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. — М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
147. Рулан Н. Юридическая антропология. — М.: Норма, 1999.
148. Салмин А.М. Избранные статьи. — М.: Форум, 2010.
149. Свиначенко И. «Сильно умные». Разговоры про успех. — М.: ЭКСМО, 2004.
150. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
151. Селеньи И. Лекция Ивана Селеньи «Строительство капитализма без капиталистов — три пути перехода от социализма к капитализму» 14.03.2006 / Русские чтения. Выпуск 3. (Сборник материалов программы Института общественного проектирования «Русские чтения» за январь-июнь 2006 г.). — М., 2006.
152. Серл Д. Открывая сознание заново. — М.: Идея-Пресс, 2002.
153. Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. — СПб.: Питер, 2005.
154. Соколов С. Школа для дураков. Между собакой и волком. Палисандрия. Эссе. — СПб.: Азбука-классика, 2009.
155. Соколофф Ж. Бедная держава: История России с 1815 года до наших дней. — М.: ГУ ВШЭ, 2008.
156. Спенсер Г. Синтетическая философия. — Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1997.
157. Танцов А. Дэн Сяопин. — М.: Мол. гвардия, 2013.
158. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. — СПб.: Владимир Даль, 2002.
159. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. — М.: ГУ ВШЭ, 2011.
160. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. — М.: Юристь, 1995.
161. Тимофеев Л. Институциональная коррупция. Очерки теории. — М.: РГГУ, 2000.
162. Токвиль А. Демократия в Америке. — М.: Прогресс, 1994.

163. Томас У.А. Живучесть первично-групповых норм в современном обществе и их влияние в нашей образовательной системе // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: сб. переводов. — М.: ИНИОН РАН, 2010.
164. Тоффлер О. Третья волна. — М.: АСТ, 2003.
165. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. — М.: АСТ, 2007.
166. Уорнер У. Живые и мертвые. — М., СПб.: Университетская кн., 2000.
167. Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое лит. обозрение. — 2009. — № 100.
168. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М.: Издательский дом «Классика – XXI», 2011.
169. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. — М.: Политиздат, 1990. — С. 157–163.
170. Фуко М. Слова и вещи. — М.: Прогресс, 1977.
171. Фуко М. Археология знания. — Киев: НикаЦентр, 1996.
172. Фурман Д. Сталин и мы с религиозоведческой точки зрения // Осмыслить культ Сталина. — М.: Прогресс, 1989. — С. 402–426.
173. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб.: Наука, 2000.
174. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993.
175. Хана П. Второй мир. — М.: Европа, 2010.
176. Хейзинга И. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. — М.: Наука, 1988.
177. Хиршман А. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
178. Хэдлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. — М.: ГУ ВШЭ, 2015.
179. Шведов С. Книги, которые мы выбирали (Вчерашние бестселлеры и сегодняшние читатели) // Погружение в трясину (Анатомия застоя). — М.: Прогресс, 1991. — С. 389–408.

180. Шевцова Л. Двадцать лет спустя // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — С. 344–351.
181. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
182. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение обществ. — М.: Аспект-Пресс, 1999.
183. Эллиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. — М., СПб.: Университетская кн., 2001.
184. Эллиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. — М.: Яз. славянской культуры, 2002.
185. Юй Хуа. Десять слов про Китай. — М.: Астрель, 2012.
186. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. — М.: Новое лит. обозрение, 2014.
187. Яковенко И. Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России. — М.: Новый хронограф, 2009.
188. Aron R. The Industrial Society: Three Essays on Ideology and Development. — N.Y.: Bentam Books, 1967.
189. Berger P. The Heretical Imperative: Contemporary Possibilities of Religious Affirmation. — Garden City, N.Y.: Anchor press / Doubleday, 1979.
190. Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgment of taste. — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1984.
191. Cicourel A. Cognitive Sociology: language and Meaning in Social Interaction. — N.Y.: The Free Press, 1974.
192. Cicourel A. Notes on the integration of micro- and macro-levels of analysis // Advances in social theory and methodology. Toward an integration of micro- and macro-sociologies. Edited by K. Knorr-Cetina and A.V. Cicourel. — Boston, London and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1981.
193. Cohen A. Kazakhstan: the road to independence. Energy policy and the birth of a nation. — Washington: A Joint Transatlantic Research and Policy Center, 2008.
194. Dave Bh. Kazakhstan: ethnicity, language and power. — London, N.Y.: Routledge, 2008.

195. DiMaggio P., Powell W. Introduction // *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. — Chicago and London: The University of Chicago Press, 1991.
196. Dunham V. In *Stalin's Time: Middleclass values in Soviet Fiction*. Enlarged and Updated Edition. — Durham, London: Duke University Press, 1990.
197. Eisenstadt S.N. *Tradition, Change and Modernity*. — N.Y.: John Wiley & Sons, 1973.
198. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962.
199. Jameson F. *Postmodernism, or Cultural Logic of Late Capitalism* // *New Left Review*. — № 146. — P. 53–92.
200. Knorr-Cetina K. Introduction: The micro-sociological challenge of macro-sociology: towards a reconstruction of social theory and methodology // *Advances in social theory and methodology. Toward an integration of micro- and macro-sociologies*. Edited by K. Knorr-Cetina and A.V. Cicourel. — Boston, London and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1981.
201. Knorr-Cetina K. *Sociality with Objects. Social Relations in Post-social Knowledge Societies* // *Theory, Culture & Society*. — 1997. — Vol. 14. — No. 4. — P. 1–30.
202. Lenski G., Lenski J. *Human Societies: An Introduction to Macro-Sociology*. 2ed. — N.Y.: McGraw-Hill, 1974.
203. Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. — Paris: OECD Development Centre, 1995.
204. Mahoney J. *Path Dependence in Historical Sociology* // *Theory and Society*. — 2000. — Vol. 29. — No. 4. — P. 507–548.
205. Moscovici S. *Social Representations Explorations in Social Psychology*. — Cambridge: Polity Press, 2000.
206. Nazpary J. *Post-Soviet Chaos. Violence and Dispossession in Kazakhstan*. — London: Punto Press, 2002.
207. *Nation-building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
208. Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs. — N.J.: Prentice-Hall, 1966.
209. Pomeranz K. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. — Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000.

210. Rosch E. Cognitive Reference Points // Cognitive Psychology. — 1975. — 7. — P. 532–547.
211. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non — Communist Manifesto, 3rd ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
212. Searle D. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
213. Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Беседы об обществе

— *В современный период истории вопросы «В каком обществе мы живем?» и «Куда мы идем?» актуальны для жителей большинства стран. Очень актуальны они и для постсоветских стран. Но ни социологическая мысль, ни в целом интеллектуальная общественность пока не могут дать удовлетворительные ответы на эти вопросы. На Ваш взгляд, в чем причина этих затруднений и возможно ли определенное прояснение этих вопросов?*

— Действительно, вопросы об устройстве общества и путях его развития в современную эпоху являются крайне актуальными. Ведь человека отличает потребность иметь определенную картину мира, и в этой картине особое значение для него имеют представления об общественной реальности, в которой он находится. Когда же эта реальность подвергается масштабной трансформации, то потребность в понимании происходящего естественным образом обостряется. В переходные периоды такая потребность в понимании происходящего порождает массовые дискуссии о существующей социальной реальности, в которых отстаивается необходимость ее сохранения или трансформации. Любая из этих позиций основывается на определенном нормативном идеале общества, который позволяет или отстаивать существующий порядок, или обосновывать его изменения.

В данное время для постсоветских людей острота вопроса, связанного с идентификацией общественного устройства, несколько спала, например, по сравнению с концом 80-х и началом 90-х годов XX века, так как произошло определенное утверждение новых представлений и связанных с ними социальных отношений. Благодаря им люди обрели возможность для определенной ориентации в происходящих в общественном пространстве процессах. В частности, такими ориентирами в экономическом смысле стало определение «рыночное общество», а в политическом — «демократия». Однако данные общественные дефиниции не позволяют создать целостное представление о современном казахстанском обществе, так как они имеют слишком узкий характер. Опираясь только на определения «рыночное» или «демократическое» в отношении общества, только на

легко фиксируемые внешние признаки, мы фактически совершаем ошибку, замещая целое какой-то его частью. Применительно к обществу это означает, что на основе какой-то части пытаются характеризовать общество в целом, игнорируя остальные его аспекты, считая их лишь производными от экономических или политических институтов. Иронично комментируя такие редукционистские концепции, американский социолог Нил Флигстин отмечает, что такие подходы, в которых абсолютизируется одно из начал, по-своему интересны и в этих историях многое подкупает. Ведь они предлагают простое и удобное объяснение развития общества. Но главная проблема состоит в том, считает Флигстин, что эта история не полная. В отличие от слишком узких концепций, предлагаемых приверженцами однофакторных видений, мы должны помнить, что общество — это сложный комплекс институтов, отношений, взглядов, ценностей и человеческих типов. Жизнь общества организуется не только экономикой и политикой, но более широкой совокупностью социокультурных знаний и практик. Именно они, прежде всего, создают свойственный тому или иному обществу способ жизни. И только в его рамках могут развиваться те или иные модели экономики или политики, именно от способа организации жизни общества зависит, в каком направлении будут развиваться данные институты, которым в нашем общественном дискурсе придаются первичные значения.

Опираясь на идеи экономического или политического подхода как решающих факторов общественного развития, мы не только сужаем и тем самым неизбежно искажаем понимание общественной реальности, но и упрощаем наше видение путей ее развития. Из-за склонности к экономическому и технологическому детерминизму большинство специалистов в сфере социальных наук не только узко определяют проблему развития, но и фактически отождествляют развитие с экономическими и технологическими изменениями. Надо отметить, что сама проблема развития общества строго концептуально еще не осмыслена и, как следствие, термин «развитие» применяется слишком легко, без особого стремления к теоретическому анализу его критериев и предпосылок. При распространенности такого уровня понимания данной проблемы развитие представляют как самоочевидный феномен, а его наиболее существенными критериями считают количе-

ственные показатели. Чаще всего под развитием подразумевают количество определенной продукции, строительство заводов, домов, дорог, а самым главным обобщенным показателем считают рост ВВП. Однако современная эпоха демонстрирует нам, что количество выпускаемой продукции и объем ВВП не могут быть наиболее надежными критериями развития. Так, например, в свое время Советский Союз демонстрировал очень высокие темпы количественного роста, обогнал большинство развитых стран, а нефтедобывающие страны Ближнего Востока по количеству своих доходов превосходят некоторые промышленно развитые страны. Однако специалисты не относят богатые сырьевые страны к развитым современным обществам. Их социокультурная структура все еще остается традиционной, а Советский Союз из-за несоответствия его институциональной структуры современным требованиям был вынужден сойти с дистанции соперничества с развитыми странами.

Если мы посмотрим на проблему развития с точки зрения структуры развитых стран и стран, которые находятся в так называемом «втором» и «третьем мире», то это позволит нам понять, что феномен развития нельзя определять, опираясь лишь на количественные признаки. Естественно, нельзя говорить, что следует игнорировать количественные показатели, они также важны и необходимы. Однако история свидетельствует, что решающей для развития является способность общества трансформировать свою структуру. Без структурных изменений развитие носит лишь внутрисистемный и внутритиповой характер. И такие изменения не приводят к качественному скачку, к переходу в другое состояние. Развитие таких сложных систем, как общество не происходит на основе автоматического перехода количества в качество. Здесь работает закон качественных изменений, при этом переход к новому общественному состоянию может произойти, если в обществе были наработаны определенные социокультурные предпосылки. Среди этих предпосылок важнейшей является способность общества производить сложные дикурсивные практики и на их основе типы социальных деятелей, способных к формированию новых общественных отношений, являющихся более диверсифицированными, чем предшествующие. История свидетельствует, что именно в определенных социокультурных

контекстах, где возникли такие предпосылки, сложились и возможности для формирования обществ, которые мы называем современными или развитыми. Во всех остальных случаях мы наблюдаем общества, которые, имея определенные успехи, порой впечатляющие научно-технические результаты, как, например, Советский Союз, тем не менее не смогли стать современными. При отсутствии достаточных возможностей для формирования современных социокультурных структур никакие достижения в отдельных сферах общества, даже если они носят массовый характер, не обеспечивают развития, приводящего к переходу от традиционных и полутрадиционных состояний к современным отношениям. Анализ опыта стран, в определенные периоды своей истории демонстрировавших высокую динамику количественного роста, но в итоге не сумевших войти в сообщество развитых стран, также позволил выявить существование такого распространенного феномена, определенного как «рост без развития».

— *Не кажется ли Вам, что проблема развития связана не только с объективными предпосылками. Наверное, имеют место и субъективные просчеты, которые помешали нахождению более правильных путей развития. Все-таки имеет место феномен не только объективных условий, но и упущенных возможностей, иначе получается слишком жесткая детерминистская картина развития.*

— На мой взгляд, поверхностное понимание феномена развития, прежде всего, как совокупности количественных изменений, непонимание содержания базовых предпосылок, обеспечивающих структурную трансформацию общества, приводит к распространенным выводам об упущенных возможностях развития той или иной страны. Так, очень часто говорят о Советском Союзе (варианты: Россия, Мексика или Аргентина) как о стране «упущенных возможностей», но при этом само понятие «упущенные возможности» не эксплицируется, а применяется как концепт, который не требует никаких уточнений. Также детально не анализируют, какие конкретные возможности были упущены. Автоматически считается, что это возможности развития и процветания. Но исследователи «упущенных возможностей» не утруждают себя серьезным анализом всей совокупности предпосылок этих воз-

возможностей. Очень часто под возможностью понимается определенное правильное политическое решение, расстановка сил внутри или вне страны. Считается, что при правильном понимании внутренней и внешней конъюнктуры, при правильно принятом решении политического руководства возможности альтернативного исторического развития той или иной страны были бы не упущены. Действительно, нельзя игнорировать тот факт, что правильное понимание и основанные на нем правильные решения ведущих акторов могут благоприятно повлиять на использование тех или иных возможностей развития определенной страны. Однако в истории большинства стран мира наблюдается «дурная» повторяемость «упущенных возможностей», и если не говорить о некоем злом роке или закономерности, то, по крайней мере, можно говорить об определенной зависимости между определенными предпосылками и определенными последствиями в истории этих стран. Такую устойчивую повторяемость «упущенных возможностей» нельзя сводить лишь к ошибочным решениям или проискам внешних сил. На мой взгляд, то, что считают «упущенными возможностями», подразумевая под ними неправильно принятые ошибочные решения, очень часто является результатом общих исторических возможностей той или иной страны. Возьмем для примера неудачу реформ в СССР, связываемых с инициативами А.Н. Косыгина. Эти реформы, на мой взгляд, были обречены на неудачу, так как за ними не было ни достаточных интеллектуальных, ни социально-политических сил. А понимание их необходимости и желание их проведения были свойственны лишь небольшой группе, не обладавшей достаточными ресурсами для масштабных изменений в обществе.

Фактически в определенный промежуток исторического времени при неизбежном сочетании доли правильных и неправильных решений общий итог для общества будет соответствовать совокупности его исторических возможностей. К сожалению, большинство стран не имеют набор возможностей, позволяющих им войти в сообщество развитых стран. И изменить свои исторические возможности только за счет принятия правильных решений крайне маловероятно, они возможны лишь при совпадении таких решений с совокупностью внутренних и внешних предпосылок, при этом первые для развития страны всегда важнее, чем вторые.

— *Получается, что Вы считаете крайне маловероятным влияние правильных или неправильных решений политического руководства на развитие той или иной страны?*

— Я не исключаю влияния политических решений на развитие страны, как и необходимость учета соотношения сил внутри и вне страны. Нельзя не признавать значения политических решений для расширения или сужения и даже блокирования возможностей развития страны. История постсоветских стран в этом плане наглядно демонстрирует последствия тех или иных политических решений. Если сравнивать последствия политических решений 90-х и начала двухтысячных, то мы должны признать, что казахстанский вариант политики переходного периода был более правильным, чем политика в большинстве постсоветских стран. В одних постсоветских странах последствия политических решений привели к масштабным катаклизмам, а в других — к их стагнации. Поэтому история постсоветских стран позволяет наглядно убедиться в значении правильных или неправильных политических решений. Но любое политическое решение будет эффективным лишь при условии его соответствия историческим возможностям страны. И надо признать, что большинство стран мира пока не имеет достаточных социокультурных предпосылок, необходимых для модернизации, а значит, и возможностей для современного развития. И в этих случаях, к сожалению, никакие правильные решения принципиально не изменят ситуацию в этих странах. Ведь большинство решений — это не только результат правильных представлений и расчетов. Они, прежде всего, результат доминирующего в обществе габитуса, то есть системы глубоко укорененных предрасположенностей мыслить и действовать, свойственных большинству жителей определенной страны, и в том числе его элите. Габитус любого общества — это результат его истории, результат бесчисленных практик в различных сферах взаимодействия. Габитусы воспроизводятся как в повседневной жизни, так и в специализированных сферах общества. Общие свойства габитуса в любой сфере — устойчивость и слабая подверженность рефлексии, и поэтому габитус очень трудно корректировать, очень трудно изменить. То, как трудно изменить габитус, концентрированно видно и на примере института об-

разования, призванного изменить общество на основе приобщения его членов к современным концепциям и ценностям. При непрерывных реформах системы нашего образования пока фактически незыблемым остается габитус большинства членов этого института. И когда возмущаются качеством решений, следует помнить и о вкладе, который внес институт образования в эти решения. Однако представителям этого института, в том числе и преподавательскому корпусу, свойственно стремление дистанцироваться от фактов некачественного управления, демонстрируемых властью или бизнесом. Но ведь они в основной массе обучались в системе образования нашего общества и во многом социализировались благодаря ей.

Для иллюстрации приведем пример перестройки в Советском Союзе. История перестройки более или менее известна почти всем нам. Считается, что если бы Горбачевым и его окружением не были допущены фатальные ошибки, связанные с приоритетностью реформ, то есть они были бы начаты не с политики, а с экономики, как, например, в Китае, то реформирование страны было бы более успешным и, самое главное, оно не привело бы к распаду СССР. Однако вряд ли на тот момент истории в Советском Союзе на уровне высшего руководства страны была возможность проведения таких взвешенных и поэтапных реформ. В пользу этого печального вывода свидетельствует не только качество сторонников и оппонентов Горбачева, но и вся предшествующая история советской системы. Для нее всегда было характерным преобладание кампанейщины над прагматизмом. И еще один печальный результат предшествующей истории — объективное ухудшение качества высшего руководства Советского Союза, что иллюстрируют не только сторонники, но и оппоненты Горбачева, в частности путчисты. Кто наблюдал за ними в течение трех дней попытки путча в августе 1991 года, должен согласиться с этим выводом.

В целом, в тот период советской истории продуманного и поэтапного плана действий, программы реализации реформ не имело ни политическое руководство, ни экспертное сообщество. Исходя из этих фактов, наверное, следует говорить об общих исторических возможностях страны, а не только о просчетах высшего руководства. Поэтому, к сожалению, для сторонников кон-

цепции «упущенных возможностей» в данном случае все случилось в соответствии с традицией и сформированным на ее основе качеством руководства страны, да и не только руководства. Я считаю известный афоризм «Каждый народ заслуживает своего правительства» в принципе верным, и его можно расширить: общество, а значит народ, создает и воспитывает не только членов правительства, но и элиту в целом. Она, в свою очередь, в дальнейшем играет активную роль в жизни страны. Однако возможности элиты всегда ограничены ее историческим уровнем, поэтому, когда массы недовольны результатами деятельности своей элиты, следует помнить, что ее не импортировали, а вырастили в данной стране. Когда обвиняют правительство или в целом элиту, когда слишком узко понимают сакраментальный вопрос «Кто виноват?», то на эти обвинения и на этот вопрос следует отвечать, что в той или иной степени виноваты все, и не только нынешнее поколение. При таком расширенном понимании проблемы появляется возможность для более объективного взгляда на существующее положение дел и шанс избежать ложных локализаций. Практикуемые на постсоветском пространстве, да и в целом популярные в странах «второго» и «третьего мира» узколокальные обвинительные концепции психологически удобны, но исторически непродуктивны. Они и в дальнейшем не обретут позитивность, так как в основе своей ложные.

Также нередко эксперты, не утруждая себя особым анализом, заявляют в отношении той или иной страны, испытывающей хронические трудности с развитием, что ее рано или поздно ждет переход в разряд модернизированных стран, или, как принято считать среди данного сообщества, в разряд «нормальных» стран. Я считаю, что такие точки зрения основаны на наивном детерминизме, исходящем из веры в некий безусловный и универсальный закон поступательного развития. И раз такой закон существует, то рано или поздно все страны смогут модернизироваться и стать «нормальными». Но как на индивидуальном уровне, так и на уровне страны не существует безусловной и безальтернативной универсальной возможности развития. Как на уровне индивида, так и на уровне общества возможность развития зависит от конкретных предпосылок и факторов. И в зависимости от их наличия, уровня и соотношения развитие может протекать в различ-

ных версиях и темпах, а также может быть заблокировано или повернуто вспять. Также следует учитывать, что из-за особенностей индивидуальной биографии и коллективной истории цели развития могут очень существенно расходиться с прошлым отдельного человека и общества. И в этом случае прошлое не может быть просто списано в архив, поскольку оно обладает очень большой возможностью корректировать понимание человеком и обществом этих целей развития и путей их достижения.

Расхождения между желанием стать современной конкурентоспособной страной и реальным положением дел во многом обусловлены тем, что страны, ставшие на путь современного развития, не имеют для этого достаточных предпосылок, прежде всего социокультурных. Они испытывают хронические трудности с изменением своей идентичности и возможностями ее встраивания в контекст современных процессов, определяемых логикой развития передовых стран. Имеющиеся противоречия между структурой современной жизни и идентичностью субъекта модернизации очень редко могут быть преодолены на основе критической рефлексии и объективного анализа существующего положения дел. Чаще всего субъектам модернизации свойственно не только естественное эмоциональное отношение к своей традиции и системе ценностей, но и такое же повышенное эмоциональное восприятие модернизационных образцов. В отношении таких образцов, в виде институтов развитых стран, и прежде всего Запада, у стран догоняющей модернизации формируется как комплекс обожания, так и их крайнее неприятие. История изобилует примерами, когда из-за невозможности рационального постижения элитой целей и возможных путей развития страны догоняющей модернизации оказываются в ловушке дуалистического сознания, которое не может быть адекватной когнитивной основой такого сложного вида общественного развития, называемого модернизацией.

Из-за отсутствия необходимых социокультурных предпосылок или их недостаточного объема большинство стран догоняющей модернизации постигает разочарование, и оно, как правило, приводит к отрицанию способов современного развития и опыта стран, которые успешно модернизировались. В этом случае наблюдается противопоставление своей традиции и идентичности ценностям и нормам развитых стран, обостряется желание обос-

новать свою уникальность и свой особый альтернативный путь развития. В результате такое общество может законсервировать и даже усилить некоторые институты, которые служат препятствием на пути модернизации. Как итог, такая страна не только осложняет свои возможности модернизации, но, стремясь развиваться радикально альтернативным способом, она может если не блокировать возможности модернизации, то, по крайней мере, делать ее недостижимой в обозримом будущем.

— *А какие альтернативы редуccionистским концепциям развития общества имеются в современной социальной науке?*

— За несколько столетий в рамках социальной теории были выработаны различные подходы к определению и объяснению общественной реальности. Каждый из них опирался на определенные эпистемологические предпосылки, и, соответственно, они формировали дискурсы, которые в свою очередь задавали определенные ракурсы видения и способы интерпретации социальных фактов. Но наиболее популярными, как мы уже отмечали, являются дискурсы и концепции, основанные на производственно-технологических критериях. Такой подход очень удобен и хорошо подтверждается наглядными материальными артефактами. Например, по логике такого подхода при очень примитивных технологиях было общество охотников и собирателей. Затем с прогрессом технологий ему на смену приходит аграрное общество, а на основе технологических изменений на смену аграрному приходит промышленное, или индустриальное, общество. Популярные концепции «стадии роста» Уолта Ростоу, постиндустриального общества Дэниела Белла, «третьей волны» Олвина Тоффлера также основываются на идее технологического детерминизма. В силу исторических причин в нашем обществе, как и в других постсоветских странах, была популярна и до сих пор сохраняет свое влияние формационная теория Карла Маркса, но в ее очень упрощенной экономико-технологической интерпретации.

Начиная с середины XIX века, в понимании общества особое место занимала дихотомия «капитализм–социализм». Причиной ее популярности были исторические процессы в ведущих странах мира, связанные как с промышленным прогрессом, так и с появ-

лением новых классов, прежде всего, класса капиталистов и рабочих. Большой вклад в закрепление данной проблематики в науке и в общественном сознании внесли Маркс и его последователи. Хотя, конечно, такие масштабные общественные явления, как капитализм и социализм, а также классовые отношения двух крупнейших субъектов последних столетий, как буржуазия и пролетариат привлекали внимание и других крупных социальных мыслителей. Пока же мне бы хотелось закончить мысль выводом, что все эти экономические и технологические концепции по-своему эвристичны, и в силу удобства, проистекающего из фактически однофакторного объяснения общественных процессов, они позволяют достаточно легко и просто классифицировать общественную систему, выстраивать иерархию причин и следствий. В силу такого когнитивного удобства они стали очень популярными как в научном сообществе, так и в широких общественных кругах. Более сложные концепции общества требуют и больших семантических затрат, а людям свойственно стремление избегать лишних трудностей. Но в результате в жертву такому когнитивному комфорту приносится возможность получить более широкое и более комплексное видение общества. Мне также хочется подчеркнуть, что популярность однофакторных детерминаций в социальной теории имеет не только психологические причины, а является результатом когнитивных возможностей того или иного научного сообщества.

Конечно же, в социальной теории были и есть концепции, которые позволяют уйти от узко производственно-технологического подхода к пониманию общества и формируют более целостное видение общественных процессов. Одним из первых социологов, внесших особый вклад в становление более целостных представлений, был Эмиль Дюркгейм. Его концепция «механической» и «органической» солидарности, основанная на роли социокультурной дифференциации в развитии общественных систем, способствовала преодолению в социологии редукционистских подходов и утверждению в среде научного сообщества более сложных и комплексных представлений об обществе. Дюркгейму удалось на основе структурного подхода показать общество как сложную и взаимосвязанную совокупность социальных институ-

тов и объяснить возможности его развития как производную от уровня его социокультурной дифференциации и сложности.

К таким комплексным концепциям, несомненно, относится и теория общества Макса Вебера, особенно детально продуманная им по отношению к феномену капитализма. В отличие от материалистической трактовки капитализма в марксизме, Вебер считал, что данный общественный феномен есть порождение особого сочетания материальных и духовных факторов. Символично, что его главная работа называется «Протестантская этика и дух капитализма». Веберу удалось преодолеть поверхностное понимание капитализма как экономической деятельности, целиком основанной лишь на стремлении к наживе, и, основываясь на более сложной аргументации, продемонстрировать, что капитализм по сравнению с предшествующими социально-экономическими системами является исторически наиболее рациональным способом организации экономической жизни. По Веберу, эффективность капитализма объясняется сочетанием материального интереса, религиозно-этических ценностей, профессионализма и исторически беспрецедентной организационной культуры.

Наследие Макса Вебера не ограничивается лишь его вкладом в исследование феномена капитализма. Оно очень обширно и многогранно. Особо следует отметить его вклад в формирование современного социологического мышления. Один из его учеников определил вклад Макса Вебера в социальную науку как ученого, сыгравшего большую роль в преодолении редуccionистских подходов и заложившего традиции «многомерной понятийности».

Для понимания современных общественных процессов особое значение имеет социологическая традиция, заложенная Фердинандом Тённисом. По его мнению, общества можно разделить на два основных типа. Первый тип характеризуется преобладанием общинных отношений, в рамках которых взаимодействие людей имеет более личный и более эмоциональный характер. Эти отношения не делятся так жестко на деловые и личные, как в современном обществе. На смену этому типу общества приходит социальная система, где преобладает функциональная эффективность и приветствуется разделение рабочих и личных отношений. Тённис определил эти два общественных типа немецкими поня-

тиями «Gemeinschaft» и «Gesellschaft». В силу того, что эти понятия трудно переводимы на другие языки, в социологии принято использовать их в немецкой транскрипции с соответствующими уточнениями их признаков. Фердинанд Тённис явно симпатизировал первому типу общества с его органичными и, как он считал, более теплыми человеческими отношениями, а также с сожалением констатировал, что их вытесняют прагматичные, более строгие и более холодные современные отношения. Действительно, с великим немецким социологом отчасти можно согласиться в том, что, в отличие от традиционных взаимодействий, отношения в современном обществе стали более функциональными и более строгими. Но оказалось, что такая эволюция общественных отношений несла в себе для человека не только негативные последствия. Современное общество, не отменяя полностью общности традиционного типа, дает гораздо больше возможностей для индивидуализации и автономии человека, освобождает его от слишком жестких и predetermined уз малых групп, характерных для традиционного общества. Впоследствии исследователи, не склонные романтизировать традиционные отношения в духе Фердинанда Тённиса, смогли увидеть и негативные стороны общинной жизни. Так, американские специалисты, обращая внимание на безальтернативный и во многом бесцеремонный характер взаимоотношений в малых группах традиционного типа, ввели в социологический словарь понятие «деструктивный Gemeinschaft»». А Никлас Луман к одним из позитивных последствий современного функционально-дифференцированного общества, то есть общества, которое в терминах Тённиса определяется как «Gesellschaft», причисляет и освобождение человека «от террора совместной деревенской жизни».

Однако, несмотря на неизбежные недостатки теории общества, сформулированной этим выдающимся социологом, ее значимость можно понять, если учесть мнение одного из социологов, отметившего, что всю последующую социологию можно рассматривать как расширенный комментарий к концепции Фердинанда Тённиса о двух типах обществ — «Gemeinschaft» и «Gesellschaft».

Работы названных выше классиков составили основу для формирования в современной социологии более широкого пони-

мания общества, в рамках которого удалось преодолеть распространенный теоретический изъян, связанный с упрощенным объяснением общества на основе одного фактора. Такое более широкое и целостное понимание общества было воплощено в концепциях «традиционного» и «современного» общества.

— Можно ли более подробно рассмотреть теоретические преимущества данных концепций общества и конкретизировать возможности, которые они дают для более широкого понимания общественной реальности.

— Прежде всего, следует оговориться, что понятия «традиционное общество» и «современное общество», как и все другие понятия, являются абстракциями, «идеальными типами». Поэтому в реальности мы никогда не найдем ни чистого традиционного общества, ни современного общества, как и не найдем чистого капитализма или социализма. Если более подробно остановиться на особенностях этих концепций, то традиционное общество не определяется только через приверженность традиции, так как в реальности нетрадиционных обществ не бывает. Любые современные страны, в том числе и самые передовые, имеют свои традиции. Здесь достаточно привести пример Великобритании или Японии. Хотя надо отметить, что данные современные страны наглядны в своей традиционности, прежде всего, через сохранение некоторых своих широко известных миру социокультурных ритуалов. Следует подчеркнуть, что не так явно, но традиции присутствуют и сохраняются в любом обществе, в силу того, что человек не имеет возможности целенаправленно управлять ими, прекращать или возобновлять их влияние. В современном мировом социогуманитарном знании на основе идей Мартина Хайдеггера, Ханса-Георга Гадамера, Хосе Ортеги-и-Гассета и ряда других мыслителей удалось преодолеть ложную дихотомию «традиция-инновация», их упрощенное противопоставление. Благодаря названным мыслителям произошло осознание того, что практически вся наша деятельность происходит в контексте традиции, на основе сформированных в ее лоне предпосылок и предрассудков. Реабилитация предрассудка как фундаментального условия нашей способности к рассуждению была осуществлена Гадамером, в частности, через иное написание этого слова, как — «пред-рас-

судка». Тем самым явление и определяющее его понятие, которое длительное время объявлялось как синоним суеверия, как определение не критического мнения, препятствующего развитию разума, обрело статус обязательного, можно сказать, базисного условия самого нашего состояния рассуждать о чем-либо. По Гадамеру, когда мы рассуждаем об определенном явлении, то это происходит не само по себе и наша способность к рассуждению не порождает сама себя безотносительно к предшествующей ментальной традиции. Наши рассуждения о чем-либо всегда опираются на определенные предпосылки, на массивы предшествующих опытов рассуждений, то есть на пред-рассудки. Гадамер подчеркивает, что все наши рассуждения протекают в определенном историческом контексте, образование которого также происходит на основе пред-рассудков. А Ортега-и-Гассет по поводу значения пред-рассудков для человека высказался еще более радикально, заявив, что «предрассудков не было только у орангутанга».

Конечно, нельзя говорить, что названные выше мыслители, подчеркивая значение традиций, занимались апологией предрассудков, хотя у Хайдеггера были довольно сильные ностальгические установки. Их заслуга в том, что после данных рефлексий по поводу традиции мы уже не можем соглашаться рассматривать соотношение традиции и развития через призму дуалистических категорий.

Однако мы также не можем, соглашаясь с выводом о неустранимости традиции, считать, что между традиционным обществом и современным нет никаких различий в аспекте значения традиций в их жизни. Различия между этими обществами происходят из их фундаментальных ценностных ориентаций и основанных на них норм. Так, если в традиционном обществе основой всех базисных ценностей и норм является их ориентированность на прошлое, то современность отличает преобладающая ориентация на настоящее и будущее. Также эти два типа общества отличаются по важнейшим социальным характеристикам, среди которых можно выделить особенности социальной стратификации и типов солидарности. Социальную стратификацию традиционных обществ отличает преобладание сословно-кастовых систем социальной иерархии предписанного типа, а современное общество — классовых, больше основанных на достижительных

нормах. Для социальной солидарности в традиционных обществах характерно преобладание их локальных типов, когда люди идентифицируют себя преимущественно с родоплеменными образованиями и с территорией своего происхождения. В современном же обществе на первый план выходят профессиональные и общенациональные типы солидарности. Очень существенно характеризуют различие между двумя типами обществ и преобладающие в них стили мышления и основанные на них социокультурные представления. В традиционном обществе доминирует более жесткая фундаменталистская логика, а в современном обществе — более сложное и более толерантное мышление.

Но главное отличие концепции «традиционного» и «современного общества» от теорий, основанных на производственно-технологических критериях, в том, что она не опирается на один объяснительный фактор, а рассматривает данные типы общества как результат определенной структуры его институтов. Здесь на первый план выходит именно способ организации, способ устройства общества в целом, а экономические и политические отношения рассматриваются как часть этой структуры. В рамках данной концепции эмпирически очень убедительно доказывается, что интенсивность, масштаб и качество тех или иных способов производства, а также технологический потенциал общества решающим образом зависят от структуры его институтов, то есть от способа организации социокультурной жизни определенного общества.

— Данный подход к исследованию общества пока не получил должного развития в нашем контексте, и поэтому, наверное, стоит более подробно рассмотреть институциональные характеристики традиционного и современного общества.

— Как уже отмечалось, в рамках данного подхода общество рассматривается как исторический способ взаимодействия всех его институтов, а не через абсолютизацию только одной институциональной сферы. Тем самым мы достигаем более широкого, более многомерного взгляда на общество. Если рассматривать традиционное и современное общество, основываясь на структуре их институтов, то тогда мы видим два основных типа их организации. В первом случае структура институтов основана на

иерархии, а во втором — на полицентрических нормах. Поэтому такие общественные системы можно определять как «иерархические» и «полицентрические».

Структура институтов традиционного общества исторически выстраивалась на основе господства двух институтов: политики и религии. В XX веке во многих странах, в целом сохранивших такую традиционно-иерархическую структуру, религию замещает авторитарная идеология или имеет место определенный ее симбиоз с религией. В таких странах сохраняется общий принцип организации общества, основанного на господстве политических структур и институтов, формирующих представления и верования людей. Обобщенно такую власть можно определить как идеократию. Исторически наиболее известными примерами таких обществ в современном мире являются СССР и другие страны «реального социализма». Такой способ институциональной организации общества является исторически наиболее распространенным, и его мы наблюдаем с момента возникновения первых государств. Данный способ организации институтов также сохраняется в большинстве стран и в наше время.

Институциональная структура подобного рода, несмотря на неизбежные содержательные различия, обусловленные временными, а также цивилизационно-культурными особенностями определенных стран, порождает определенные устойчивые последствия. В такой структуре идеократия имеет право на прямой контроль и принуждение по отношению к другим институтам общества. Вспомним судьбу Сократа, Джордана Бруно и Галилея или ситуацию с экономикой, образованием, наукой в Советском Союзе. Все эти факты свидетельствуют, что во всех иерархических обществах политика и религия, а в современный период истории и идеология как светская версия религии имеют право на принуждение по отношению к другим институтам. При наличии такой иерархической структуры вторжение институтов идеократии в деятельность других институтов мы наблюдаем от Древнего мира до наших дней. Естественно, незащищенность большинства институтов от вторжения господствующих, отсутствие возможности их автономного развития негативно сказываются на эффективности подчиненных институтов. Особенно это стало явным, когда ряд обществ сумели трансформировать свою

институциональную структуру и вместо традиционного иерархического создали социокультурный порядок полицентрического типа. Такая институциональная структура оказалась очень благоприятной для динамичного развития промышленности, науки, образования и культурного разнообразия. В рамках полицентрической институциональной структуры нет института, занимающего господствующее положение, здесь каждая сфера общества получает возможность для дифференцированного развития. При этом дифференциация ограничивается не только технической специализацией, но и приводит к формированию различных способов жизни, множества субкультур.

— Но ведь у такой дифференциации есть и негативные последствия. И разве появление множества способов жизни и культурных течений не подрывает целостности общества? А слишком глубокая специализация не ведет к потере целостности человека?

— Такими вопросами человечество задается с момента возникновения дифференцированного общества. Они постоянно воспроизводятся из-за особенностей жизни в современном мире, так как процесс социокультурной дифференциации неизбежно порождает межгрупповые и личностные конфликты, связанные с усложнением экзистенциальных проблем современного человека. Под воздействием психологических трудностей, порождаемых дифференциацией, возникает стремление к возврату в более комфортные традиционные состояния. Мы уже об этом говорили на примере широко известной концепции Фердинанда Тённиса. Но как бы мы ни тяготились определенными последствиями дифференциации, тем не менее законы развития неумолимы. Развитие на любом уровне основывается на дифференциации, и без нее оно невозможно.

В современных условиях необходимость масштабной дифференциации, выходящей за рамки только технической специализации, обусловлена тем, что сложные виды деятельности, освоение и производство сложных технологий в любой сфере общества требуют не только технических навыков, но и особого типа человека. А его нельзя создать только в рамках времени, отведенного на работу. Он должен жить в определенной социальной и

культурной среде, которая отличается от других и способствует его формированию как носителя не только специфического навыка, но и специфических социокультурных качеств. По этому поводу можно привести сравнительные примеры из жизни развитых современных стран и развивающихся. Профессиональные кадры в этих обществах отличаются не только выучкой и уровнем производительности труда, но и такими социокультурными качествами, как тип мышления, структура эмоций и даже телесными характеристиками. И, в конечном счете, набор этих качеств, сформированных особым образом жизни, или их недостаток предопределяют качество профессиональных кадров. О социокультурной дифференциации современного типа можно говорить, когда у различных сообществ формируются специфические габитусы и идентичности. Известный специалист по проблеме модернизации Шмуэль Эйзенштадт, определяя такие способы самоидентификации как «автономные идентичности», считал, что развивающиеся общества, в большинстве своем сохранившие традиционный синкретизм, страдают от неразвитости таких типов идентичности.

В целом, по прошествии достаточно длительного времени сосуществования двух институциональных структур можно эмпирически обоснованно утверждать, что в деле развития промышленных, образовательных и научных технологий мы видим явное и устойчивое превосходство полицентрической модели. Если мы рассмотрим институциональную структуру развитых стран, или стран так называемого «первого мира», и сравним ее с институциональной структурой стран «второго» и «третьего мира», то обнаружим, что во всех странах «первого мира» имеет место полицентрическая структура институтов, а в странах «второго» и «третьего мира» — разновидности иерархической структуры институтов. Такую взаимосвязь между структурой институтов и уровнем развития следует считать закономерной, и пока исключений из этого социокультурного закона не наблюдалось. Все страны, сумевшие перейти из «второго» и «третьего мира» в «первый», осуществили такой переход только через трансформацию иерархической институциональной структуры в полицентрическую систему.

Многочисленные попытки развиваться через заимствование технологий, сохранив при этом традиционную структуру институтов, давали странам, выбравшим такую модель, краткосрочный эффект, но затем более устойчивое воздействие институциональной структуры не позволяло решить проблему модернизации. Наиболее наглядным примером невозможности обеспечить устойчивое развитие, при сохранении традиционной иерархической системы институтов, является история Советского Союза. За свое, по историческим меркам, короткое существование советская система во многих сферах добилась значительных результатов, а в научно-техническом развитии ее достижения можно назвать впечатляющими. Достаточно вспомнить ее первенство в космосе и ряде других сфер, и в целом она в течение нескольких десятилетий была довольно конкурентоспособна по отношению к ведущим странам мира. Но все ее научно-технические достижения не смогли компенсировать отсутствие современной институциональной структуры, подтвердив истину, что структурный порок нельзя излечить, не трансформировав его. Из-за подобной институциональной структуры хронически отставали в своем развитии от других европейских стран и восточноевропейские страны. Так, когда-то Чехия и Моравия были наиболее развитыми регионами Австро-Венгерской империи, а после Второй мировой войны они, ставшие частью социалистической Чехословакии, уже отставали в своем развитии от Австрии. Такая же участь постигла ГДР, которая очень сильно отстала в своем развитии от Западной Германии. И после включения в состав ФРГ восточногерманские земли по прошествии почти тридцати лет все еще отстают от других его регионов.

Такие же различия и даже их более жесткую выраженность в рамках одной национальной культуры мы наблюдаем и в Азии. Так, если взять разрывы в уровне развития коммунистического Китая при Мао Цзэдуне и Китайской Республикой на Тайване или между Северной и Южной Кореей, то они могут быть адекватно объяснены именно различием их институциональной структуры. Из-за различий в институциональной структуре одни и те же народы, живущие в рамках двух общественных систем, имели и имеют полярные итоги развития: на одном полюсе — обездоленные китайцы времени Мао и северокорейцы, поныне

влачащие полугодное существование, а на другом — их собратья из Тайваня и Южной Кореи, сумевшие стать членами клуба стран «первого мира».

Да и нынешние успехи континентального Китая есть результат не улучшения централизованного планирования или повышения качества директив центрального комитета КПК, а результат того, что экономика и индивидуальная энергия китайцев получили значительную автономию и освободились от жесткого политического и идеологического диктата. Благодаря уже такой первичной трансформации своих институтов Китай добился огромных успехов и стал второй по объему экономикой мира. Но прочное закрепление Китая на ведущих позициях зависит от возможностей китайского общества создать и утвердить современную институциональную структуру.

Значение структуры, ее первичность по отношению к отдельным технологиям можно проиллюстрировать техническими примерами. Так, если сравнить две символические автомашины — «Волгу» и «Мерседес», то очевидно, что данное сравнение не в пользу первой. И если задаться целью — улучшить характеристики «Волги» и приблизить ее к «Мерседесу», например, через покупку лицензии на двигатель последнего, то такое усовершенствование, конечно, не позволит получить аналог «Мерседеса». Благодаря новому двигателю «Волга» станет более мощной, но по другим своим качествам она будет не только уступать машинам типа «Мерседеса», но и подвергнется достаточно быстрому разрушению из-за несоответствия своей несовершенной конструкции более сильному двигателю. Данный пример с автомобилями мы можем еще более радикализировать. Так, если мы хотим, чтобы автомашина не только ездил, но и летала, то этого нельзя добиться, как бы мы ни увеличивали мощность двигателя. Для этой цели необходима не только большая мощность двигателя, но и совершенно другая конструкция машины.

Рассмотренные нами технические примеры позволяют увидеть значение структуры, способа комбинирования элементов как решающего фактора бытия любых феноменов — от более простых, технических, до самых сложных, общественных. Схожие последствия, как при рассмотренных примерах с машинами, наблюдаются во многих странах, которые пытались решать пробле-

му модернизации на основе только технологических заимствований, сохраняя иерархическую структуру институтов. Такую упрощенную модель развития Мерабом Мамардашвили определял как «технологическую пришлепку». Ставка только на заимствование технологий, во-первых, дает краткосрочный эффект, а во-вторых, в долгосрочном плане она также оказывает дестабилизирующее влияние на традиционную институциональную систему. Традиционная система при таком подходе теряет свою органичность, раскалывается на жестких охранителей, на ретроградов и на сторонников современного развития. А в силу отсутствия необходимого социокультурного контекста эффективность заимствованной технологии оказывается на порядок ниже, чем в современных странах. В целом, все попытки обеспечения развития любого общества через технологическое заимствование при сохранении традиционной структуры институтов не приводили к желаемому результату. Конечно же, происходило определенное продвижение вперед, но устойчивого роста и масштабного технологического прорыва не получалось. Значительный технологический прорыв был осуществлен в советском обществе, но, как мы уже знаем, по историческим меркам он был быстро исчерпан.

— В последние годы в проблематике социальных наук все большую популярность завоевывает институционализм. А как обстоит дело с изучением институтов в казахстанской социологии?

— Институты являются основополагающими элементами общественной жизни. Арнольд Тойнби подчеркивал, что изучать институты — значит изучать общество. И в мировой социологической традиции институциональный подход является одним из основных способов анализа общественных систем. К сожалению, из-за особенности советской истории мы были отчуждены от большинства достижений мировой социологии, в том числе и от институциональной теории. И, конечно, для преодоления последствий такого отчуждения требуется время.

Но популярность институционализма все же растет. В последние годы термины «институт» и «институциональная модернизация» благодаря СМИ стали широко распространенными в общественном дискурсе. У такой популярности есть две стороны. С

одной стороны, общественность осваивает новые понятия и, соответственно, получает возможности для новых и более сложных способов структурирования социокультурных фактов. Но с другой стороны, мы видим, что медиа активные субъекты, не утруждая себя особой рефлексией, очень поверхностно рассуждают об «институциональном проектировании» или об изменении «институционального дизайна». Такие взгляды характерны не только для обозревателей и журналистов, которые, не будучи специалистами по проблеме институтов, могут позволять себе определенную теоретическую вольность. Но, к сожалению, формированию таких поверхностных представлений об институтах способствуют и профессиональные ученые. Так, очень популярный специалист по проблеме социальных институтов Дуглас Норт также неоднократно высказывался по поводу проектирования и создания институтов, необходимых для современного развития. Он считает, что условием успешного развития является точное понимание происходящего, что позволит, по его мнению, обеспечить соответствующие изменения институтов определенного общества. При этом Норту, как и других любителей такой терминологии, отличает очень поверхностное понимание социальных институтов. В их понимании институты отождествляются или с правилами, или с организациями, которые можно целенаправленно учреждать или изменять, если в этом есть необходимость. Но социальные институты — это слишком масштабные феномены, и они формируются в течение длительного времени, при наличии определенных возможностей у общества, которое стремится модернизировать свои институты. Социальные институты невозможно учредить, они могут возникать и развиваться, если общество наработало соответствующие предпосылки, прежде всего, в виде большого массива социокультурных знаний и навыков, наличия достаточного количества людей с определенными предрасположенностями.

Эти выводы подтверждаются неудачными попытками модернизации многих стран, и для некоторых из них они стали хроническими, так как основная проблема, с которой они сталкивались, — это проблема формирования современных институтов и соответствующего их структурного оформления. Итогом как удачных, так и неудачных попыток модернизации является эмпи-

рический и не имеющий исключений вывод — институты не возникают исходя лишь из потребностей и желаний, а также их нельзя импортировать как материальные объекты. Можно лишь позаимствовать идею, эскиз, но в целом институты и, тем более, институциональную структуру нельзя просто перенять, их можно формировать только в рамках определенного общества, и этот процесс может быть успешным лишь при наличии необходимых социокультурных предпосылок. А для их формирования требуется достаточно много времени. Конечно, в условиях современной динамики необходимые институты могут формироваться и за более короткое время, чем это было свойственно странам, которые являются первопроходцами на пути создания современных обществ. Они формировали свои институты современного типа в течение столетий. В странах так называемого «второго эшелона» современных обществ, достигших успеха на пути модернизации, таких как Япония, Тайвань, Сингапур и Южная Корея, современные институты сформировались уже за несколько десятилетий. Но в любом случае формирование институтов и институциональной структуры современного типа не может быть результатом краткосрочных усилий. Требуется время как для их формирования, так и для их интернализации в данном социокультурном контексте. Но главным условием остается наличие в обществе необходимых для формирования современных институтов социокультурных когний и способность общества в дальнейшем расширять их объем. Массивы общих и особенно конкретизированных знаний являются *conditio sine qua non* для формирования и развития институтов.

Институты формируются и утверждаются как устойчивые коллективные взаимодействия на основе общих представлений и побуждений членов определенного сообщества. А такие представления и побуждения невозможно сформировать без общего словаря, без понятных для институциональных деятелей сценариев и нарративов. Каждый социальный деятель в процессе институционального взаимодействия с другими деятелями должен опираться на фреймы, на сформированные до него определения стандартных институциональных ситуаций. Он должен иметь объяснительный словарь, позволяющий ему уместно применять общие институциональные формулы применительно к конкрет-

ной ситуации. При их отсутствии или недостатке практиковать устойчивые коллективные взаимодействия, которые принято называть институтами, оказываются затруднительными или фактически невозможными. Поэтому нам следует ясно понимать, что развитие институтов мало зависит от нашего желания, а является следствием наличия необходимых социокультурных ресурсов, среди которых основными являются когнитивные.

В рамках мировой современной социологии в развитие представлений о роли социокультурных когний для формирования и развития институтов основной вклад внесли Джордж Мид, Уильям Томас, Герберт Блумер, Альфред Шюц, Питер Бергер, Томас Лукман, Гарольд Гарфинкель, Ирвинг Гофман, Пьер Бурдьё, Люк Болтански и Лоран Тевено, Никлас Луман. Следует отметить и вклад таких известных социальных мыслителей, как Мишель Фуко и Жиль Делез, деятельность которых не ограничивалась только социологией.

В связи с данной проблемой хочу привести очень интересную и хорошо разработанную концепцию об инвестициях в формы Люка Болтански и Лорана Тевено. Под формами в социологии, прежде всего, понимаются устойчивые социокультурные отношения и модели. Институты и являются такими формами, придающими устойчивость общественным отношениям. Инвестиции в формы происходят через развитие знаний и практик, позволяющих образовывать, закреплять и далее развивать социальные институты. В целом, результаты любого общества зависят от содержания и объема инвестиций в те или иные социокультурные формы. Развитые страны сумели достичь своих результатов благодаря тому, что смогли сформировать более эффективные институты, а условием их формирования послужили длительные инвестиции в развитие сложных социокультурных когний и практик.

Я хотел бы отметить, что анализ структуры и содержания инвестиций позволяет выяснять очень интересные вещи. Направленность и объемы инвестиций, степень их диверсификаций являются очень репрезентативными данными для понимания особенностей того или иного общества, так как сферы, куда преимущественно инвестируются ресурсы, являются выражением системы приоритетов, присущих данному обществу. Здесь следует

дать определенное пояснение. Оно связано с тем, что социологическое понимание инвестиций существенно шире, чем его экономическое определение. Для социолога инвестициями являются все ресурсы, которые вкладываются в развитие определенных состояний, качеств, навыков, являющихся ценностью для общества, социальной группы и отдельного человека. К ресурсам относятся не только деньги, но, прежде всего, время и силы, которые затрачиваются для достижения определенного результата. Так, в традиционных обществах основная часть времени и сил человека, свободных от работы, направляются на укрепление родственных, дружеских отношений и на престижное потребление. В современных обществах такие отношения и виды потребления, в определенной степени, также сохраняют свое значение, но члены таких обществ, в основном, инвестируют свое время и силы в профессиональное развитие, в целом на саморазвитие человека, которое, как правило, основывается на сложных интеллектуальных нормах.

Длительные социокультурные инвестиции и практики, свойственные различным обществам, приводят к созданию определенных типов людей. При всех индивидуальных особенностях каждого человека существуют типы людей традиционного и современного общества. В связи с различиями типов людей в традиционных и современных обществах хочу подчеркнуть еще один очень важный аспект данной проблемы. Так как человек — существо социальное, то он всегда в той или иной степени ориентирован на следование нормам своего общества, и особенно тем нормам, которые обладают высоким уровнем престижа. Эмиль Дюркгейм подчеркивал, что влияние на нас тех или иных социокультурных представлений обусловлено тем, что они связаны с объектами, которые в данном обществе обладают высоким уровнем престижа. И преимущества современного общества над традиционным — производительность и инновационность — обусловлены тем, что в современном обществе статусы профессионала и образованного человека относятся к одним из самых престижных. А в силу их престижности они эффективно мотивируют членов современного общества регулярно и массово инвестировать свои основные ресурсы в достижение данных статусов. В отличие от современных обществ, в развивающихся странах инве-

стиции, как государственные так и частные, больше направлены на укрепление традиционной структуры общества и существенно меньше вкладываются в формы, обеспечивающие современное развитие. Даже тогда, когда происходят целенаправленные государственные инвестиции в промышленность, образование и науку, тем не менее, они не дают такого эффекта, как в развитых странах. Нередко в таких обществах политика по развитию промышленности и образования оказывается неэффективной из-за того, что основная часть населения недостаточно мотивирована для инвестиций в собственное развитие. Они все еще продолжают направлять основную часть своих сил и времени на воспроизводство традиционных состояний.

В целом, можно сделать вывод, что развитие общества больше зависит не от финансовых инвестиций, а является результатом совокупности социокультурных инвестиций. В обществах, где исторически смогли заложить традиции инвестирования в сложные социокультурные формы, смогли создать более диверсифицированную и более производительную институциональную структуру. Общества, где инвестиции в социокультурные формы современного типа не достигают необходимого масштаба и регулярности, в обозримом будущем вряд ли смогут преодолеть гравитацию традиционных институтов.

— Вы относитесь к сторонникам концепции, отрицающей возможность целенаправленного влияния на развитие институтов, но ведь в истории были примеры успешного реформирования общественных систем. А ведь это означает проведение политики по реформированию институциональной системы.

— Действительно, в истории были такие случаи, но, к сожалению, они редки, и при этом даже в этих случаях успешного реформирования обществ мы не можем говорить о прямом и целенаправленном изменении институтов. Мы уже отмечали, что ряд стран Юго-Восточной Азии сумели выбрать институциональную траекторию, которая вывела их в ряды современных обществ. И на постсоветском пространстве мы видим, как выбор той или иной институциональной модели способствовал успеху реформ или сыграл деструктивную роль. Так, мы с удовлетворением можем отметить, что выбранная в 90-е годы институциональная мо-

дель позволила Казахстану, в отличие от большинства постсоветских стран, не только решить очень сложные проблемы становления, но и заложить определенные возможности для дальнейшего развития. Но во всех случаях таких относительно успешных реформирований мы видим, что целенаправленные реформистские воздействия на институты были результативными, когда они опирались на соответствующие социокультурные предпосылки.

Институциональную политику следует рассматривать как определенный импульс, который может лишь усилить благоприятные тенденции, уже имеющиеся в обществе. Но если в традициях данного общества не наработаны необходимые предпосылки для возникновения новых институций, то происходит неизбежное блокирование институциональных реформ. История не знает прецедентов, когда институты учреждались с чистого листа и при этом они смогли утвердиться в обществе. Это просто невозможно сделать, так как любой институт представляет собой слишком масштабное социокультурное явление. Он может возникать лишь в определенном контексте, опираясь на наработанные веками знания, и прежде всего на знания непрямого характера, которые мы можем назвать контекстуальными. Не имея прямого отношения к выполнению институциональных действий, тем не менее такие знания являются обязательными предпосылками возникновения комплекса специальных знаний, необходимых для осуществления институциональных действий. Можно сказать, что контекстуальные знания выполняют функцию социокультурного климата для специализированных видов знаний, как природный климат или почва для определенного вида растений. Так, мы знаем, что одни виды растений очень жестко привязаны к климатическим и почвенным условиям, а другие имеют более широкий ареал распространения. Но и в последнем случае эти растения лучше растут в более благоприятных климатических и почвенных условиях. Например, такие распространенные деревья, как тополь и дуб произрастают и в регионах с влажным климатом, и в засушливых резкоконтинентальных климатических условиях. Но при этом в зависимости от климатических условий эти деревья существенно отличаются как по объему и высоте ствола, так и по густоте кроны. То же самое мы можем сказать об институтах. Некоторые из них крайне чувствительны к социокультурному кли-

мату, и поэтому ареал их распространения очень ограничен. Например, социокультурные науки не развиваются в определенных общественных контекстах. То же самое мы можем сказать об институтах, связанных с производством сложных технологий. В отличие от них экономика является универсальным институтом, однако его продуктивность неизбежно определяется социокультурным климатом, в котором он существует.

Роль социокультурных предпосылок для развития институтов мы можем рассмотреть и на фактах реформирования нашего общества. Причины того, что экономические реформы в нашей стране оказались относительно более успешными, чем политические, обусловлены тем, что на момент их проведения мы уже имели определенные знания и навыки, необходимые для деятельности в условиях рынка, но не наработали такие же знания и навыки, необходимые для демократизации общества.

Еще раз хочу подчеркнуть, что широко распространенные мнения о возможности быстрых целенаправленных введений новых институтов являются следствием ложных отождествлений институтов с организациями и учреждениями, создаваемыми для решения специальных задач. В отличие от таких редуccionистских концепций в мировой социологической науке существуют более широкие теории, в рамках которых институты определяются как основополагающие способы организации социокультурной жизни общества и его отдельных сфер. Основополагающее значение институтов для нас связано с тем, что они придают стабильность жизни общества через воспроизводство образцов, через предписывание определенных моделей взаимодействия и запрещение нежелательных видов деятельности. Институт является, прежде всего, осажженным в традиции коллективным опытом, социокультурными знаниями, определяющими статусы, роли и их взаимодействия друг с другом в общественном пространстве. Институты — это рецепты решения социокультурных проблем, сценарии и нарративы, обеспечивающие для социальных деятелей понимание общественных ситуаций и наделяющие их моделями правильного поведения в этих ситуациях.

Развитый и глубоко укорененный в традиции данного общества институт эффективно формирует правильное поведение своих членов через формирование их взглядов, представлений и

даже эмоционально-телесных качеств. Именно под воздействием институциональных когний и практик формируются способы интерпретации социальных фактов и групповые ментально-эмоциональные реакции на социокультурные события. В результате воздействий на людей исторических конструкций, которые мы называем институтами, у представителей различных сообществ формируются устойчивые предрасположенности или идиосинкразии на определенные представления, практики, в том числе и на способы удовлетворения телесных потребностей. С точки зрения социологии, такие различия в наших взглядах, чувствах и физиологических особенностях — во многом результат не природных причин, а длительного воздействия институциональных императивов.

— *В связи с неразвитостью институциональной теории в нашем обществе могли бы Вы более конкретно проанализировать механизмы воздействия на нас социальных институтов.*

— Воздействие институтов, членами которых мы являемся, на нас многоаспектно и непрерывно. Прежде всего, укорененные в традиции определенного общества институты очень эффективно определяют видение мира своих членов через формирование их базовых представлений и «правильных» способов интерпретаций возникающих ситуаций. И такие результаты достигаются, прежде всего, на основе сформированных в течение длительного времени массивов социокультурного знания. Классики институциональной теории Питер Бергер и Томас Лукман подчеркивали, что для эффективного функционирования институтов необходимо формирование больших массивов социального знания, которые благодаря своей массивности имеют возможность успешно принуждать своих членов к определенному видению мира и формированию у них необходимых чувств и, в конечном счете, способов поведения. В казахской культуре также существует понимание конститутивной роли знаний для формирования поведения человека. Так, казахи, когда хотят дать оценку поведению человека, говорят: «білгенін істеді» или «көргенін істеді». Эти определения можно перевести как «поступил в меру своих знаний» и «сделал то, что видел». Хотя обычно такие оценки носят негативный характер и применяются тогда, когда на кого-то оби-

жаются, тем не менее здесь подчеркивается, что социокультурные знания формируют не только наше сознание, но и наше поведение.

То, что люди видят мир, испытывают устойчивые чувства, ведут себя определенным образом благодаря знанию признанных в обществе образцов поведения, очень убедительно было продемонстрировано классиками социальной мысли Клайдом Клакхоном и Питером Бергером.

Клайд Клакхон роль общественных знаний и норм как социокультурных механизмов формирования человека показал на примере белого американского мальчика, который потерялся в Китае. К счастью, он выжил и был усыновлен китайской семьей. Когда родители нашли его, он уже был молодым человеком, который не только мыслил и чувствовал, но даже и ходил как китаец.

Второй пример Питера Бергера имеет гипотетический характер, но если мы вспомним поведение миллионов людей в тех культурах, которые он рассматривает в своем примере, то тогда следует согласиться с обоснованностью его предположений. В своих предположениях он иллюстрирует императивную роль институциональных знаний на примере любовного поведения американского юноши. Наблюдение за американским обществом позволяет нам вместе с Бергером прийти к заключению, что любовные отношения американского юноши, как правило, будут завершаться моногамным браком. Вся совокупность общественных определений будет принуждать «нормального юношу» на каком-то этапе своей жизни выбрать себе одну спутницу как официальную супругу. Влиятельность социокультурных категорий, их способность формировать необходимые чувства ведут к тому, что большинство молодых людей действительно «хотят жениться» на одной избраннице. Но такой выбор, считает Бергер, не является естественным природным состоянием человека, и поэтому он в своем примере идет дальше. Он моделирует две альтернативы американскому матримониальному выбору: арабский и тибетский. В первом случае, если бы американский белый юноша потерялся в детстве в одной из стран Аравийского полуострова, то он впоследствии имел бы матримониальные желания и чувства не только по отношению к одной, а к нескольким женщинам. А если

бы он потерялся и вырос в Тибете, считает Питер Бергер, то мог бы стать одним из мужей тибетской женщины. И во всех этих трех различных социокультурных случаях он бы испытывал искренние «желания и чувства», но с явно различными, даже абсолютно противоположными следствиями. Из данных примеров мы видим: то, что принято называть «человеческой природой», оказывается очень вариативно, и такая вариативность объясняется воздействием институциональных когнийций и норм, которые очень сильно отличаются от общества к обществу.

Но институты не всегда или, вернее, не все институты могут эффективно влиять на формирование человека и на его поведение. Так, в рамках заимствованных институтов мы наблюдаем дефицит необходимых знаний по причине того, что, как уже отмечалось, для их формирования необходимы достаточно длительное время, а также благоприятные социокультурные условия. Члены новых для определенного общества институтов не могут выстроить и последовательно воплощать линии своего поведения, соответствующего институциональным нормам, так как они не обладают в достаточной степени необходимыми знаниями об институциональных моделях поведения. Это очень существенный момент. Неэффективность заимствованных институтов главным образом обусловлена, прежде всего, недостаточностью массивов знаний, необходимых для их функционирования. Общества-реципиенты, как правило, при заимствовании институтов не могут получить весь комплекс необходимых знаний, так как их прямое заимствование невозможно. Знания — это не просто вещи, которые можно передавать как материальные товары. Успешное заимствование институциональных когнийций предполагает способность общества-реципиента быть подготовленным к их восприятию, быть способным продуктивно их доработать и включить в корпус своих традиций. Большинство развивающихся обществ при принятии решения заимствовать современные институты оказываются в ситуации, когда они не могут ни полноценно импортировать, ни воспроизводить у себя необходимые для их деятельности социокультурные знания. Как следствие, новые институты не могут и эффективно выполнять свои функции, так как их члены не могут качественно выполнять свои роли по причине того, что они не обладают необходимым

объемом институциональных знаний, а в результате такого когнитивного дефицита у них нет возможностей для формирования соответствующих социокультурных навыков.

Чаще всего, в силу такого положения дел в рамках новых институтов, их члены в основном взаимодействуют по более привычным для них, более укорененным в их сознании и чувствах сценариям традиционных для данных обществ институтов. В таких условиях новый институт не может стать полноценным социокультурным образованием и представляет собой его определенный фрагмент или в лучшем случае сочетание фрагментов. В конечном счете, из-за такой фрагментарности новые институции не могут обеспечить необходимое качество социальных действий, так как они лишены возможности принуждать своих членов к соответствующему поведению так же, как укорененные в данном обществе институты.

Мы можем конкретизировать значение социокультурных когний, а также трудности с их трансформацией на двух примерах. В первом мы рассмотрим проблему, которая связана с конфликтом поколений, с попытками подростков и молодых людей изменить свою жизнь, добиться таких изменений, которые бы отличали их жизнь от жизни их родителей. Такие конфликты, когда детей не только не устраивает, но буквально выводит из себя, их просто «бесит» стиль жизни родителей, являются достаточно характерными для нашего общества и для других постсоветских стран. Как и в жизни их предшественников при советской системе, так и сейчас довольно типичными является случаи, когда молодые люди, начиная с подросткового возраста, крайне отрицательно относятся к стилю жизни своих родителей. Они с негодованием отвергают их нормы и привычки, в целом их способ жизни. Противопоставляя свои представления о жизни способу жизни родителей, они мечтают жить в будущем более современной и более интересной жизнью. Однако абсолютное большинство таких молодых людей, протестующих против способа жизни своих родителей, постепенно к среднему возрасту обнаруживают признаки явного примирения с ранее отвергаемым образом жизни. А при достижении более пожилого возраста наблюдается порой даже экзальтированная приверженность к тому способу жизни, который некогда с негодованием отвергался.

Образ жизни родителей мог отвергаться по разным причинам. Так, например, в крупных мегаполисах Советского Союза с 60-х годов становился все более популярным западный стиль, и ориентированная на него молодежь, естественно, не жаловала стиль жизни своих родителей. Конфликт между поколениями шел не только по линии советское versus западное. В провинциях Советского Союза он проявлялся в противоречиях между относительно более модернизированным молодым поколением советского общества и более традиционным старшим. Но так как нонконформистски настроенная молодежь не находила в общественном контексте своего проживания возможности приобщиться к нарративам и сценариям желаемой для них жизни, а сама не была в состоянии их вырабатывать, то в итоге она постепенно дрейфовала в сторону родительского образа жизни. Как следствие, нонконформисты, некогда отрицавшие образ жизни своих родителей, впоследствии были вынуждены воспроизводить его из-за невозможности создать новые жизнеспособные сценарии.

Второй пример, связанный с попытками изменить жизнь, основан не только на конфликте поколений, но в целом отражает стремление советских людей радикально изменить свою жизнь. Так, на рубеже 80-х и 90-х годов в советском обществе фактически сложился консенсус на основе установки «Так жить нельзя!». Одним из выражений таких установок была и простодушная песня «Мы будем жить по-новому», с которой появилась на публике советская поп-группа «Любэ». Однако прошло совсем немного времени, примерно лет десять, и большинство советских людей отказались от желания изменить общество и стали ностальгировать по советскому прошлому. А группа «Любэ» стала еще более популярной благодаря песне «Батяня комбат» с ярко выраженным советским пафосом, при этом члены группы постоянно выходили на сцену в гимнастерках сороковых годов. На мой взгляд, такие превращения радикальных нонконформистов в преданных традиционалистов, популярность «старых песен о главном» являются неизбежным следствием невозможности создавать новые дискурсы и нарративы, написать на их основе конкретизированные сценарии для новой жизни. Можно сказать, что на постсоветском пространстве «старые песни о главном» неизбежно попу-

лярны и будут сохранять свое значение до тех пор, пока мы не напишем достаточное количество новых.

Еще одним фактом, подтверждающим доминирование традиционных сюжетов и нарративов в казахстанском обществе, могут служить фильмы режиссера Ермека Турсынова. Один из самых популярных режиссеров казахстанского кинематографа последних лет сейчас снимает фильм «Кемпір» (Старуха). Этот фильм является третьей частью трилогии Турсынова. Первым фильмом был «Келін» (Сноха), второй фильм — «Шал» (Старик), и вот третий — «Кемпір». В какой-то степени интерес к таким сюжетам можно считать следствием индивидуальных пристрастий режиссера Турсынова. Но если бы он захотел снять трилогию на темы современных сюжетов, то вряд ли мог бы найти столь целостные и одновременно детализированные характеры. Все три главных персонажа этой трилогии как социальные типы формировались веками и носят завершенный характер, органично вписаны в социокультурный контекст. Соответственно, и художник, обращаясь к данным характерам, не испытывает особых затруднений в нахождении средств, которые выражали бы их содержание. Что же касается современных характеров и социальных персонажей, то они не обладают той степенью завершенности, цельности и не могут быть описаны так же насыщенно и объемно, как традиционные персонажи. Проблематика в любой сфере общества, как в повседневной жизни, так и в искусстве, неизбежно производна от доминирующих свойств социокультурной онтологии. Пока она в казахстанском обществе в основе своей остается традиционной, поэтому и сюжеты, популярные в литературе, кино, СМИ, также являются традиционными, так как они формируются под принуждением когний, доминирующих в данном социокультурном пространстве.

Для понимания значения социокультурных знаний мы можем рассмотреть проблему формирования институциональной идентичности, являющейся важнейшим условием формирования и закрепления институтов. Большинство развивающихся стран из-за содержания и структуры своих социокультурных когний объективно затрудняется с формированием современных идентичностей. А когда отдельный человек и общество испытывают затруднения с когнитивными ресурсами, необходимыми для фор-

мирования новых идентичностей, то они, как правило, вынуждены создавать гибридные и эклектичные модели идентичностей.

В условиях обострения конфликта ценностей в современном мире еще одной популярной стратегией достижения самоидентификации является ее противопоставление идентичности других сообществ. В социологии такую модель самоидентификации определяют как «полемическую идентичность», и она, как правило, присуща отстающим сообществам. Носители такой формы идентичности противопоставляют себя сообществам из развитых стран и отрицают необходимость современных институтов или признают их лишь в виде технических образований. Значимость идентичности для отдельного человека, определенной группы и общества настолько важна, что в ситуациях, когда имеет место конфликт идентичностей, рациональные доводы, например, связанные с достижением экономических благ и технологического прогресса, могут отступить на задний план или быть отброшены, если не навсегда, то, по крайней мере, на определенный период. История человечества полна таких примеров. Было бы интересно проследить, какое количество конфликтов было обусловлено экономическими или политическими причинами, а какое количество было обусловлено расхождениями идентификаций. Мы видим, что в современном мире конфликты, обусловленные столкновением или внутренним кризисом идентичностей, получили массовое распространение.

— Ваши идеи близки с концепцией Сэмюэля Хантингтона о конфликте цивилизаций. Вы согласны с выводами из данной концепции американского ученого?

— На мой взгляд, это очень интересная концепция, хотя может быть Сэмюэл Хантингтон абсолютизировал цивилизационные различия и придавал им порой антагонистический характер. Но ценность таких концепций не в деталях, а в общей логике, в возможностях выявить структурные основы определенных тенденций. Хантингтону удалось показать, что кроме экономических, классовых, политических факторов наша жизнь обусловлена культурными нарративами, ценностями и символами, и последние не менее, а даже более значимы для нас, чем первые. На основе символов и нарративов определенных культур, в термино-

логии Хантингтона цивилизаций, формируются идентичности определенных сообществ. Их различия и несовпадения нередко ведут не только к противоречиям, но и к очень жестким конфликтам. Никлас Луман отмечает, что когда мы говорим об идентичности, то речь также идет и о насилии. Идентичности порождают конфликты, переходящие в насилие, когда под вопросом оказываются базисные символы, обеспечивающие самоопределение той или иной группы, того или иного индивида.

Человеческий мир так устроен, что для многих народов наличие других сообществ с иной системой ценностей является не только источником противоречий и конфликтов с ними, но и важнейшим условием воспроизводства собственной идентичности. Наличие «Другого» в виде чужого сообщества, будь то этнонациональное образование или социальный класс, в той или иной степени всегда служит условием конструирования и поддержания собственной идентичности. Такой способ самоидентификации очень удобен. Он позволяет снимать или приглушать массу когнитивных проблем, связанных с определением и согласованием внутренних идентификаций человека или сообщества. Если бы индивиды или целые социокультурные системы остались наедине с собой без поддержки, которую оказывают «Другие», то их идентичность оказалась бы под очень сильной угрозой, и вряд ли они могли бы быть воспроизведены с опорой лишь на собственные идентификации. Для конкурирующих групп или народов «Другие» поистине выполняют спасительную роль в создании и поддержании их идентичности. Для многих сообществ их самоидентификация обеспечивается в основном через логику противопоставления, заключающуюся в том, что для них быть кем-то, прежде всего, означает не быть кем-то. Так, например, для палестинских арабов их аутентичность поддерживается через отрицание евреев, а для большинства израильтян быть евреем, прежде всего, означает не быть арабом. Такой же логики придерживаются многие конфликтующие сообщества, отрицая при этом очевидные исторические факты, которые свидетельствуют, что эти народы состоят в близком родстве. Но идентичность — это не конструкция, которая формируется на основе рационально-эмпирических доводов, а, скорее, конструкция, созданная «из пылких и блестящих натяжек».

— *Вы постоянно подчеркиваете конститутивное значение социокультурных когнийций для общества и человека. Но для нас более привычен тезис о знании как об отражении реальности. Поэтому желательно более подробно рассмотреть перформативную роль когнийций.*

— Пониманию конститутивной роли социокультурных знаний для существования институтов и в целом общества мы обязаны двум важнейшим интеллектуальным революциям XX века: «лингвистическому повороту» и «когнитивной революции». Благодаря этим двум революциям в социогуманитарном знании появилась возможность радикально другого видения роли языка и знаний в формировании деятельности человека и общества. От их инструментального понимания в предшествующие эпохи научное и, в целом, интеллектуальное сообщество перешло к пониманию конститутивной роли языка и социокультурных когнийций как факторов, в буквальном смысле создающих нас и наши институты. В когнитивной социологии и в рамках конструктивизма язык считают метаинститутом, институтом, являющимся условием всех других институтов. По аналогии с «железным законом олигархий» Роберта Михельса считаю, что формула Людвиг Витгенштейна — «границы моего языка являются границами моего мира», применительно к возможностям развития человека и общества, является таким же «железным законом». Фундаментальное значение языка для нас заключается в том, что мы становимся людьми, становимся членами различных социальных групп и общества благодаря не только факту рождения в определенном пространстве, но, прежде всего, благодаря наличию соответствующих дефиниций, соответствующих моделей интерпретаций нашего бытия. Без определенных смыслов и ценностей мы лишь будем совокупностью живых существ, но без личностной и социокультурной идентичности. Также очень важно видеть, что общества и индивиды отличаются друг от друга во многом благодаря своему языку, его семантическим возможностям. Как правило, у более успешных стран и индивидов и более сложный язык, с более широким тезаурусом.

О значении языка для развития общества можно судить и по истории тоталитарных обществ. В тех странах, где тоталитарный

режим правил несколько десятилетий, произошло очень сильное упрощение языка. Джордж Оруэлл в своей антиутопии «1984» выявил одну из фундаментальных особенностей тоталитаризма, связанную с упрощением как общественных отношений, так и языка. Упрощенный язык тоталитарного общества он иронично определил как «новояз». Такой «новояз» был массово распространен в реальности, был способом постижения мира и самих себя для миллионов людей из тоталитарных стран. Общественный язык с крайне ограниченным словарем, соответственно, порождал и его носителей, с неизбежным для них узким кругозором и предрасположенностью к однозначным суждениям.

Наша история советского периода является еще одной наглядной иллюстрацией значения социокультурных определений и их интерпретаций для человека и общества. В последние годы существования СССР советские люди в большинстве своем потеряли смысл своего существования, утратили возможность для позитивных интерпретаций деятельности своих базовых институтов и своей идентичности. Такой результат во многом был следствием ограниченности советского «новояза», невозможности на его основе определить и объяснять социокультурные процессы конца XX века. И в результате страна, которая обладала колоссальными вооружениями, огромной армией и многочисленными спецслужбами, без силового принуждения со стороны, без масштабных внутренних столкновений прекратила свое существование.

— Но ведь нельзя не учитывать и экономические трудности. Есть же множество исследований, где приводятся обоснованные аргументы об экономических причинах краха советской системы.

— Конечно, нельзя сбрасывать со счетов экономические проблемы, с которыми столкнулся Советский Союз, однако они не были решающими. В пользу этого тезиса мы можем привести следующие доводы. Советская система, пока обладала достаточными ценностно-смысловыми ресурсами, успешно решала не только задачи выживания, но и была вполне конкурентоспособной даже в более тяжелых экономических условиях. Возьмем положение советской системы с 20-х по 40-е годы. В этот период своей истории советское общество сталкивалось с не меньшими

экономическими трудностями, чем на рубеже 80-х–90-х годов. Тем не менее система сохраняла необходимый запас прочности и даже укреплялась. Но как только обветшал и стал рушиться ценностно-смысловой каркас общества, система под названием СССР рухнула, оставив в недоумении не только нас, но и своих внешних противников. Ни один советологический центр на Западе, ни один аналитик не смог предсказать столь ранние сроки и столь быстрый крах советской системы. Лишь известный американский социолог Рэндалл Коллинз более или менее точно предсказал возможность краха СССР в конце XX века. То, что абсолютное большинство аналитиков не смогли предсказать крах советской системы, связано именно с тем, что анализ состояния советского общества традиционно опирался на учет экономических и политических ресурсов, а состояние социокультурных ценностей и норм, если и учитывалось, то лишь как второстепенные и третьестепенные факторы. А те специалисты, которые понимали их значение, не имели достаточных данных для диагностики глубины и масштабов кризиса ценностно-нормативных основ советского общества.

То, что экономический кризис, даже очень тяжелый, не может быть сам по себе фатальным для общества, при сохранении его базовых смысловых и ценностных основ, мы можем убедиться и на примере Великой депрессии. При всей масштабности с экономической точки зрения, данный кризис не привел к краху западных стран, так как не затронул их социокультурную основу, не подорвал ценностно-смысловую систему западных обществ. И впоследствии западные страны неоднократно переживали другие кризисы, пусть и менее масштабные, чем Великая депрессия. Нынешний глобальный кризис также не обошел их стороной. Но вряд ли можно утверждать, что в недалеком будущем их ожидает такой же крах, который постиг социалистические страны.

— *Вы считаете, что распад Советского Союза был предопределен, но существуют и другие концепции, где достаточно обоснованно приводятся аргументы в пользу возможности реформирования СССР и его сохранения. Как Вы оцениваете альтернативные концепции, и какова в целом Ваша оценка советского общества?*

— Я никогда не утверждал, что распад Советского Союза был предопределен, тем более именно в тех временных рамках, когда он произошел. Основываясь на институциональной теории, я лишь вынужден приходиться к выводу, что СССР из-за своей институциональной структуры был в целом неконкурентоспособным в своем противостоянии с модернизированными странами. При этом нельзя не отдавать должное достижениям советского общества во многих сферах, и некоторые из них просто впечатляют. На мой взгляд, при оценке советской системы следует избегать крайностей, связанных как с ее безудержной апологией, так и с таким же отрицанием ее несомненных достижений. По крайней мере, такой должна быть позиция научного сообщества. Без соблюдения принципа объективности мы оказываемся во власти повседневных пристрастий и предпочтений. К сожалению, именно ненаучные групповые пристрастия доминируют в оценке нашего советского прошлого и среди представителей научного сообщества, не говоря о более широкой публике. Мы не должны забывать репрессии тоталитарного режима и нашу изоляцию от мировой социогуманитарной мысли, последствия которой будут сказываться еще очень долго. И как бы ни были соблазнительны конспирологические концепции, тем не менее мы должны ясно представлять себе, что крах советской системы произошел, прежде всего, по внутренним причинам.

Но мы должны помнить и великие достижения Советского Союза, и, наконец, просто светлые стороны советской жизни. Все мы, кто вырос в советскую эпоху, должны помнить, что у нас были и радостные дни. В конце концов, полное отрицание советского прошлого не только искажает истину, но и аморально, так как мы до сих пор в основном живем в советских домах, пользуемся продукцией предприятий, построенных в советское время, и используем преимущественно советскую инфраструктуру.

— *Какие чувства Вы испытываете как человек, вспоминая советское прошлое?*

— Для большинства людей самые счастливые годы их жизни — это детство и молодость. Мои детские годы и молодость пришлось на советский период нашей истории, и воспоминания об этих годах меня не огорчают. Наоборот, я с ностальгией вспо-

минаю это время. Но ностальгия по советскому времени, являясь нормальным человеческим чувством, вместе с тем, не должна приводить к абсурдным стремлениям вернуть прошлое. Очень точно разумное соотношение между ностальгией по советскому прошлому и необходимостью сохранения здравого смысла по отношению к возможности вернуть это прошлое выразил анонимный автор, перефразировав известный афоризм Бэнджамина Дизраэли: «Тот, кто не сожалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца, но у того, кто мечтает о его восстановлении, нет головы». Впоследствии ряд политиков постсоветского пространства в разных версиях повторили данный афоризм.

На мой взгляд, невозможность реставрации СССР социологически точно объяснил наш президент Нурсултан Назарбаев, внесший, как мы все знаем, наибольший вклад в развитие интеграционных связей на постсоветском пространстве. Он подчеркнул, что восстановление Советского Союза невозможно, прежде всего, по институциональным причинам. Действительно, невозможность восстановления СССР обусловлено отсутствием трех базовых институтов советской системы — общей идеологии, монопольной государственной собственности и репрессивной системы тоталитарного типа. И все попытки проведения политики, игнорирующей институциональную структуру, будут приводить к ситуации, о которой нас в свое время предупреждал Карл Маркс: «История вначале происходит как трагедия и повторяется как фарс». К сожалению, фарс, связанный с попытками реставрации СССР, уже происходит. Фактов, подтверждающих данный вывод, немало, и среди них наиболее гротескными, на мой взгляд, являются фигуры и программы тех, кто пытается создать идеологическое обоснование реставрационной политики. Достаточно сравнить публикации и личностный уровень лидера партии национал-большевиков Лимонова или политического маркетолога Павловского, считающих себя не только идеологами политики реставрации советской империи, но и демиургами данного процесса, с уровнем основателей советского государства.

— Вы много говорите о достижениях мировой социологии в постижении общественных проблем, о факторах, определяющих развитие социальных институтов. А какова ситуация в нашей социологии?

— Ситуация в нашей социологии, как и в других социогуманитарных науках, обусловлена особенностями нашей истории в гораздо большей степени, чем ситуация в естественных и технических науках. Из-за природы тоталитарного режима социогуманитарное знание находилось под жестким диктатом правящей идеократии и развивалось в изоляции от мировой науки. Идеи ведущих социологических центров мира доходили до советских ученых крайне фрагментарно и с большим опозданием. Собственно их задачей был не поиск истины и не объективное исследование социальных фактов, а участие в «правильном воспитании» советских людей через пропаганду «преимуществ социалистического строя» и обличение «пороков капиталистического мира». В таких условиях не могло быть и речи о полноценном развитии социологии, особенно теоретической. В советское время, в 60-е годы, определенное развитие получила прикладная социология, но и она сильно уступала по своему качеству аналогичным исследованиям в ведущих центрах мира. И до сих пор, даже при снятии всех политических барьеров, затруднявших коммуникации с мировой наукой, социогуманитарные дисциплины объективно не могут компенсировать десятилетия существования в изоляции от мировых тенденций. Существование в условиях отрыва от мировой науки и, самое главное, в условиях диктата со стороны идеократии привело к формированию определенной коллективной логики, исследовательских норм и этоса. Соответственно, такие глубинные структуры, определяющие сознание и установки социогуманитарного сообщества, очень трудно изменить.

После отмены запретов на контакты с зарубежными коллегами, после того, как мы получили право беспрепятственного знакомства с трудами ведущих социологов мира, обнаружилось, что более труднопреодолимым барьером на пути к коммуникации с мировой социологией являются не политические ограничения, а эпистемологические. Обнаружилось, что для вхождения в мировое научное сообщество от представителей социогуманитарных знаний постсоветских обществ требуется не только желание, но и трансформация большого массива предпосылок, без которых невозможно обеспечить приобщение к эпистемологическим нормам, образующим фундамент современных социогуманитарных

теорий. И надо сказать, что в результате глубоких различий между эпистемологическими предпосылками местных сообществ и предпосылками мировой науки многие представители постсоветской социологии не испытывают желания приобщаться к теориям, определяющим развитие современной социологии. «Несоизмеримость теорий» в ряде случаев ведет к прямому противопоставлению местных исследовательских традиций, когнитивным нормам, принятым в ведущих научных центрах мира. Порой такое противопоставление может опираться на религиозные доводы, как это происходит на факультете социологии МГУ.

— Если исходить из Вашей концепции общественных систем, то к какому типу мы можем отнести казахстанское общество и каковы перспективы его развития?

— Если мы будем придерживаться вышеназванных критериев, то казахстанскому обществу присущи признаки как традиционного, так и современного общества. Наличие промышленности, достаточно массовая урбанизация, относительно высокий уровень образования — все это признаки современного общества. Однако живучесть трайбализма, широкая распространенность социокультурной логики традиционного типа и, самое главное, иерархическая структура институтов — свидетельство того, что Казахстан — пока преимущественно традиционное общество, чем современное. Такое общественное положение нашей страны является объективным результатом нашего исторического развития, а это означает, что радикально изменить существующее положение дел в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе вряд ли возможно. Ведь базовые институты общества не являются предметом нашего выбора, а являются результатом наших исторических возможностей.

— Другими словами, Вы хотите сказать, что наше движение в сторону современного общества будет не таким быстрым даже при целенаправленных усилиях?

— Да, к сожалению, общество и его фундаментальные институты не поддаются целенаправленным изменениям, а могут трансформироваться, если изменяются коллективные представления и ценности, если на их основе изменяются социокультурные

практики. Можно желать жить в современной стране, можно радоваться за скорейшее наступление демократии, можно клеймить власть и осуждать ретроградов, препятствующих исполнению этих желаний, но если в обществе не сложились необходимые предпосылки в виде разветвленной системы социокультурных знаний, необходимых для формирования современной жизни, не сложились в достаточной мере практики современного взаимодействия, то все эти желания будут просто маниловщиной. Мы должны трезво осознавать, что пока наши основные институты и классовая структура не соответствуют требованиям современного общества. Если чуть подробнее рассмотреть последний аспект этой проблемы, то мы видим, что еще не сложилась классовая культура и, соответственно, классовое сознание высших и средних слоев общества. Хотя в материальном аспекте мы уже имеем достаточно многочисленные группы, которые можно отнести к этим слоям, но отсутствие классового сознания не позволяет этим группам обрести устойчивую социальную субъектность, сформировать классовую идентичность. И здесь основная причина затруднений с формированием новой классовой структуры связана с дефицитом современных социокультурных знаний, с трудностями их генерирования. Интеллектуальные группы казахстанского общества, опираясь на советский багаж, не могут создать новые «фабрики значений» и, соответственно, производить в необходимом объеме современные знания.

Что же касается импорта современных концепций, то здесь, как мы уже отмечали, существуют труднопреодолимые эпистемологические барьеры. Поэтому приходится использовать доступные знания, наработанные в нашем пространстве в предшествующие периоды. Вследствие такой когнитивной ситуации неизбежно популярными становятся архаические установки, отсюда и особая популярность досовременных институтов, например, трайбализма. В России аналогичные когнитивные затруднения также приводят к попыткам реанимации такого архаического института, как казачество и, в целом, к апологии досовременных институтов из советского и досоветского прошлого. Такие затруднения характерны для всех бывших социалистических стран. Испытывая трудности с генерированием новых значений и смыслов, необходимых для новых институтов, бывшие страны социа-

лизма, по меткому определению американского социолога венгерского происхождения Ивана Селеньи, строят капитализм «не на обломках, а из обломков социализма». На постсоветском пространстве мы наблюдаем и стремление к возрождению архаических институтов из досоветского периода. Такая технология строительства новой общественной системы будет неизбежно преобладать, пока мы не наработаем необходимые массивы современных знаний.

— *Неужели все так грустно и нет возможностей для ускорения процесса модернизации нашего общества?*

— Прежде всего, модернизация в Казахстане, как и в большинстве постсоветских обществ, затруднена из-за отсутствия стремления к ней у большинства наших людей. Основная масса наших соотечественников хотят не современных преобразований, которые невозможны без преобразования самих людей, а спокойной и обеспеченной жизни на нефтяную ренту. Из-за схожести социально-экономической структуры такая же ситуация с массовыми установками и в российском обществе.

Когда мы говорим о модернизации, надо ясно представлять себе, что модернизация — это также переход к уровню социокультурной сложности, существенно превосходящий нынешнее состояние нашего общества. Сможем ли мы генерировать необходимый объем и качество социокультурных когний, соответствующих такому сложному феномену, как современное общество, это большой вопрос. У нас пока отсутствует соответствующая современным мировым требованиям социальная теория, и, в целом, нам свойственна общая интеллектуальная расслабленность. К сожалению, мы не можем говорить, что у нас есть философия, социокультурная теория, литература, кинематограф, средства массовой информации, способные стать предпосылками формирования такого интеллектуального контекста, который, в свою очередь, мог бы быть основой развития более сложных социокультурных концепций и практик. Достигнутый нами уровень социокультурной теории пока недостаточен, чтобы обеспечить адекватную рефлексию по поводу состояния нашего общества и возможностей его модернизации.

Говоря об общей интеллектуальной расслабленности, следует с сожалением отметить, что большинство наших людей не испытывают особого желания повышать свой интеллектуальный уровень, так как они очень высокого мнения о степени своей образованности. Если наш человек испытывает потребности в повышении своей компетентности по тем или иным вопросам, то, посетив некоторые краткосрочные обучающие курсы или поискав информацию в интернете, он считает себя достаточно просвещенным. А если его образовательные усилия несколько превышают утилитарные задачи, то он может даже считать себя достаточно просветленным. Все это, к глубокому сожалению, достаточно массовые черты наших людей, и, на мой взгляд, именно они являются основными барьерами на пути нашей модернизации. Не изменив стандарты и идеалы образования, не приблизив их к нормам развитых стран, мы будем и в дальнейшем обречены на отставание от них.

— *Какие стандарты образования Вы имеете в виду?*

— Конечно же, речь не идет о стандартах, которые формирует наше Министерство образования и науки, хотя их тоже надо пересматривать. Речь, в первую очередь, идет о неформальных стандартах, которые исторически складываются в обществе и определяют идеалы образованного человека и его антиподов — необразованных, невежественных людей. Следует отметить, что сложившиеся у нас общественные стандарты образованности ориентируют людей на довольно простые модели знаний, при достижении которых, как уже отмечалось, у человека формируется крайне высокое мнение о своем уровне образованности. Большинство наших людей, имеющих высшее образование и даже научные степени, не в ладах с элементарной логикой и не всегда владеют литературным языком. Снижение интеллектуальных стандартов является общей тенденцией на постсоветском пространстве. Известный российский культуролог Григорий Яковенко отмечает, что косноязычие и проблема с логическим мышлением стали нормой даже для российской интеллигенции и сейчас массово характерны для выпускников не только провинциальных, но и столичных вузов. При этом как в российском, так и в казахстанском обществе из-за сложившихся норм образованности

такие люди не испытывают особых затруднений как с высокой самооценкой, так и с оценкой со стороны других.

Еще одна причина чрезмерно завышенной оценки уровня образованности нашего общества — это ориентация на внешние, преимущественно количественные критерии. Так, образованность человека определяется через количество лет, затраченных на образование, а также на основе количества его дипломов. В этом смысле у нас все порядке, мы даже находимся на лидирующих позициях в мире. Количество дипломов у нас просто зашкаливает, и наличие двух-трех дипломов о высшем образовании — скорее, норма, чем исключение.

Также за последние десятилетия произошло резкое увеличение количества носителей научных степеней, и здесь количественный вал привел к тому, что нередко можно встретить носителей степени по двум и даже по трем наукам. Если судить по количеству диссертаций, то на постсоветском пространстве произошел творческий взрыв, особенно в сфере педагогики. Защиты по этой научной специальности занимают лидирующее положение среди огромного массива других диссертаций. Также, если судить по количеству диссертаций, мы должны достичь высокого уровня развития правовой и экономической мысли, достичь более весомых результатов в развитии социогуманитарных наук. И в этих сферах у нас уже защищено очень большое количество как кандидатских, так и докторских диссертаций. Но при таком количественном росте мы все знаем, что реальный образовательный и научный уровень носителей этих дипломов является не то что невысоким, но в значительной степени крайне низким. Не только диплом о высшем образовании, но и научная степень уже перестали быть свидетельством соответствующей компетенции. К сожалению, мы не можем вслед за Питером Друкером повторить, что «диплом о высшем образовании является свидетельством получения систематизированных знаний». Так как у нас он нередко является лишь знаком, свидетельствующим о социальных амбициях и тщеславии, но отнюдь не о реальных знаниях его обладателя.

Печальный вывод известного российского социолога Александра Филиппова о российских вузах, которые в основном, по его мнению, стали производителями необоснованных амбиций,

а не компетенций, в полной мере применим к большинству казахстанских вузов. Ситуация в других постсоветских странах, за исключением стран Балтии, вряд ли особо сильно отличается в лучшую сторону от этой картины.

Вал дипломов, в том числе связанных с научными степенями, привел к тому, что государство было вынуждено отменить диссертационные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций. Мера, возможно, слишком радикальная, но вынужденная, так как диссертационные советы превратились в конвейеры по штампованию научных степеней. За всеми этими фактами, конечно же, в первую очередь стоят именно социокультурные нормы, определяющие, кого считать образованным человеком, как идентифицировать такого человека и его противоположность. Исходя из этого, мы должны сделать вывод, что идеалы и нормы образования, которые исторически сложились в нашем обществе, способствуют тиражированию типа человека с низким уровнем образования и высоким уровнем самооценки.

— На Ваши взгляд, именно неразвитость социогуманитарного знания негативно повлияла на возможность создания более сложных современных институтов. Но ведь в современном мире больший спрос на естественнонаучные и технические знания. Да и элиты ведущих стран все больше сейчас озабочены тем, что понижается уровень именно знаний, связанных с точными науками.

— Действительно, мы регулярно читаем и слышим, что в развитых странах, например в США или в западноевропейских государствах, элита проявляет все большую озабоченность нынешним положением школьного образования, а также относительным понижением способности к усвоению знаний точных наук. Но, во-первых, такая озабоченность основана на относительных тенденциях, а не на абсолютных. Например, по сравнению со своим прошлым опытом или в сравнении со странами Юго-Восточной Азии. Во-вторых, все-таки США и Европа остаются лидерами научно-технического развития в мире. И это лидерство пока с большим запасом. Правда, существует и концепция, объясняющая такое лидирующее положение развитых стран решающим вкладом ученых и специалистов «второго» и «третье-

го» мира. Но здесь также можно привести два возражения: во-первых, сторонники этой концепции не приводят точных цифр по абсолютному и относительному весу участия специалистов из стран «второго» и «третьего» мира в научно-техническом развитии «первого» мира. Во-вторых, если даже дело обстоит так, как утверждают сторонники этой концепции, то почему эти специалисты массово уезжают в определенном направлении, почему на Западе для них созданы гораздо более благоприятные условия для работы и жизни? Почему эти страны не могут создать если не такие, то, по меньшей мере, более или менее сносные условия для своих талантов, чтобы удержать их дома? Почему элиты стран «второго» и «третьего» мира не думают об импорте «мозгов»? Или придают этому импорту гораздо меньшее значение, чем импорту материальных товаров, в том числе предметов роскоши?

Можно давать различные ответы на эти неудобные вопросы, но, на мой взгляд, уровень образования во многом зависит от интеллектуального контекста того или иного общества. А интеллектуальный контекст общества, прежде всего, зависит от уровня развития социогуманитарного знания. В подтверждение этого тезиса мы можем привести факты, свидетельствующие, что естественнонаучные и технические знания более масштабно и, самое главное, устойчиво развиваются в тех странах, где имеются длительные традиции развития сложного социогуманитарного знания.

— Если развитие зависит, прежде всего, от содержания социокультурных когнийций, то тогда хотелось бы конкретизировать различия дискурсов и нарративов развитых и развивающихся стран.

— Социокультурные дискурсы и нарративы развитых обществ и развивающихся стран отличаются, прежде всего, уровнем их сложности и современности. Социокультурные концепты, базовые идеологемы современных обществ возникли на основе очень сложной эпистемологической традиции, их также отличает высокая динамика изменений. Так, за последние два-три столетия в странах, которые входят в «первый мир», произошло несколько эпистемологических революций, и они повлияли

не только на специализированные виды интеллектуальной деятельности, но и, в целом, на изменение культурного контекста.

Различия между развитыми и развивающимися странами можно проследить через уровень развития социологии. Специалисты по современному обществу как на один из важнейших атрибутов современности указывают на наличие особой роли социологии в развитии и воспроизводстве модернизированных обществ. Как контрпример мы можем рассмотреть ситуацию с социологическим знанием в странах «второго» и «третьего» мира. В этих обществах возникли пока лишь фрагменты социологии и возможности развития современной социальной теории в их контексте пока весьма ограничены. Ограничивающими условиями, конечно, является и недостаточное финансирование, но основными барьерами остаются эпистемологические нормы. Стил мышления в традиционных и полутрадиционных обществах «второго» и «третьего» мира плохо совместим с эпистемологическими предпосылками современной социальной теории. Модернизация как современное состояние умов, как особый тип социальной психологии не может утвердиться в обществах, где все еще господствуют домодернистские нарративы, мифы и верования. Как отмечал Орхан Памук, «в обществе, где слишком много демонов, демону модернизма приходится очень трудно».

Развитие социологии в развивающихся странах затруднено по многим причинам. К наиболее очевидным причинам относят недостаточное финансирование, а также влияние политических факторов. Конечно же, данные факторы имеют довольно существенное значение для развития социальной науки. Но, на мой взгляд, более глубокой причиной, затрудняющей развитие социологии в развивающихся обществах и, в целом, современного сознания, является сохранение доминирующего положения традиционных эпистемологических норм. При несовпадении базовых когнитивных предпосылок традиционной ментальности и современного социального дискурса нельзя ожидать интенсивного и масштабного развития социологии в развивающихся странах.

Из-за различий в эпистемологических нормах в современных обществах люди больше тяготеют к сложным и оттеночным концепциям, и, наоборот, в развивающихся странах более популярны жесткие теории и идеологемы, основанные на дуалистической ло-

гике. Популярность той или иной версии знания, той или иной эпистемологической установки решающим образом зависит от социокультурного контекста. При этом следует помнить, что речь не идет о полностью гомогенных когнитивных контекстах. Так, в развитых странах можно найти немало приверженцев простых версий знания, носителей редукционистской логики, а в развивающихся странах мы можем найти сообщества и субкультуры, где практикуются очень сложные и эзотерические знания. Но когда мы говорим об общем культурном контексте, о доминирующем стиле мышления, то здесь мы видим масштабные и явно выраженные различия между диверсифицированным типом знания, характерным для современного общества, и редукционистскими концепциями, господствующими в развивающихся странах.

— *Вы нарисовали такую мрачную картину, что Вас можно определить как крайнего пессимиста.*

— Я не являюсь законченным пессимистом, скорее, отношу себя к умеренным оптимистам, так как вижу в нашем обществе определенные предпосылки для закрепления современных тенденций. Ведь за последние двадцать лет у нас появилась достаточно большая группа мобильных предприимчивых людей, десятки тысяч казахстанцев получили образование в ведущих университетах мира, да и нельзя сказать, что местные выпускники — это сплошь малообразованная масса. Можно говорить, что в последние годы появляются определенные позитивные тенденции, связанные с изменением образовательных установок молодых казахстанцев. На мой взгляд, они обусловлены тем, что различные формы интеграции нашего образования с мировым позволяют им воочию увидеть в институте образования реальный социальный лифт, который позволит им в будущем повысить свои позиции. Пока, мне кажется, именно социальные аспекты могут стать основными мотивационными факторами, способствующими повышению престижа образования. Пусть такие мотивы пока не могут утвердить в нашем обществе более глубокие и неутилитарные нормы образования, но, тем не менее, по сравнению с упадком престижа образования на рубеже 90-х и нулевых такие установки уже можно рассматривать как предпосылки для позитивных изменений.

Проблема идентичности в современном мире

— Проблема идентичности для современного мира является одной из самых сложных. Какие факторы влияют на проблематизацию идентичности в современном мире?

— Возрастание динамики и сложности в современном мире неизбежно проблематизирует групповые и индивидуальные идентичности. Проблематизация идентичности характерна как для людей, испытывающих трудности с адаптацией к современному миру, так и для стран, которые относят к хронически отстающим. Вместе с тем критическая рефлексия, связанная с переосмыслением собственной идентичности, пронизывает в той или иной степени жизнь любого человека и всех сообществ, всех стран современного мира. Так, Сэмюэл Хантингтон в своей книге «Кто мы?» отмечает, что утверждение «мы американцы» требует всестороннего анализа. Предлагая задуматься над этим фундаментальным для любого сообщества вопросом, Хантингтон вносит на рассмотрение ряд идентификаций, анализ которых свидетельствует о серьезной проблематизации американской идентичности. Он не одинок в своей тревоге по поводу проблематизации американской идентичности. Многие специалисты соглашаются с Хантингтоном в том, что за последние два-три десятилетия под воздействием современных тенденций подверглись глубокой деконструкции идентификации, которые большинством американцев исторически воспринимались как основы их национальной идентичности. Если страна, занимающая лидирующее положение в мировом сообществе, испытывает очень серьезные трудности с самоидентификацией, то, конечно же, эта проблема в неизбежно более сложном виде стоит перед странами, для которых свойственны хронические трудности в решении проблемы современного развития.

В целом, современность из-за своего подрывного характера неизбежно обрекает любые идентичности на деконструкцию и принуждает всех искать новые ответы на вопросы «кто я?», «кто мы?». Рассматривая трудности с национальным самоопределением, переживаемые американцами, Хантингтон приходит к выводу, что эта проблема свойственна всем регионам, всем ци-

визациям и странам современного мира. Так, он приводит примеры проблематизации идентичности японцев, иранцев, китайцев, а также с кризисом идентичности в Южной Африке, Сирии, Бразилии, Турции, России и Мексике. По его мнению, кризис идентичности не обошел и Европу, в том числе и такие страны, как Германия и Великобритания. К перечисленным Хантингтоном примерам мы в той или иной степени можем добавить все другие страны современности. В современный период истории абсолютное большинство людей испытывают трудности с групповой или индивидуальной идентичностью, или и с той и другой. Другими словами, в нашу эпоху кризис идентичности носит всеобъемлющий характер, а различия в его переживании проявляются лишь в степени и масштабах.

Особенно большие трудности испытывают с самоидентификацией постсоветские страны, которые пережили слишком быстрый переход от одной общественной системы к другой. Проблемы с самоидентификацией в этих странах усугубляются из-за того, что в большинстве из них не было социокультурной мысли, которая была бы способна подготовить общество к масштабной трансформации его идентичности. Именно в отсутствии теоретической мысли, способной подготовить трансформацию общества и обеспечить ее интеллектуальное обоснование, заключается основная проблема большинства постсоветских стран. Лишь страны Балтии по своим историческим особенностям оказались более или менее подготовлены к постсоветскому развитию. Такой вывод можно распространить и на страны Восточной Европы, так как у них не было такого радикального разрыва со своей досоциалистической идентичностью.

Однако когда мы утверждаем, что кризис идентичности носит всеобъемлющий характер, то это не означает, что он имеет одинаковые причины и формы проявления. Так, если для индивидов и сообществ в развитых странах проблематизация идентичности связана с переходом от моделей жизни, которые обобщенно называют модернистскими, к постмодернистским, то для индивидов и сообществ из стран «второго» и «третьего» мира она заключается в подрыве традиционной идентичности и неспособности достичь уровня когнитивной сложности, позволяющей им сформировать основы современной идентичности.

Различия в идентичностях между сообществами современного типа и сообществами, испытывающими хронические затруднения с вхождением в современность, мы можем концентрированно увидеть через анализ трех базовых идентификаций. Эти идентификации связаны с тремя основными формами жизни человека: общеродовой, групповой и индивидуальной.

— *Что же отличает идентичность современного типа от ее традиционных версий?*

— Для идентичности любого человека его основой, несмотря на значимость общеродовой и индивидуальной идентификаций, исторически были и, на мой взгляд, всегда будут различные типы групповой самоидентификации. В этом смысле, я считаю, модный критический подход к групповой идентичности как показателю отсталости индивида или сообщества достаточно поверхностным суждением или просто недоразумением. Существовать вне групповой идентичности, наверное, могут только боги или сверхчеловеки. Отрицание групповых форм идентичности и призывы, связанные с их преодолением, могут иметь определенный неконформистский шарм, но они не выдерживают никакого более или менее обоснованного анализа структуры любой человеческой идентичности. Сами любители таких призывов могут заняться рефлексией по поводу своей идентичности и с прискорбием обнаружить, что в основе их идентичности лежат те или иные версии групповых идентификаций.

Идентичность, как подчеркивают Питер Бергер и Томас Лукман, не является следствием выбора только индивида, это диалектическая взаимосвязь индивидуальных возможностей и общественных условий. И типы идентичности — это фактически социальный продукт, производимый обществом на основе его социокультурных когниций. Без определенной традиции теоретизирования, связанной с данной проблемой, модели идентичности не могут быть успешно освоенными отдельными индивидами. Идентичность отдельного человека и сообщества также должна быть включена в более общую интерпретацию общественной реальности, должна быть встроена в ее символический универсум.

Поэтому, чем заниматься пустыми призывами и пытаться эпатировать публику, тем, кто утверждает, что они смогли

преодолеть зависимость от всех форм групповой идентичности, следует поставить вопрос не об абсолютном отказе от групповых идентификаций, а от каких именно и какими идентификациями их возможно замещать. При этом возникает вопрос, насколько определенное общество, та или иная группа, или отдельный человек способны к преодолению и замене той или иной идентификации. Ведь, как правило, пытаются отказаться от идентификаций, традиционных для определенного сообщества, а если мы говорим, что та или иная идентификация имеет традиционное происхождение, то речь идет о глубоко интернализированных способах самоопределения. Такие интернализированные в течение длительного времени идентификации образуют базисный набор атрибутов определенного сообщества. Исторически закрепленные идентификации фактически являются ДНК доминирующего типа человека определенного общества. На индивидуальном уровне, естественно, всегда могут быть противоречия с базисными идентификациями, могут быть их особые сочетания, но они фактически определяют самоидентификацию большинства членов любого сообщества.

При обобщенном подходе мы можем увидеть, что во всех видах досовременных обществ доминирующее положение занимают аскриптивные идентификации. Именно они составляют базис идентичности сообществ и абсолютного большинства его членов. Что же касается современного общества, то при сохранении в определенной степени значимости аскриптивных идентификаций на первый план как базисные выходят достигательные идентификации, связанные, прежде всего, с профессиональной принадлежностью.

— Какие идентификации являются определяющими для идентичности казахстанцев?

— Казахстан является обществом смешанного типа, поэтому и идентификации, влияющие на формирование идентичности казахстанцев, имеют как традиционные, так и современные источники. Конечно же, смешанные общества не образуются из равного сочетания досовременных и современных институтов. Как правило, основными доминирующими институтами в таких обществах остаются традиционные, а современные, при всей их

важности, все же не играют такой роли. Поэтому и идентификации, которые формируют тип человека в таких обществах, в основе своей являются традиционными. Применительно к казахстанскому обществу это такие традиционные идентификации, как семья, род, этнос. Для самоидентификации человека, конечно же, всегда важна возрастная и гендерная принадлежность. Без таких имеющих универсальное значение идентификаций невозможно конструирование идентичности человека в любом обществе, но в традиционном обществе гендерные и возрастные идентификации имеют дихотомический, ригидный характер. Под влиянием своих эссенциалистских представлений о своей идентичности члены традиционных сообществ повышено склонны к крайне эмоциональным реакциям на любые попытки их деконструкций. Такая особенность, присущая традиционным сообществам, в современном мире создает объективную основу для множества экзистенциальных и социокультурных конфликтов.

Применительно к изменениям идентичности казахстанцев мы можем отметить, что в семейных формах казахстанцев все больше наблюдаются тенденции, в определенной степени схожие с типом семьи в современных обществах. Так, сейчас все больше наших соотечественников живут в нуклеарных семьях, тогда как в традиционных обществах структура родства основана на концепции большой семьи, в рамках которой или совместно проживают, или сохраняют тесные отношения несколько поколений родственников. Что же касается этнических критериев, то здесь мы видим, что их значимость из-за недостаточной развитости других современных социокультурных идентификаций неизбежно повышается. И в самоидентификации человека казахстанского общества, как и других постсоветских обществ, этническая идентичность является базисной в определении принадлежности человека к большой группе. Для социокультурного самоопределения большинства жителей постсоветских стран решающее значение имеет именно их этническая принадлежность, и при отнесении себя к базовой макрогруппе они прежде всего определяют себя как казахи, русские, украинцы, евреи, татары, а не по своей профессиональной или государственной принадлежности.

Для казахстанского общества, как и для большинства полутрадиционных общественных систем, характерно сохранение ро-

доплеменных идентификаций. В этом плане Казахстан, так же как и большинство стран «второго» и «третьего» мира с полиэтничным составом, сталкивается с двумя очень сложными историческими проблемами, и решение этих проблем далеко не очевидно. Во-первых, в этих странах еще не сформировались консолидированные этносы, они еще внутри себя довольно сильно дифференцированы на родоплеменные образования. В то же время современность ставит перед этими странами проблему формирования общенациональной идентичности. Однако ресурсы этих стран как по этнобилдингу, так и по нэшнлбилдингу являются крайне ограниченными. Поэтому этническая, а тем более общенациональная солидарность очень часто формулируется как необходимость, но воплощение этих целей в реальность затрудняется или срывается из-за недостатка, можно сказать, крайней ограниченности соответствующих когний, позволяющих выдвигаемые этнонациональные цели довести до необходимого уровня эксплицитности и, соответственно, до уровня применимости на практике.

— *Как Вы оцениваете уровень развития и перспективы укоренения современных идентификаций в казахстанском обществе?*

— Идентичность современного человека не является абсолютной противоположностью традиционной. Для него также важны семейные, этнические, конфессиональные, гендерные и возрастные идентификации. Но данные идентификации в современном обществе подверглись очень существенной трансформации и уже не являются такими же ригидными, как их аналоги в традиционном обществе. Не потеряв абсолютно свое значение, сохраняя свою значимость для жизни современного человека, они стали более сложными, более диффузными, что позволяет современному человеку иметь более гибкую, более открытую систему самоидентификаций. Идентичность современного человека более индивидуализирована, но при всей своей индивидуалистичности она всегда базируется на определенных групповых идентификациях. Радикальным отличием идентичности современного человека является его базовая идентификация, которая основывается, в отличие от традиционной идентичности, не на аскриптивных

установлениях, а на профессиональной принадлежности. Именно профессиональная идентичность является определяющим социокультурным механизмом в формировании как современного человека, так и современных общественных отношений. Во всех обществах, где образовалась модель идентичности с профессиональным ядром, появились люди, для которых важнейшая экзистенциальная ценность — быть профессионалом. При всей жесткости, возможно и жестокости, именно такая модель идентичности больше всего способствовала формированию современного человека. Профессиональная идентичность позволяет концентрировать усилия и, в целом, организовывать жизнь человека вокруг его профессиональных способностей как главной ценности, признаваемой не только самим человеком, но и обществом. История дает нам многочисленные свидетельства очень тесной корреляции между профессиональной идентичностью и профессиональной эффективностью. В обществах, где она массово распространилась, наблюдается и более высокая профессиональная эффективность, и наоборот — где не было условий для массового распространения профессиональной идентичности, имеют место устойчивые проблемы с утверждением норм профессионализма.

— С учетом значимости проблемы желательнее более подробно рассмотреть ситуацию с формированием профессиональной идентичности в казахстанском обществе.

— Конечно же, усилия по индустриальному развитию в советском обществе не обошли стороной и Казахстан. На желание развивать профессиональные способности влияют и процессы, которые мы называем рыночными. Поэтому в нашем обществе, несомненно, есть профессионалы, и среди них мы можем найти профессионалов очень высокого уровня, конкурентоспособных и за рубежом. Однако в целом профессиональная идентификация не стала базовой для идентичности казахстанцев. Будучи носителями традиционных идентификаций, казахстанцы все же склонны отдавать предпочтение гендерным, этническим, родоплеменным, иерархическим идентификациям, а профессию могут считать важной, но не определяющей частью своей идентичности. То, что профессия не является основой идентичности казахстанцев, подтверждается и тем, что после рабочего времени мысли

большинства казахстанцев мало связаны с ней. Да и на работе в общении коллег очень большое место занимают обсуждение так называемых «житейских вопросов», а не профессиональные проблемы.

Такое положение дел с самоидентификацией большинства казахстанцев обусловлено содержанием базовых социокультурных дискурсов и нарративов, более благоприятных для формирования традиционных идентичностей и ориентирующих человека на развитие его традиционной синкретичности. Благоприятствует устойчивости традиционной идентичности и высокая степень ее социокультурной востребованности. А такая востребованность в основном проистекает из контекста интернализованных аскрипций и форм традиционной деятельности, в рамках которого профессиональная специализация так и не смогла обрести необходимую социокультурную легитимность.

Неспециализированный целостный человек, посвятивший себя традициям, а также определенному социальному служению или политической деятельности по прогрессивному преобразованию этих традиций, вот основной идеал и, соответственно, базовая идентификация, влияющие на формирование доминирующих идентичностей в слабодифференцированных обществах. У писателя Дмитрия Быкова есть очерк, где приводятся биографические факты, которые, на мой взгляд, являются репрезентативными для понимания идентичностей членов полутрадиционных обществ. В своем очерке он описывает судьбу женщины, которая в советское время была диссиденткой. Ее самоидентификация, основанная на дискурсе социального служения, является выражением базовых ориентаций интеллигенции советского общества, и они все еще сохраняются в большинстве постсоветских обществ. Героиня очерка Быкова считает, что диссидентство сделало из нее человека. При этом она самокритично отмечает, что не принадлежала к лидерам этого движения, но, тем не менее, убеждена, что без этого опыта «она бы не состоялась как человек» и оставалась бы «никому ненужным географом, псевдочленом», работы которого никто и никогда не заказывал бы в библиотеке. Диссидентство, считает она, позволило ей избежать «серой жизни», «рутинной работы» и позволило общаться с «лучшими людьми» того времени. В системе ценностей героини очерка служить обществу —

означает, прежде всего, посвятить себя служению делу, которое должно радикально изменить это общество, способствовать преодолению его косности и утверждению прогрессивных идеалов. А профессия, будь то географа, филолога, инженера, в этой системе координат несравненно менее значима, чем деятельность, основанная на идеалах «служения обществу». Оставаясь географом, не посвящая себя общественному служению, она жила бы по ее словам «серой жизнью». В отличие от «серой жизни», присущей тем, кто занимается рутинной профессиональной деятельностью, жизнь диссидента наполнена тем смыслом, каким полутрадиционное общество не может наделить профессиональную деятельность. Те, кто посвятил себя служению общественному делу, — это «лучшие люди», и рядовые профессионалы в этой классификации, определяемой системой социокультурных координат полутрадиционного общества, обречены на второсортность. В такой общественной среде рядовым профессионалам уготована «серая жизнь», в отличие от наполненной высокими смыслами и ценностями жизни «лучших людей».

Приводимый Быковым нарратив рядовой советской диссидентки — это часть более широкого общественного дискурса, и в его рамках профессиональная идентичность никогда не может не только сравниться с идеалами «служения общественному делу», но и в целом ее легитимность постоянно находится под вопросом. В дискурсе диссидентов мы наблюдаем воспроизводство логики разночинцев и большевиков, которые также служение политическим идеалам ставили, несомненно, выше любых специализированных видов деятельности. И хотя советские диссиденты в большинстве своем противопоставляли себя большевистской традиции, тем не менее они, так же как их идеологические противники, находились под влиянием дискурса полутрадиционного общества. Состояние социально-политической теории в советском обществе, однако, не позволяло диссидентам, как и большинству советских людей, подвергнуть критической рефлексии нормы и ценности, утверждаемые таким дискурсом. Из-за невозможности отразить такую традицию «служения» большинство советских диссидентов были лишены понимания, что при содержательных отличиях от своих политических

антиподов по своей социокультурной логике они были во многом близки с ними.

Симптоматично, что героиня данного очерка, которая в соответствии с господствующими нормами своего общества ставит ценности «служения делу» выше профессиональных, является образованной москвичкой. Получается, что профессиональная специализация в одном из крупнейших индустриальных и научно-образовательных центров не только Советского Союза, но и мира была и остается менее легитимной, чем служение социально-политическому делу. Соответственно, в таком социокультурном контексте те, чья жизнь «ограничена» в основном профессиональными занятиями и не достигает уровня «служения обществу», лишены престижа, которым обладают социальные активисты. Такая система ценностей и распределения престижа не может порождать массовые мотивы следовать профессиональному призванию, формировать основанную на нем идентичность.

— *Как Вы объясняете такую ситуацию?*

— В обществах, где не развита институциональная дифференциация, очень трудно найти социокультурную основу для формирования профессиональной идентичности. Для эффективного поддержания своей идентичности индивиду требуется не только имплицитный контекст, но и эксплицитное эмоционально-заряженное подтверждение от значимых других. Он должен быть помещен в условия, когда он может постоянно проговаривать различные элементы своего опыта, помещать их в определенный общеразделяемый контекст. Бергер и Лукман отмечают, что для успешного поддержания представлений об окружающей реальности требуется последовательный и согласованный аппарат общения. Разрывы последовательности и согласованности в понимании происходящего с нами представляют большую угрозу для поддержания не только коллективной реальности, но и индивидуальной, что было продемонстрировано известными экспериментами Гарольда Гарфинкеля.

Трудности с формированием современной профессиональной идентичности в полутрадиционных обществах во многом обусловлены тем, что в рамках заимствованных институтов зачастую отсутствуют последовательные и согласованные аппараты

общения и для их членов разрывы последовательной согласованности, основанные на собственно институциональных нормах, — это обычная практика. Наоборот, согласованность в рамках заимствованных институтов носит неинституциональный характер, точнее, она чаще всего опирается на когниции и нормы других институтов, доминирующих в данном обществе и эффективно формирующих габитусы и идентичности его членов.

В традиционных и полутрадиционных обществах приветствуется так называемый целостный тип человека и отрицается или негативно определяется его глубокая специализация. В результате, когда в обществе преобладают люди, которым больше свойственны общие, а не специфические черты, когда нет достаточной массы людей, ориентированных, прежде всего, на профессиональные ценности, то не развиваются и современные дифференцированные институциональные отношения. Получается, что слабодифференцированные социокультурные системы «производят людей», тяготеющих к неспециализированным, «целостным» формам жизни, а они, в свою очередь, в дальнейшем способствуют воспроизводству синкретического общества.

Проблему значимости или незначимости профессионализма в обществе хорошо иллюстрирует следующий тезис Питера Бергера, связанный с компетенцией социолога. По его мнению, социолог соответствует своему предназначению, когда он на основе двух показателей, определяющих принадлежность к классу, — дохода и профессии, сумеет составить длинный список предположений и прогнозов. К таким предположениям и прогнозам Питер Бергер относил адрес проживания человека, интерьер его жилища, домашнюю библиотеку и картины, участие в общественных организациях, партийные ориентации, количество детей и особенности их воспитания. Выводы Бергера основаны на фактах из жизни общества, где профессия имеет ключевое значение и социокультурные нормы структурированы в соответствии с главным институциональным императивом общества. В таких общественных условиях социологу относительно легко представить список предположений о человеке, зная его профессию. Но прийти к таким же предположениям в обществе, где профессия не играет такой значимой роли, будет уже крайне затруднительно. В общественных системах, являющихся современными по календарным

критериям, но по своей социокультурной структуре все еще остающихся досовременными, мы не можем обнаружить такие же корреляции между профессиональной принадлежностью, доходом и другими атрибутами человека. Отсутствие такой корреляции не означает, что данные общества имеют слабоструктурированный характер и поэтому в них нельзя обнаружить перечень обязательных требований и соответствующих им социокультурных характеристик. В досовременных обществах есть свои зависимости между различными видами деятельности, между различными идентификациями, и, порой, они носят гораздо более жесткий и императивный характер, чем в современных обществах. Но эти требования и вытекающие из них зависимости в основном имеют аскриптивный характер, и профессиональная принадлежность человека в таком обществе оказывается менее значимой, чем его традиционные атрибуты.

— Но ведь с советских времен у нас сложилась достаточно разветвленная производственная специализация, имеет место перечень функциональных обязанностей работника, которые отличаются от обязанностей других работников. Разве это не является профессиональной специализацией?

— Несомненно, определенный уровень дифференциации, в частности, производственной специализации, нами достигнут. Поэтому мы являемся страной «второго», а не «третьего» мира. Однако современная дифференциация общества — это не только производственная специализация, а возникновение таких подсистем общества, деятельность которых очень сильно отличается от других, и, соответственно, они не могут опираться на людей с универсальными качествами, а требуют дифференцированных типов людей.

Формирование и закрепление таких типов людей требует и соответствующей самоидентификации, требует того, чтобы в обществе сформировались модели идентичности, ориентированные на профессиональную специализацию. А для формирования таких идентичностей одной специализации в рамках производства недостаточно. Требуется более широкая социокультурная основа для закрепления ценностей профессиональной идентификации, и она достигается, если происходит масштабная плюрали-

зация общества. Плюрализация общества приводит к формированию различных стилей жизни, к росту субкультур. В рамках такой плюралистической общественной системы формируются и благоприятные условия для современных версий идентичности. Современные модели идентичности в такой социокультурной системе получают возможность для более широкой автономии и избавляются от диктата синкретических норм, характерного для традиционных обществ.

Известный специалист по модернизации Шмоэль Эйзенштадт, рассматривая затруднения традиционных обществ, связанные с модернизацией, считал, что такие затруднения во многом обусловлены неразвитостью в этих обществах «автономных идентичностей». Вывод Эйзенштадта подтверждается всей историей модернизации. Мы не знаем случаев успешной модернизации в обществах, не сумевших сформировать автономные идентичности, где современные идентификации, прежде всего профессиональные, оставались лишь дополнением к традиционным.

— Какие признаки являются определяющими для феномена автономной идентичности? Видите ли Вы предпосылки их формирования в казахстанском обществе?

— Существуют виды деятельности достаточно простые, хотя для их освоения требуются и время, и силы, но не требуется особой организации жизни. Что же касается сложных видов деятельности, связанных с современными профессиями, то, для того чтобы стать хорошим специалистом, недостаточно освоения чисто технических знаний, они требуют особой организации жизни человека. Высокий уровень компетенции, тем более на массовом уровне, здесь достигается, если в основе технических знаний лежат дифференцированные социокультурные формы с соответствующими смыслами и ценностями. Другими словами, сложные виды деятельности требуют и социокультурной дифференциации, возникновения особых типов идентичностей, которые мы, следуя примеру Эйзенштадта, можем назвать автономными. Автономная идентичность, в отличие от массово распространенных в традиционном обществе идентичностей, предполагает особый образ жизни, и приобщение к ней требует определенных условий и предпосылок как социокультурных, так и индивидуальных.

Очень важно, что стремление к автономной идентичности, развитие такой идентичности в обществе должно быть легитимным. Особенность же традиционных и полутрадиционных обществ в том, что дифференциацию институтов и формирование автономных идентичностей, как правило, не приветствуют и даже прямо осуждают. Дифференциация и специализация допускаются лишь в той мере, в какой они не подрывают существующий порядок, не претендуют на масштабную автономию. В казахстанском обществе пока также доминирует синкретическая социокультурная логика, и она более благоприятна для воспроизводства традиционных идентичностей и неблагоприятна для формирования автономных идентичностей.

Воспроизводство традиционных идентичностей в постсоветских обществах во многом обеспечивается благодаря преобладанию ценностей, ориентирующих людей больше на прошлое, чем на настоящее и будущее. Так, мы видим, что в последние десять лет у жителей постсоветских стран наблюдается сильная ностальгия по советскому прошлому. Советское прошлое стало очень значимым фактором для самоидентификации и значительной части казахстанцев. В исторических условиях, когда интеллектуальная элита не обеспечила и не могла обеспечить необходимый объем современных когний, идентичность большинства постсоветских людей представляет собой крайне эклектическое образование из идентификаций, имеющих досоветское, советское и постсоветское происхождение. При этом если для россиян, а среди них, прежде всего, для русских, более значимы идентификации с советским, то для идентичности казахов и других народов бывшего Советского Союза более значимы досоветские идентификации. Но в данном случае нельзя говорить о явном и четком преобладании определенной идентификации по принципу советской или досоветской, о наличии кристаллизованных идентичностей постсоветских людей. Синкретизм — это родовая черта идентичности постсоветских людей. В идентичности постсоветского человека нередко идентификации с досоветским, советским и постсоветским обществом образуют неотрефлексированное противоречивое единство. Но общим для всех этих стран является преобладание, как уже отмечалось, ценностей прошлого, порой очень архаичных, и такая архаизация объявляется как нахо-

ждение аутентичности этих народов. Получается, что без такой масштабной опоры на прошлое, без архаизации своей жизни большинству бывших советских народов трудно обеспечить достижение состояния, которое, по их мнению, является наиболее аутентичным.

— Исходя из Ваших рассуждений, можно сказать, что в очередной раз народы, населяющие евразийское пространство, оказываются заложниками своего прошлого и не могут преодолеть его гравитацию?

— В стремлении сохранять и чтить традиции нет ничего плохого, и самое главное, что они, в той или иной степени, всегда сохраняются и помимо нашей воли. И в этом смысле борьба с традициями так же бесперспективна, как и стремление их консервировать, не допуская их изменений. Невозможность достичь успеха в борьбе с традициями доказали попытки реализации революционных идеологий, в основе которых были не только установки, ориентированные на будущее, но и понимание путей достижения этого будущего за счет радикального выкорчевывания традиций и насаждения новых отношений. Но, как правило, революционеры не в состоянии полностью отменить прошлое, а последующие поколения вдруг обнаруживают особую страсть к традициям, обнаруживают устремления идеализировать архаические институты.

В целом, в современном мире становятся все более популярными нарративы и концепции, в которых нынешнему негативно-му состоянию противопоставляется утраченное гармоничное прошлое. Особенно такие концепции популярны в странах, испытывающих хронические трудности с развитием. Однако опора на прошлое, тем более на архаические институты и соответствующие идентичности, лишает эти страны возможности быть конкурентоспособными в современном мире. Тогда возникают вопросы «Что не так»? «Что делать»? «Кто виноват?». Ответы на эти вопросы в большинстве случаев, к сожалению, не приводят к пересмотру традиционных представлений и идентификаций, к созданию новых сценариев и нарративов, способных обеспечить формирование соответствующих требованиям современной эпохи идентичностей.

Сталкиваясь с трудностями, носящими хронический характер, большинство людей в полутрадиционных странах склонны к формированию полемической и в широком смысле негативной идентичности. Носители такой идентичности из-за невозможности продуктивно переосмыслить свои основания, а также из-за затруднений с инкорпорированием современных идентификаций вынуждены следовать логике противопоставления и отрицания. Для оправдания неконкурентоспособности своих обществ носители негативной идентичности прибегают и к рационализации, объявляя свое отставание как сохранение духовных начал, которые утеряны народами более успешных стран. В данном случае наблюдается социокультурная и психологическая закономерность, неоднократно выявленная исследователями, как на групповом, так и на индивидуальном уровне. Она проявляется в том, что проигрывающие в конкуренции общества, группы и индивиды имеют ярко выраженную склонность к морализаторству.

Модернизация, конечно, не может проходить без болезненного сравнения положения развивающихся стран и Запада. И интеллектуалы, и многие представители высшего и среднего класса такого общества переживают внутренний конфликт из-за необходимости выбора между ценностями родной культуры и Запада. Они разрываются между двумя мирами, переживают кризис самоопределения. При этом, как правило, происходит идеализация одного начала. Так, по мнению Орхана Памука, в начале ускоренной модернизации Турции Запад для турок не являлся понятием, которое нужно исследовать, анализировать, он был идеалом, целью, к которой стремились. Писатель отмечает, что тезис «как это было принято в Европе» был определяющим, он с детства слышал эти слова по радио, телевизору, от родителей, и он не являлся доводом, наоборот, он уничтожал любой довод. В такой идеологизированной и даже мифологизированной ситуации формировались образы, которые были далеки от реальности.

На основе мифологизированного образа Запада формировались как критический взгляд на собственную культуру, так и ее некритическая апология. Если антизападно настроенные традиционалисты видели в Западе только негативное, то их антиподы отличались восторженным восприятием западной культуры. Но при этом, подчеркивает Памук, даже самый экзальтированный

западник был обречен на амбивалентность. Так как он стыдился того, что он не европеец, одновременно, он бессознательно стыдился своих усилий стать европейцем, стыдился того, что его усилия реализуются лишь наполовину. Со временем, как и в других странах с незавершенной модернизацией, у многих турков, из тех, кто в 30–40 годах пытался стать европейцем, осталось лишь ожесточение. Это ожесточение, считает Памук, было вызвано чувством безысходности и ревности, ведь они хотели стать европейцами и не смогли стать, но в результате они рассердились не на себя, а на Запад. Далее он с грустью заметил, что европеизированный обеспеченный класс Турции страдает, негодует, потеряв надежду на свою мечту, дальнейшую европеизацию. «Стали опять на мусульманские праздники носить мусульманские вещи, пытаться отрицать западные. Но они так и не понимают, подчеркивает Памук, что «мы так и не смогли узнать за сто с лишним лет, что такое Запад».

Мифологизированные представления о Западе и неадекватное понимание самих себя присущи почти всем странам неорганичной модернизации. Такие представления являются следствием ограниченности возможностей большинства стран создать современный дискурс, генерировать социокультурные когниции, соответствующие требованиям современного развития. Из-за неразвитости современного дискурса в развивающихся странах невозможно сформировать объективное понимание проблем модернизации. Такая когнитивная ситуация больше способствует развитию инфантильно-инвективного мышления, и поэтому носители такого мышления склонны в своих бедах обвинять не себя, а любые внешние силы. При этом их отношение к окружающему миру является очень изменчивым. Так, интеллектual Памук отмечает, что подобно своему кумиру Достоевскому, он много раз ощущал чувство как любви, так и ненависти к Западу. Отношение Достоевского к Западу как часть проблемы раскола общества на «западников» и «почвенников», как мы знаем, возникло в обществе, которое первым из незападных стран встало на путь модернизации, но так и не смогло ее успешно завершить. Как грустно констатировал Венедикт Ерофеев, потомкам реформаторов XVIII и XIX веков до сих пор приходится «выбирать между европеизацией и русификацией». Из-за незавершенности российской

модернизации и в XXI веке, после трех с лишним веков усилий, направленных на вхождение в современный мир, все еще продолжается конфликт между «западниками» и «почвенниками».

Такой конфликт между сторонниками модернизации и традиционалистами присущ и казахстанскому обществу. И в обозримом будущем мы вряд ли сможем преодолеть существующий социокультурный раскол и осуществить плодотворный синтез традиций и новаций. Состояние казахстанской социокультурной мысли не позволяет создавать современные дискурсы и нарративы, и, как следствие, в нашем обществе отсутствуют когнитивные предпосылки для возникновения современной идентичности. В результате такой социокультурной ситуации ее подменяет или навязное подражание западным моделям, или полемическое противопоставление им архаических идентификаций. Избежать такого полемического противопоставления или примитивного подражания Западу удалось лишь нескольким странам Юго-Восточной Азии. Они смогли трансформировать свои традиции, соединить их с институтами, которые они позаимствовали на Западе, при этом сумев органично адаптировать их к своей среде.

Слабое место, можно сказать, ахиллесова пята негативной идентичности не только в том, что она не может обеспечить продуктивность и конкурентоспособность, но и в том, что она принципиально не может существовать без отрицаемой идентичности других. Конечно же, феномен «другого» всегда встроен в механизм самоидентификации человека и любого сообщества, но вопрос стоит о степени значимости «другого» для самоидентификации отстающих обществ. Для индивидов, групп и обществ, в целом отстающих от других, как правило, «другие» играют слишком большую роль в воспроизводстве их идентичности. Они вынуждены постоянно сравнивать себя с более успешными оппонентами, постоянно с ними полемизировать, постоянно себя им противопоставлять. В силу того, что эти противопоставления, если они будут объективными, могут радикально подорвать идентичность отстающих, то они, как уже выше отмечалось, вынуждены прибегать к морализации для самооправдания и принижения образа успешных других. Содержание всех этих негативных нарративов является различным, но константой их полемической идентичности является особая, можно сказать, фундаментальная

роль «другого» для своего воспроизводства. Если по каким-то причинам «другой» вдруг исчезнет, то для негативной идентичности такое событие будет невозполнимой или, по меньшей мере, трудновосполнимой потерей. Это будет брешь, которую нужно будет срочно восполнять конструированием другого противопоставления, другой негативной силы, которая будет наделять смыслом существование данной негативной идентичности, будет служить оправданием ее недостатков и слабостей.

— В связи с влиянием процессов, которые обобщенно называют «глобализация», не считаете ли Вы оправданным стремление различных сообществ бороться за свои идентичности, сохранять свою цивилизационную специфику?

— Глобализация — это феномен, который в последние годы вышел за пределы научного дискурса и фактически стал не только идеологическим, но и мифологическим феноменом. Существуют, конечно же, серьезные исследования, в рамках которых глобализация не демонизируется, а рассматривается как проявление определенных объективных тенденций, имеющее свои достоинства и недостатки. Есть также исследования, которые эмпирически убедительно демонстрируют, что глобализация тесно связана с локализацией и в результате появляется такой феномен, как синтез глобального и локального, определяемый через понятие «глокализация». Но все же в огромной массе публикаций, выступлений, связанных с глобализацией, подавляющее большинство составляет воспроизводство различных идеологем и мифологем. Этот господствующий в развивающихся странах дискурс представляет глобализацию как негативное явление, как подавление особенностей, уникальностей отстающих и малых сообществ, как унификацию человечества на основе культурных лекал западного мира. При этом особенность мифологии и идеологического дискурса в том, что логика и факты здесь играют вспомогательную роль. Они направлены не на фальсификацию тезиса, а лишь на его подтверждение. Но если мы все-таки попытаемся рассмотреть глобализацию, опираясь на логику и факты, более предметно, более дифференцированно, то, конечно же, сможем увидеть, что это явление далеко не однозначное, а самое главное, на мой взгляд, оно не реализуемое. Например, когда противники

глобализации заявляют, что человечество из-за нее будет унифицировано под влиянием вестернизации. Также трудно представить, и я считаю, что это невозможно, экономическую, техническую и прочую унификацию человечества. Если мы попросим противников глобализации заняться элементарной статистикой и дать процент людей из народов, подвергаемых глобализационному насилию и под воздействием этой культурной агрессии ставших одинаковыми, не отличимыми от представителей западного мира, прежде всего, американцев, то они могут воспроизводить алармистские лозунги, но отнюдь не точные данные. Если сказать проще, то сколько мы видели казахов, таджиков, киргизов, русских, татар, арабов, монгол, унифицированных по западным лекалам и переставших быть представителями своих народов? На основе того, что они смотрят фильмы, слушают музыку и одеваются по-западному, их объявляют представителями унифицированной мировой массы. Но габитусы этих людей, их идентичности остаются местными, и никакие фильмы, музыкальные веяния, мода не способны изменить эти фундаментальные и глубинные характеристики для типа людей, сформированных в другом социокультурном контексте.

Об изменениях людей можно говорить, когда изменяются их идентичности, когда меняется их габитус. Однако для изменений на уровне габитусов и идентичностей требуется гораздо большее, чем набор стандартных «страшилок» о глобализации. Для нивелирования социокультурных различий, для унификации людей должны произойти масштабные изменения нарративов и дискурсивных практик, в рамках которых могла бы происходить альтернативная социализация. А радикальные изменения социокультурных когнитивных и основанных на них практик занимают длительное время, и большинство обществ в современном мире не имеют возможностей для таких масштабных изменений.

Говоря о невозможности глобализации, по крайней мере в том виде, о котором говорят ее крайне идеологизированные противники, мы можем обратиться к теории Джорджа Ритцера, автора довольно интересной концепции «макдонализации мира». По мнению Ритцера, глобализацию отличает и навязывание остальным странам стандартов ведения бизнеса, характерных для таких крупных мировых корпораций, как «Макдональдс».

И в данном случае аргументы Ритцера, в определенной степени, служат опровержением идеологизированной версии глобализации. Что-то, а эффективность трудно распространить и навязать; если бы это было возможно, то это было бы, по крайней мере, социально-экономическим благом для отсталых стран. Возможно, многое можно навязать, но, к сожалению, отнюдь не стандарты производства и труда, характерные для западных стран. На уровне фаст-фудов и других простых видов услуг «макдонализация» протекает довольно успешно, но она затруднительна и нередко даже невозможна на уровне сложного производства. Многие развивающиеся страны способны к освоению франшизы на уровне простых моделей, но большинство из них не в состоянии перенять сложные технологии производства и соответствующий им менеджмент.

И если мы хотим сохранить объективность, то надо быть более осторожными и осмотрительными в отношении концепции, утверждающей, что одни общества навязывают свои ценности и нормы другим. Ведь возможности распространения и навязывания социокультурных норм и ценностей, исторически сформированных в одних обществах, другим, крайне ограничены по когнитивным причинам. Если мы эмпирически строго будем исследовать результаты такого «навязывания» развитыми странами своих ценностей и норм странам «второго» и «третьего» мира, то вряд ли обнаружим, что последние живут на основе ценностей и норм первых. Конечно, следует согласиться с фактами, свидетельствующими, что ценности и особенно материальные результаты развитых стран, в первую очередь западных, привлекательны для значительной части людей из отстающих стран. Но возможности восприятия и следования в полной мере ценностям развитого мира у стран «второго» и «третьего» мира, как правило, очень ограничены. Чаще всего жители отстающих стран обнаруживают повышенную предрасположенность к потребительским ценностям западных стран, но не проявляют такого же рвения в приобщении к трудовым и образовательным ценностям «первого» мира. Такое положение с восприятием внешних влияний, со структурой и содержанием, возникающих на их основе предпочтений, является следствием не целенаправленного выбора, а когнитивных возможностей стран-реципиентов.

Под влиянием внешних культурных воздействий у человека могут возникнуть некоторые новые представления и потребности. Но для трансформации его габитуса, смены его идентичности требуется нечто большее, чем просто внешнее влияние. Таковую трансформацию можно определить как ресоциализацию человека, а такой результат получается лишь при его укорененности в других дискурсивных практиках, в масштабных и регулярных социокультурных процессах, отличных от тех, где происходила его первичная социализация. Конечно, под влиянием внешних культурных воздействий у жителей «второго» и «третьего» мира возникают желания подражать некоторым атрибутам престижных в современном мире моделей идентичности. Но эти подражания не могут стать основой для возникновения новой целостной идентичности, для превращения жителей незападного мира в западных людей. Степень соответствия подражаний западным образцам, уровень воздействия западных образцов на подражателей иронично и очень точно определил Виктор Пелевин в романе «Generation П». В своей книге Пелевин приводит пример пиарщика-западника как распространенный на нашем пространстве тип человека, пытающегося на основе своих скудных представлений, каких-то фрагментарных знаний о западном обществе выстроить для себя идентичность западного человека. Получается забавно, даже интересно, но все усилия такого рода по копированию модели человека, сформированного в ином социокультурном контексте, оказываются далеки от оригинала, с неизбежным преобладанием местного содержания.

Теоретическую необоснованность и идеологизированность концепции «глобализация» концентрированно можно видеть и в сфере образования, которая, по мнению антиглобалистов, страдает от экспансии образовательных стандартов Запада. Таковую экспансию, как на уровне стандартов, так и на уровне открытия филиалов западных вузов, приводят в качестве примера подавления местных образовательных традиций и культурной специфики других сообществ. Но на уровне образования возможности экспансии наиболее ограничены. Так, если можно купить станок или любой другой механизм и иметь возможность им пользоваться, пусть не так эффективно, как там, где их изобрели и создали, то научные и образовательные парадигмы и теории невоз-

можно передать, невозможно купить, невозможно просто заимствовать. И если в сфере других услуг франшиза — это распространенный и достаточно эффективный инструмент, то в сфере образования это просто фикция. За этой фикцией могут стоять искренние заблуждения или чисто финансовые интересы. Но в любом случае нельзя передать образовательные технологии и научные идеи определенному человеку или сообществу, лишь опираясь на его платежеспособность или желание создать его определенную культурную и политическую ориентацию. Как нельзя передать и навязать эффективность, так нельзя навязать идеи и концепции.

История модернизации свидетельствует, что все модели заимствований знаний и идей или их «навязываний» не привели к созданию унифицированного мира. Основным барьером на пути интеллектуальной и культурной унификации мира являются трудности с абсорбированием заимствованных знаний. Для систематизированного и масштабного абсорбирования заимствованных из развитых стран знаний требуется определенный уровень развития страны-реципиента. Большинство стран «второго» и «третьего» мира не обладают пока достаточными социокультурными предпосылками для того, чтобы концепты, создаваемые и транслируемые развитыми сообществами, эффективно завоевывали и определяли их ментальность, были в состоянии изменить их идентичности и социокультурную логику. Напротив, эти сообщества, на которые якобы направлена интеллектуальная и, в том числе, образовательная экспансия, демонстрируют стойкую приверженность своей ментальной традиции, своей социокультурной логике. Если и имели место изменения социокультурной логики, то в очень ограниченных масштабах лишь в некоторых странах Юго-Восточной Азии. В данных странах мы наблюдаем не вестернизацию под воздействием навязанных им извне западных культурных норм, а продуктивный синтез собственных традиций и западных влияний. Пример развитых стран Юго-Восточной Азии позволяет понять механизм успешного синтеза. Он оказался возможным благодаря особенностям местных интеллектуальных предпосылок. Эти страны на момент масштабного влияния Запада уже имели собственные сложные интеллектуальные предпосылки, и благодаря им они сумели как сохранить свою

специфику, так и плодотворно использовать сложные современные идеи, привнесенные к ним извне.

Проблема большинства стран, которые, по мнению антиглобалистов, страдают от интеллектуальной экспансии Запада, в том, что они фактически страдают не от такой экспансии, а от неспособности воспринять более полно позитивные последствия такого влияния и обеспечить продуктивный синтез своих традиций и инноваций. Пока же в результате неразвитости интеллектуальных предпосылок, необходимых для современного развития, большинство стран развивающегося мира в состоянии воспринимать западные теории лишь в очень упрощенной форме. При такой рецепции происходит не продуктивный синтез, а усиление редуccionистских воззрений, усиление дуалистического начала, приводящее общество к расколу, к противостоянию «почвенников» и «западников».

Основная проблема для модернизации развивающихся стран связана с хроническими трудностями, с формированием более сложных и более адаптированных к требованиям современности моделей идентичности. Если мы посмотрим на ситуацию в развитых обществах, то, несмотря на все страновые особенности, им свойственны модели идентичностей, которые отличаются более сложным, более оттеночным содержанием. Конечно же, сложная, оттеночная идентичность больше характерна для образованных слоев и менее доступна низшим слоям, в силу их ограниченного культурного капитала, но, тем не менее, на всех уровнях социокультурной лестницы развитые общества отличает интернализация более сложных моделей, чем это свойственно странам, входящим во «второй» и «третий» мир.

В современном мире показательным примером способности преодолевать традиционные дихотомии является появление феномена бобо. По мнению автора этого термина Дэвида Брукса, он образован из контаминации двух слов — богема и буржуа, как следствие произошедшего в Америке за последние десятилетия нового исторического синтеза. Благодаря ему веками враждовавшие и отвергавшие друг друга социокультурные слои буржуа и богемы через взаимопроникновение образовали нечто новое — образованный богатый класс. Схожие процессы произошли почти во всех развитых странах, и это результат не только технологиче-

ских или экономических изменений. Но такой синтез пока невозможен в странах «второго» и «третьего» мира, прежде всего, не по экономическим, а по социокультурным причинам.

Если в развитых странах наблюдается интенсивное взаимопроникновение интеллектуальных и буржуазных слоев, синтез интеллектуальных и экономических ценностей, то в развивающихся странах они остаются разделенными. Конечно же, отдельные элементы этих ценностей всегда взаимовлияли друг на друга, всегда были богачи, равнодушные к интеллектуальным ценностям, и были достаточно состоятельные люди искусства. Но все это было достаточно ограниченным явлением, не определяло общую логику формирования социальных позиций и соответствующих им идентичностей. И сейчас в странах «второго» и «третьего» мира все еще сохраняется явно выраженное различие между богатыми и образованными. Такое разделение, кроме создания определенной напряженности между социальными группами, на основе формирования недовольства у сообщества интеллектуалов, обрекает эти страны на отставание из-за несоответствия их социальной стратификации современным требованиям. Ведь главная особенность современности проявляется во все более возрастающем значении образованных слоев для развития общества. А их общественная значимость выражается в том, что во всех развитых странах образованные люди не только получают на порядок больше, чем необразованные, но и имеют высокий престиж. В условиях исторически беспрецедентного повышения престижа интеллектуалов стало возможным возникновение феномена бобо и его таких наиболее репрезентативных представителей, как Стив Джобс, Сергей Брин и Марк Цукерберг. Для Ричарда Флориды такие представители американского бизнеса являются верхушкой нового массового социального феномена — креативного класса. На основе анализа социокультурной структуры развитых стран Флорида пришел к выводу, что именно данный класс стал определять основные тенденции развития современного мира.

По мнению Дэвида Брукса, для понимания изменений социокультурной структуры современного американского общества очень показательными являются свадебные страницы «Нью-Йорк Таймс». Если раньше они стремились показать происхождение

брачующихся, то сейчас указываются четыре обязательных пункта — колледж, научная степень, этапы карьеры, профессия родителей. Именно эти социокультурные маркеры стали сейчас определяющими для американского общества и, в том числе, для его высших слоев. Трансформация социокультурных маркеров общества означает изменение его основных моделей идентичности, а также дискурсов и нарративов, на основе которых они формируются и трансформируются. Такие трансформации, ведущие к формированию новых идеалов успеха и новых классов, олицетворяющих их воплощение, стали возможными благодаря длительной интеллектуальной диверсификации развитых стран. Восхождение феномена бобо и шире креативного класса является итогом социокультурной эволюции, основополагающими предпосылками которой послужили интеллектуальные ценности. В обществах, где не в почете интеллектуальные ценности, их базовыми ценностями и идентификациями являются традиционные версии власти и богатства, и, соответственно, для его жителей характерны более brutальные варианты габитуса и идентичностей. Что же касается ситуации в обществе, где возник феномен бобо, то габитусы его членов Брукс характеризует через такие свойства, как «открытые, спокойные лица», «высокий интеллект и мягкий нрав». При этом представители бобо отличаются особой продуктивностью, и Брукс подчеркивает, что все эти меритократы чудовищно много работают, получая от работы и от сопутствующего ей успеха громадное удовлетворение.

Изменение социокультурных маркеров и идентификационной матрицы ведущих слоев западного общества есть следствие переопределения традиционных идеалов и норм успеха в развитых странах. При этом в данных обществах и в наше время не утратили своего значения такие традиционные критерии успеха, как финансовые достижения или политическая карьера. Они также значимы, но в более диверсифицированном виде, как следствие их синтеза с интеллектуальными ценностями.

А в обществах, где сохранилось господство традиционных и полутрадиционных представлений и норм, власть и богатство все еще остаются основными критериями успеха. В странах «второго» и «третьего» мира власть и богатство не только остаются основными символами успеха, фактически не имеющими конку-

ренции со стороны других идеалов успеха, но также их слишком большая значимость в обществе приводит к обесцениванию других видов успеха. В развитых странах при сохранении значимости традиционных видов успеха появились новые, и, что очень важно, все они подверглись существенной диверсификации. В результате простые дефиниции и возникающие на их основе дуалистические идентификации утратили свое влияние на членов сложного современного общества.

В странах «второго» и «третьего» мира богатые и состоятельные — это представители больше традиционных финансово-торговых и производственных сфер. Представители интеллектуальных слоев если и добиваются финансового успеха, то, во-первых, в очень ограниченном количестве, а во-вторых, они из-за своей ограниченной представленности в верхних слоях не в состоянии изменить ценностно-смысловую структуру политически и экономически доминирующих групп. Большинство же представителей интеллектуальных профессий в этих обществах по своим доходам очень редко выходят за пределы среднего класса и чаще всего занимают его низшие ступени.

— Из Ваших примеров можно сделать вывод, что возможности трансформации наших идентификаций зависят в основном не от экономических, а от базовых представлений общества, от его идеалов и ценностей.

— В основе индивидуальных и групповых идентичностей лежат определенные социокультурные дефиниции и представления, выполняющие для членов общества функции базовых ориентиров и когнитивных предпосылок. И такие глубоко укорененные в традициях представления эффективно формируют приоритеты и предпочтения большинства членов общества. Пусть, как правило, основная часть их считает свой выбор глубоко индивидуальным, но, вместе с тем, оказывается, что они регулярно следуют тем образцам, которые общество эффективно внедряет в их сознание и души. Общество имеет множество возможностей для очень эффективного индуцирования своих членов, формируя у них нужные обществу представления и желания. При той типизированности представлений и поведения членов любой социальной группы трудно не согласиться с выводом Чарльза Бирда,

утверждавшего, что общество может вызывать у нас «стереотипизированные ментальные возбуждения». Конечно, всегда существует определенная доля неконформистов, которые часто демонстрируют отказ от господствующих в этом обществе ценностей и норм. Однако социологи весьма скептически оценивают самомнение неконформистов, считающих себя совершенно другими, противоположными и совершенно отличными от массы конформистов. Дело в том, что социокультурные нормы вездесущны и неконформисты, отрицая одни нормы, вынуждены принимать другие. Очень часто их приверженность к своим неконформистским нормам бывает более жесткой, чем подчинение нормам презируемого ими среднего конформиста. Социологическое видение конформизма и неконформизма очень точно выразил Тимоцу Шибутани, определив неконформизм как неизбежный частный случай конформизма.

В связи с проблемой нормативной обусловленности общества и отдельного человека я бы хотел еще раз сослаться на Дэвида Брукса. Он, анализируя смену нормативных экспектаций в современном американском обществе, иронично отмечает, что после крушения традиционных паттернов Америка не стала «заколдованной страной», лишенной иерархии, этических норм и социальных различий. По его мнению, нормативное регулирование и, в том числе, социальная иерархия нигде не исчезли, поменялись лишь критерии формирования социальных стратификаций и господствующих паттернов. При этом новые способы стратификации и лежащие в основе паттерны оказались не менее жесткими, чем традиционные. В результате, в Америке не наступила анархия и не утвердилось эгалитарное общество, а лишь вместо ценностей и критериев WASP возобладали ценности меритократии. В Америке, по мнению Брукса, произошла статусная инверсия, но отнюдь не их полное исчезновение.

То же самое мы можем сказать о любом обществе, где происходит оспаривание традиционных статусных определений и, в целом, базисных паттернов. Атаки диссидентов на нормативную систему того или иного общества имели и будут иметь место в будущем. И конфликты по поводу норм и статусов не проходят бесследно для нормативно-статусной системы общества. В результате таких конфликтов существующая статусно-нормативная

система неизбежно подвергается тем или иным изменениям. Порой они могут показаться крайне радикальными, а с точки зрения содержательно мыслящих наблюдателей, и абсолютными. Но если мы будем рассматривать феномен норм и статусов исходя из структурной логики, то избежим таких поспешных и, конечно же, ложных выводов об абсолютной отмене статусно-нормативных отношений. Очень многое может измениться в обществе, но одно остается неизменным — любое общество будет нормативно структурировано и будет иметь определенную систему статусов. Нормы и статусы являются конститутивными факторами любого общества.

Социология исходит из истины, что вся наша жизнь подчиняется тем или иным определениям, состоит из исторически выстраиваемых таксономий, принуждающих нас гештальтов и принятых в обществе способов интерпретаций. Поэтому все мы, как конформисты, так и те, кто считает себя абсолютными нонконформистами, видим мир под определенным углом зрения, или, как учит нас теория фреймов, в определенных рамках, следуем сложившимся установлениям и ценностным ориентирам. При этом следует различать степень значимости общественных определений и установлений. Они имеют различную степень значимости в зависимости от их масштаба и укорененности в том или ином обществе. К важнейшим определяющим наше существование категориям относятся такие понятия, как «жизнь», «человек», «общество», «власть», «труд», «успех».

— Значимость таких базовых категорий для нас очевидна, но желательно более конкретизированно рассмотреть их влияние на человека и общество.

— Очень часто люди, принимая те или иные решения, не совсем представляют себе, что их решения предопределяются влиянием на них таких базовых категорий. Возьмем для примера такие понятия, как «жизнь» или «общество». На первый взгляд, здесь не нужны никакие метафизические ухищрения, средний человек может сказать, что эти понятия отражают реальность, в рамках которой мы существуем. Или, если сказать в терминах ленинизма, хорошо знакомого старшему поколению советских людей, то, что мы считаем жизнью или обществом, является

«объективной реальностью, данной нам в ощущениях». Но оказывается, что как эти ощущения, так и сами последствия взаимодействия с этой реальностью зависят от того, как они определены или сконструированы. Когда представители конструктивистской парадигмы говорят о них как о сконструированных, то они имеют в виду не целерациональное конструирование, а исторически сложившиеся и во многом непреднамеренно сформированные способы общественной жизни. В результате под воздействием условий своего формирования приведенные нами фундаментальные категории оказываются не только содержательно неоднозначными, но очень часто прямо противоположными друг другу. Так, определение жизни у гедониста или аскета, буддиста из Тибета или успешного менеджера из Нью-Йорка будут радикально противоположными. Между ними, несомненно, может быть нечто общее: так, аскет не только может воздерживаться, но и получать удовольствие от своего воздержания. Тем самым его концепция жизни также включает в себя элемент наслаждения. Также же мы можем допустить, что гедонист, устав от привычных удовольствий, может искать их в аскетизме. Мы также можем допускать, что буддист может быть успешным менеджером, а менеджер быть последователем буддизма. Но в целом жизнь, которая определяется в категориях наслаждения или воздержания, отрешенности или активизма, влечет за собой очень устойчивые и принудительные последствия для тех, кто видит мир и достигает самоопределения на основе данных категорий.

То, что понятие «жизнь», как и все другие категории, это не отражение некой глубинной реальности, и реальности однозначной, мы можем убедиться, рассмотрев любую концепцию жизни. Так, в современной жизни мы часто встречаем высказывания о необходимости возврата к естественной и непосредственной жизни. И одним из самых известных и неординарных сторонников такой жизни был философ и поэт Торо. Он, устав от суеты индустриальной жизни, желал жить простой и мудрой жизнью, а для того, чтобы жить «глубокой» жизнью, по его мнению, необходимо «отсекать все, что жизнью не является». Но вопрос, чем же является «глубокая жизнь», или вариант «настоящая жизнь», и что нужно отсекать от нее, это вопрос определений и интерпретаций, обусловленных той или иной традицией, ее системой ценностей и

предпочтений. И в результате такой опосредованности наших представлений о жизни получается, что мы живем в различных реальностях, в зависимости от наших определений жизни, и достичь единого мнения в этом вопросе человечеству еще не удавалось, и в будущем перспектива консенсуса также не просматривается.

Влияние базовых когниций того или иного общества на людей Питер Бергер и Томас Лукман очень хорошо демонстрируют на примере психологических проблем жителей Нью-Йорка, особенно его интеллектуальных слоев, а также жителей гаитянской деревни. В силу особенностей общественной жизни для гаитян часто свойственны проявления одержимости, а среди интеллектуалов Нью-Йорка много невротиков. Для них, из-за существования в определенном общественном контексте, эмпирически очень часто неизбежными становятся такие реакции на жизненные ситуации. Если бы гаитянин с детства был знаком с симптомами невроза и был помещен в нью-йоркскую среду, то, наверное, он бы так же когда-нибудь обнаруживал в себе и демонстрировал окружающим невротические признаки. И, соответственно, если бы житель Нью-Йорка попал в гаитянскую среду с детства, то и он мог бы иметь склонность к одержимости, как и большинство окружающих его социальных деятелей.

Поэтому результаты, к которым приходят отдельный человек, группа или общество во многом и предопределяются базовой концепцией жизни, которой они придерживаются. В большинстве периодов человеческой истории почти все сообщества формировали себя, поддерживали свою групповую общность на основе аскриптивных определений. В рамках таких предписанных определений достигалось эффективное соответствие индивида стандартам сообщества и тем самым минимизировалось стремление отдельных индивидов как-то выделяться из этой среды. Впоследствии сформировались более динамичные концепции жизни, которые способствовали как существенному изменению жизни отдельных обществ, так и открытию несравненно более широких возможностей для индивидуализации своих членов. В целом, можно говорить о концепциях жизни, где преобладает если не квиетизм, то большее стремление к сохранению существующего его способа, и о концепциях жизни, где преобладает стремление

их изменять. Ни те, ни другие несовершенны, у каждой есть свои достоинства и недостатки. Первые — ориентируют людей на психологически более комфортные отношения, но не способствуют технологической и экономической эффективности, вторые — способствуя небывалым достижениям человечества в развитии технологий и повышении уровня жизни, вместе с тем, одновременно способствовали и повышению его психологических издержек. В результате влияния концепции жизни, основанной на постоянных изменениях, невротизм стал почти повсеместным атрибутом современных обществ. Одна из самых вдумчивых и тонких исследовательниц психологии современных людей Карен Хорни не случайно одну из главных своих работ назвала «Невротическая личность нашего времени».

— Действительно, технологический и экономический прогресс порождает и множество грустных последствий. В связи с такими последствиями как Вы прокомментировали бы возможности пересмотра современных концепций развития человечества и возможности найти его более взвешенные, более сбалансированные модели?

— Человеческую историю можно рассматривать и как хронику непреднамеренных последствий его желаний. Наши желания являются причиной и прогресса, и наших проблем. В периоды, когда люди устают от проблем, во многом являющихся следствием их деятельности, наблюдается спрос на концепции, утверждающие отказ от ценностей достижительности и прославляющие более созерцательное отношение к жизни. Поэтому наша история — это сочетание различных моделей активизма и ламентаций по поводу их последствий. С вступлением человечества в современную стадию развития ламентация по поводу ее издержек стали постоянным фоном нашей жизни. В последние десятилетия в связи с ростом экологических рисков и, как уже отмечалось, более конкретизированным пониманием психологических издержек прогресса такие концепции стали еще более популярными. Однако одного лишь осознания негативных последствий той модели жизни, которой мы в основном придерживаемся, оказывается недостаточно, чтобы изменить ее или отказаться от нее. Неудачи, связанные с попытками изменения концепции совре-

менного развития и ее последствий, регулярно подтверждаются как на индивидуальном уровне, так и на уровне обществ в целом. Во-первых, человечество по своей природе не может избавиться от сравнений, и тем самым его представители обречены на стремление к достижению результатов своих успешных соседей. Во всех обществах имеются свои версии известной американской притали «Keeping up with Joneses». Если все соседи, живущие в рамках определенного сообщества бедны, то они найдут способ быть недовольными в сравнении с другим сообществом. Так было во все времена, но особенно эта проблема обострилась в нашу эпоху, благодаря прогрессу способов трансляции различных моделей успеха. Многие из тех, кто по тем или иным причинам лишен возможностей быть успешным, испытывают глубочайшие чувства фрустрации и гнева. Во-вторых, достигнутый уровень очень часто делает людей заложником его результатов, так как не только его дальнейшее повышение, но даже поддержание его на прежнем уровне требуют от человека постоянных усилий, сопровождающихся неизбежными психологическими издержками. Однако большинство современных людей, запрограммированных на постоянное повышение своего уровня, не могут позволить себе остановиться, тем более вернуться на более низкий уровень. Потеря привычного уровня жизни, перспектив дальнейшего роста для человека — это не только крушение надежд, которые, как мы знаем, во многом навязаны обществом, но и нередко это может привести к крушению его идентичности. И редко кто способен после краха своей идентичности суметь выстроить новую самоидентификацию, не уступающую прежней по своей общественной значимости.

Сложность выхода за рамки идентификаций, фактически безальтернативно навязываемых обществом, в том, что люди, как правило, лишены реальных возможностей для альтернативы. Система самооценки человека — результат воздействия на него не только социокультурных абстракций. Она во многом формируется и воспроизводится под воздействием референтных групп. Особенно значимыми для человека оказываются референтные группы, состоящие из родственников, друзей, коллег и людей, с которыми его объединяют общие верования. Отношения с такими группами имеют очень большой потенциал принудительности, и

поэтому они жестко детерминируют взгляды и желания человека. Большинству нормальных людей (при всей неоднозначности понятия «нормальный человек») очень трудно противостоять принудительной силе отношений со «значимыми другими». Такие отношения, по мнению Питера Бергера, образуют силовые линии общества. И он сочувственно предупреждал об опасностях, которым будет подвергаться человек, если он будет игнорировать силовые линии общества.

В современную эпоху, как правило, человек, который решил остановиться и выйти из игры, будет идентифицирован окружающими как "ненормальный", как "лузер" или еще через какой-либо негативный маркер. Поэтому ему приходится терпеть, чтобы не обречь себя на такие оценки, копя внутри себя все переживания и возвращая свои неврозы. При таком давлении общественных требований, отличающих современность, известный философ и психолог Эрих Фромм обоснованно отмечал, что «надо удивляться не тому, что человек сходит с ума, а тому, что он не сходит». Погоня за успехом, стремление быть счастливым при ограниченности или отсутствии возможностей как-то отразить эти желания, а также свою способность достичь их в соответствии с принятыми в обществе образцами неизбежно обрекают большинство людей на ту или иную степень фрустрации. Причины таких массовых фрустраций в том, что в большинстве обществ современного мира успех отождествляется с обладанием такими ограниченными ресурсами, как власть и богатство. Повышенная значимость власти и богатства в системе общественных ценностей приводит и к неизбежной девальвации успехов тех, кто лишен их. В таких обществах все статусы вне власти и больших состояний всегда в той или степени второсортны. Существование их носителей не так легитимно, не так престижно, как у обладателей двух самых общественно значимых ресурсов. Такая система успеха приводит к тому, что большинство амбициозных и талантливых людей в той или иной степени подвержены искушению как можно в большей степени приобщиться к двум самым почитаемым версиям успеха, даже если их способности иногда прямо противоречат человеческим качествам, востребованным для их достижения.

В обществах, где чрезмерно выражены установки на власть и богатство, неизбежно также расширяется и общественное пространство для девиации. Данная проблема в свое время на примере американского общества была исследована Робертом Мерттоном. Ему удалось показать, что в обществе, где придается очень большое значение власти и богатству, также неизбежно возрастает и их привлекательность для большинства его членов. Хотя в американском обществе существует и множество других идеалов успеха, но, тем не менее, особенно в период, когда была написана данная работа Мерттона, они не могли составить особую конкуренцию ценностям власти и богатства. Из-за особой привлекательности данных ценностей в таком обществе фактически трудно найти сообщество, не заинтересованное в повышении своего политического и экономического капитала. При этом некоторые сообщества обрекаются на занятие позиций, лишаящих их возможностей достижения результатов, основанных на легитимных для данного общества идеалах успеха. На примере США Роберт Мертон показал, что такие этнические группы, как ирландцы и афроамериканцы длительное время были лишены возможностей достигать высоких статусов, связанных с властью и богатством. Влияние этих ценностей на них было не меньше, чем на другие сообщества, так как американское общество, как и любое современное, в отличие от традиционных, декларирует, что каждый индивид, независимо от его происхождения, при упорном труде может добиться успеха. Однако в реальности члены некоторых сообществ проигрывают уже на старте и испытывают систематическое отрицание со стороны доминирующих групп общества своих стремлений приобщиться к принятым в нем идеалам успеха. Естественно, будучи также захваченными воздействием господствующих в данном обществе идеалов успеха, они не могут смириться со своей неудачей и ищут доступные для себя пути приобщения к успеху. Для дискриминируемых сообществ, по Роберту Мертону, такие пути преимущественно становятся нелегальными. В этом смысле традиционные общества более успешно контролируют устремления своих членов за счет аскриптивных норм и основанных на них идентичностей. Так, в Древнем мире и в Средние века большинство членов общества, относящихся к низшим слоям, не претендовали на стандарты успеха, закреплен-

ные за высшими сословиями и кастами. Такой запрет был интернализирован на уровне их идентичности, на уровне их габитуса. Благодаря аскриптивным представлениям традиционное общество имело возможность определять для каждой группы свои стандарты притязаний и успеха. Они фактически не пересекались и не противоречили друг другу, поэтому представителя низшего сословия редко могли посетить амбиции, которые были закреплены за представителем высшего сословия. Такие ограничения, несомненно, сдерживали потенциал роста традиционных обществ, но были очень эффективны для поддержания существующего порядка. Конечно, и в этих обществах были свои девианты, и они не могли согласиться со своим местом в этой жизни. Но особенность традиционного общества в том, что абсолютное большинство таких девиантов выражало несогласие со своим личным занимаемым местом в обществе, но не подвергало сомнению легитимность существующего порядка. В современном же обществе мы видим сочетание девиаций как личностных, так и групповых. И для последних в нашу эпоху появилась масса возможностей, которые отсутствовали в досовременную эпоху. Среди них, прежде всего, можно отметить легитимность притязаний на успех и процветание со стороны представителей любых социальных групп. Социальные и политико-юридические ограничения, характерные для традиционных обществ, ныне невозможны, поэтому невозможно и удержать массы от притязаний, которые если не для большинства из них, то, по крайней мере, для значительной части, фактически недостижимы. В результате в структуре современного общества заложена аномия, являющаяся причиной как позитивных, так и негативных устремлений.

— Как Вы оцениваете движение дауншифтинг, связанное с добровольным отказом от своего статуса и даже стремлением к его понижению, для того чтобы добиться более спокойной и уравновешенной жизни?

— Дауншифтинг — это одно из проявлений стремления современного человека защититься от напряжения, выйти из жизненной гонки с ее неизбежными смысловыми и эмоциональными потерями. Но пока дауншифтинг остается уделом небольшого числа склонных к рефлексии успешных людей. Большинство же

тех, кто оказывается вне своих статусных позиций, не выбрали это состояние, а просто не выдержали напряжения или оказались в этой ситуации из-за последствий неблагоприятной социально-экономической конъюнктуры.

В дальнейшем, конечно же, человечество не оставит попыток нахождения если не гармонии, то, по крайней мере, более уравновешенных состояний. И в каких-то сообществах получают более позитивные синтезы активизма и созерцательности, повышение экономического благополучия, не исключающего духовный рост человека. Такими примерами могут служить японское общество или тот же феномен бобо в Америке. Но очень часто люди в поисках путей преодоления негативных последствий современного развития склонны к редуccionизму, нередко в его фундаменталистской версии. Для редуccionистских концепций жизни, при всех их содержательных особенностях, общим является то, что они формируются методом исключения и противопоставления. Представители таких концепций жизни, опираясь на доступные им когнитивные ресурсы, обнаруживают устойчивую склонность к жесткому противопоставлению своих упрощенных представлений о жизни, которые видятся им как безусловно «правильные», «истинные», моделям жизни, которые объявляются ими «неистинными» и «неправильными». Но все эти представления не являются буквальным отражением той искомой «истинной реальности». Мы должны всегда помнить, что то, что мы объявляем истиной, есть результат наших когнитивных возможностей и ценностных предпочтений. На мой взгляд, когда мы оказываемся в состоянии очередного «просветления» по поводу новой версии «истинной жизни», то не лишним будет вспомнить предостережения Ханса-Георга Гадамера, обоснованно считавшего, что, когда мы провозглашаем обнаружение «некоего райского прасостояния, предшествующего грехопадению мысли», то, как правило, оно является «слишком поспешным уподоблением нашим смыслоожиданиям».

Стремления игнорировать необходимость такой неприятной рефлексии являются, конечно же, психологически удобными, но малоперспективными с точки зрения получения тех результатов, которые ожидаются верующими в эти райские прасостояния. *Mutatis mutandis* это верно и для тех, кто переносит достижение

идеального состояния общества в будущее. Наша история, к сожалению, это убедительно подтверждает.

Идентичности формируются на основе определенных представлений о человеке, и каждая эпоха, каждое общество создают свои идеалы человека. Так, в Древнем мире образы аристократии, воинов и простолюдинов служили эффективными лекалами формирования соответствующих типов людей. В Средние века такими образцами были рыцари, служители церкви и крестьяне. Люк Болтански и Лоран Тевено иронично отмечают, что в последнее время мы не наблюдаем появления святых, так как в наше время святость не служит для людей привлекательным образцом. На основе идеалов и каталога добродетелей, связанных с феноменом джентльмена и буржуа, появились типы людей, имевших влияние не только в Западной Европе, но и во всем мире. Базовые образцы человека Аласдер Макинтайр определяет как характеры и считает, что викторианская Англия определялась характерами учителя, исследователя и инженера, а кайзеровская Германия — офицера, профессора и социал-демократа.

Понижение интеллектуальной планки в советском обществе во многом связано с тем, что идеальной фигурой, основным типом советской антропологии стал простой человек. Советский идеал человека, конечно, тоже был в определенной степени дифференцированным. Если этот идеал представить как определенный континуум, то в нем присутствовали и довольно сложные образцы, и самые простые. Но в силу социокультурной структуры советского общества в нем преобладали различные версии простого человека. Он удовлетворялся не только достаточно простыми условиями жизни, особенно по сравнению со стандартами быта развитых стран, но и в своих интеллектуальных и социальных требованиях также стремился к «нормальным», то есть к простым и понятным представлениям.

В советском «нормальном» человеке приветствовались, прежде всего, общительность, открытость и отзывчивость. При этом данные нормы, определяемые как позитивные, как, впрочем, и в любом другом обществе, не воплощались буквально и однозначно. Наверное, лишь общительность принималась советскими людьми как безусловная ценность. Что же касается отзывчивости, то эта норма, хотя была значима для советских людей, вме-

сте с тем и нередко отвергалась. Неоднозначное отношение к отзывчивости в советском обществе с 70-х годов утвердилось в виде максимы: «Кого волнует чужое горе?» Чаще всего эта максима звучала в более брутальной форме.

В советском обществе особенно не приветствовалось необщительность, замкнутость, интеллектуальное высокомерие. Советские люди нередко мирились с высокомерием чиновников, и сами при первой возможности демонстрировали высокомерие к нижестоящим. Но они с возмущением отвергали в других непонятность, нежелание быть открытым для окружающих и, самое главное, интеллектуальные и стилистические отличия от них. В повести «Принц Госплана» Виктор Пелевин очень точно характеризует массовую советскую установку, сформированную на основе господствующего идеала человека и способов межличностного общения. Начальник главного персонажа этой повести вызывает его к себе и в разговоре с ним осуждает его за замкнутость и нежелание общаться с сослуживцами. Приводит в пример сотрудницу Люсю, которая, побаиваясь замкнутого коллегу, заявила, что она ни за что не поедет с ним в одном лифте. Герой повести в свое оправдание говорит, что никогда не ездил с ней в лифте, при этом он пытается вспомнить, о ком же идет речь. Но раздосадованный начальник отвечает ему, что дело не в ней, а в том, что «надо человеком быть».

Такие же требования быть человеком характерны для любых сообществ. По Альтюссеру, требования «быть человеком» в соответствии с принятыми в обществе идентификациями, пусть и не всегда четко артикулированными, являются интерпелляциями, то есть императивными требованиями, предъявляемыми к членам общества, для того чтобы они соответствовали его базовым образам и нормам.

Проблемы справедливости, свободы и демократии в современном мире

— В последние годы проблема справедливости является одной из главных тем современности. Проблема справедливости волнует всех, как на уровне межличностных отношений, так и на уровне общесоциальном. Не сходит с повестки дня вопрос об установлении и справедливого миропорядка. Какова ситуация с осмыслением данной проблемы в современной социальной теории?

— Действительно, в последние годы наблюдается повышенный интерес к проблеме справедливости. Хотя, конечно, актуальность в общественном дискурсе проблемы справедливости не является особенностью нашей эпохи. Справедливость относится к фундаментальным человеческим ценностям, и попытки ее утверждения восходят к Древнему миру. Известные концепции Платона и Аристотеля по поводу установления справедливого порядка появились как ответы на вопросы, волновавшие жителей Древней Греции. Ответ Платона на эти вопросы, возможно, не понравится большинству современных людей, так как он считал, что каждый должен получать только то, что ему отведено природой. В современных терминах такой подход определяется как социальный расизм. Более приемлемую для современных людей концепцию справедливости предлагал Аристотель. Он пытался совместить две довольно противоречивые установки: с одной стороны, массовое стремление к эгалитаризму, а с другой — стремление получать вознаграждение в зависимости от вклада. Также ценность аристотелевской концепции справедливости заключается в том, что он первый обратил внимание на такую сложнейшую проблему, как феномен сравнительной депривации, объясняя, что многие недовольные питают свое недовольство на основе сравнения себя с более удачливыми другими.

С тех пор появилось множество концепций справедливости, и среди них есть не только ориентированные на пафосные призывы и на очень простые, а значит, на ложные решения данной проблемы, но и достаточно теоретически эксплицитные, более применимые для практической реализации. В этой связи можно

вспомнить масштабную работу Джона Ролза «Теория справедливости», теоретические и практические достижения западноевропейской социал-демократии. Когда мы рассматриваем проблему справедливости в современном мире, то, несомненно, следует учитывать японский опыт ее решения. Один из основателей корпорации «Сони» Акиро Морита обоснованно считал, что в Японии после Второй мировой войны утвердилась одна из самых эгалитарных социальных систем. Благодаря сложной системе учета интересов различных социальных групп в японском обществе, по мнению япониста Сергея Агафонова, «есть недовольные, но нет недовольства». Другими словами, абсолютное большинство японцев считают свое общество в целом справедливым. Поэтому можно сказать, что при всей неизбежной несовершенности всех моделей справедливости в Японии и в ряде стран Западной Европы, наверное, смогли предложить более удовлетворительный вариант решения этой вечной проблемы. Конечно, данные варианты решений проблемы справедливости не являются и не могут быть оптимальными, и специалисты аргументированно обращают внимание на то, как в западноевропейских странах под влиянием политики, основанной на идеях социал-демократии, нарастают отложенные социально-экономические проблемы.

В целом, несмотря на длительные усилия человечества по достижению справедливости, в XXI столетии, говоря о ней, мы вынуждены согласиться с выводом Алена Бадью, что «несправедливость ясна, а справедливость темна». И пока в силу закона жизни, обусловленного тем, что позитивное является более сложным, чем негативное, и, соответственно, более трудноопределяемым, мы должны ясно понимать, что никогда не обретем однозначной и универсальной концепции справедливости. Все известные концепции справедливости, а также попытки их реализации учат нас тому, что в этом вопросе мы никогда не достигнем абсолютной гармонии и завершенности. Каждый раз, когда кажется, что торжество справедливости уже близко, оно каким-то образом утверждается не в том виде, и мы вынуждены вспоминать печально-ироничный вывод: «Справедливость — это спектакль, премьеры которого каждый раз откладывается».

— Действительно, всегда более трудно определять позитивные явления, чем негативные, и этот закон неизбежно проявляется и в наших попытках определить феномен справедливости. Но, тем не менее, ведь существуют самоочевидные истины, и на их основе мы интуитивно чувствуем, справедливо или несправедливо решается тот или иной вопрос, справедливо или несправедливо распределяются общественные блага. Не так ли?

— Да, интуицию нельзя сбрасывать со счетов, но мы также должны помнить, что она может быть и обманчивой. Ну, а если серьезно, то, что мы сегодня считаем интуитивным пониманием универсальной социальной справедливости при историческом взгляде на этот феномен обнаруживает четко выраженные социокультурные особенности. То есть то, что кажется самоочевидным, или то, что в той или иной степени пробуждает интуицию человека того или иного общества, может оставить достаточно безучастным представителя, выросшего в другом обществе. Давайте вспомним самоочевидные принципы, связанные с правами человека в Декларации Независимости. Много ли мы найдем в истории аналогов таких «самоочевидных принципов»? Хотя у других сообществ существуют свои «самоочевидные истины». Если мы будем учитывать, насколько сильно могут расходиться «самоочевидные истины» и «интуитивные прозрения», свойственные представителям различных обществ, то тогда нам следует быть более осторожными и с основанными на них выводами. Хотя я отнюдь не считаю, что они не должны учитываться, в том числе и в вопросах справедливости. Но если мы будем полагаться в вопросах решения проблемы справедливости больше на интуицию, чем на разработку эксплицитных концепций и необходимости продумывания реалистичных путей их применения на практике, то вряд ли стоит ожидать не только торжества справедливости, но и установления более или менее справедливого порядка.

Рассматривая распространенные споры по поводу справедливости, мы обнаруживаем, что, когда говорят о достижении справедливости, в основном имеют в виду решение двух проблем — распределения благ и признания. Это вековые и даже, можно сказать, вечные проблемы. Но человечество не оставляет попы-

ток их решения, предлагая самые различные версии справедливого распределения общественных благ и признания человеческих заслуг. Такие концепции варьируются от самых радикальных до более компромиссных вариантов. Мы, бывшие советские люди, являемся свидетелями попытки радикального утверждения социальной справедливости, вначале в масштабах одной страны с последующим переносом этого опыта справедливости на общечеловеческий уровень. Однако эксперимент завершился в рамках нескольких стран, и его результаты могут служить, скорее, негативными, чем позитивными примерами в деле утверждения социальной справедливости. Попытки утвердить эгалитарное общество провалились, так как они не соответствовали онтологическим законам социальных систем. В реальности политика эгалитаризма в странах социализма привела не к утверждению всеобщего равенства, а к собственной версии социальной стратификации. Жесткая, возможно, чрезмерно жесткая ирония Джорджа Оруэлла, что «все животные равны, но некоторые равнее», является не только высмеиванием иллюзий по поводу установления равенства в странах социализма, но и проявлением универсального социального закона, не допускающего установления абсолютного равенства.

Стратификация советского общества и других стран «народной демократии» еще раз подтвердила печальную истину, что эгалитаристские доктрины могут порождать массовые надежды о равенстве, но не могут создать такой социальный порядок. Ликвидация богатых в странах социализма не привела к утверждению равенства, а лишь воссоздала другую версию неравенства, где также были свои «богатые», свой «средний слой» и свои «бедные». Мы знаем, что в советском обществе была и своя привилегированная группа — номенклатура. В эту привилегированную группу по квоте попадали ограниченное количество известных рабочих и крестьян, а также представители интеллигенции, но ее основу составляли руководители различного ранга. В определенной степени можно согласиться с Джиласом в том, что номенклатура была «новым классом», возникшим во всех странах «народной демократии». Отсюда можно сделать вывод, что феномен номенклатуры или «нового класса» есть следствие структурного закона таких общественных систем.

Конечно, если сравнивать с нынешней ситуацией в постсоветских странах, то в советском обществе было относительное равенство и, по крайней мере, разрывы в доходах не достигали и не могли достичь современных величин. Однако расчеты Михаила Восленского свидетельствуют, что разрывы в доходах между номенклатурой и простыми рабочими и крестьянами были очень существенными. Но психологически эти различия воспринимались менее болезненно и не порождали столь массовой относительной депривации из-за того, что верхние слои не могли позволить себе «демонстративное потребление», как это происходит в постсоветских обществах.

Вместе с тем, достигнутое относительное равенство большинства советских людей отнюдь не способствовало не только утверждению действительного равенства, а также не так однозначно способствовало укреплению братства. И Иосиф Бродский, проживший значительную часть своей жизни в социальных условиях, во многом сформированных на принципах советского эгалитаризма, пришел к выводу, что: «равенство исключает братство, и в этом надо разобраться». Действительно, попытка утверждения советской модели эгалитаризма требует своего трезвого анализа, а не экзальтированного воспевания или такого же отрицания.

В целом проблема справедливости полностью не разрешима по нескольким причинам. Если взять более простую модель справедливости, связанную с распределением, то человечество никогда не могло и в будущем вряд ли сможет утвердить абсолютно равную шкалу распределения социальных благ. Она подрывается неравенством вклада, и с этим ничего нельзя поделать. Если при установлении абсолютно равного распределения будут довольны менее производительные индивиды или страны, то это вызовет недовольство со стороны более производительных субъектов, вносящих больший вклад в формирование общего блага.

— Получается, что в решении вопросов социальной справедливости человечество обречено находиться между Сциллой и Харибдой между поддержанием индивидуальной мотивации и поддержанием недовольства неравенством в приемлемых рамках. Или такие великие лозунги Французской революции, как «Свобода»,

«Равенство» и «Братство» сохраняют все же какое-то значение? И если они сохраняют свое значение, то мы должны, наверное, руководствоваться не только критериями личной эффективности, но и помнить о тех, кто не может быть успешным и удачливым.

— Согласен с вами, что нельзя игнорировать нужды бедных. Но прямолинейная забота об их нуждах имеет два отрицательных эффекта. Первый заключается в том, что более способные и продуктивные члены общества при чрезмерном обложении их перераспределительными налогами теряет должную мотивацию. Второй эффект связан с незаслуженным вознаграждением тех, кто не мотивирован к интенсивной работе. В результате получения незаслуженных преференций у них будут сохраняться и дальше развиваться иждивенческие настроения. В современную эпоху мы наблюдаем, что это иждивенчество причудливо сочетается с крайне необоснованным самомнением тех, кто, не отличаясь особой продуктивностью, больше получает от общества, чем дает.

Вторая глубочайшая проблема, затрудняющая создание справедливого порядка на любом уровне, начиная от семьи, организации, отдельной страны или мирового сообщества, связана с признанием. Проблема эта фундаментальная, так как мы нуждаемся не только в определенном уровне жизни, но и признании нас как созданий, достойных уважения. Однако человечество устроено таким образом, что такие блага, как уважение, престиж, почет распределяются так же неравномерно, как богатство и власть. И если в отношении распределения последних можно еще принять какие-то политико-юридические меры, то в отношении признания других, наделения их уважением и почетом сделать это, опираясь на политические решения или законодательство, крайне затруднительно. Абстрактные призывы об уважении любого человека или любой культуры, конечно, необходимы для правильного воспитания детей, да и определенной корректировки представлений взрослых. Но фактически, в реальной жизни, люди и страны получают уважение и почет только лишь на основе тех достоинств, которые признаются в определенном обществе и в мировом сообществе в данную эпоху. Можно негодовать по это-

му поводу, можно обижаться, но законы человеческого признания от этого не изменятся, а если изменятся, то очень незначительно. В результате, люди и страны, не обладающие престижными показателями в системе оценок, сложившихся в том или ином обществе или в мировом масштабе, обречены на фрустрацию и негодование. Но обида на внешний мир — деструктивное чувство, если она не сопровождается критическим видением себя.

В целом, надо ясно осознавать, что мы не сможем обеспечить равное признание всех людей. Но история свидетельствует, что в развитых странах удалось изменить положение с признанием и расширением спектра престижных статусов, сумев осуществить рефрейминг идеалов и норм успеха. В этой связи надо отметить, что такой рефрейминг идеалов и норм успеха не только расширил список престижных статусов, но и стал одним из важнейших условий развития таких стран.

— *Как Вы видите возможность такого рефрейминга?*

— Рефрейминг базовых представлений общества — это очень сложный и неоднозначный процесс. Однако развитые страны, как мы видим, за последние три-четыре столетия сумели осуществить несколько масштабных рефреймингов своих идеалов и ценностей. Так, им удалось переопределить ценности, связанные с трудом, профессионализмом, торговлей и другими видами деятельности, имеющими фундаментальное значение для современного развития. Такой рефрейминг способствовал повышению престижа социальных групп, занятых в сфере производства и интеллектуального труда. Современные представления и статусы во многом являются результатом социокультурного рефрейминга, позволившего пересмотреть многие традиционные стереотипы и создать новые рамки восприятия социальных статусов, ролей и отношений. Следствием таких масштабных трансформаций стало развитие более сложных представлений и практик, которые, в свою очередь, способствовали формированию и более продуктивных типов людей. Более сложные представления о социокультурно легитимных видах деятельности и общественном успехе привели не только к росту производительности, но и уменьшению объемов фрустрации в развитых обществах, так как многие из

тех, кто ранее относился к непрестижным группам, смогли обрести недостающее им признание со стороны общества.

Казахстан, как и большинство постсоветских стран, также нуждается в рефрейминге своих базовых социальных идеалов, прежде всего идеалов успеха. Если у нас будет сохраняться существующая структура социальных идеалов, где безоговорочный приоритет принадлежит идеалам власти и больших состояний, то большинство членов общества, не имеющих возможности приблизиться к ним, даже при повышении уровня их жизни будет недовольно своим положением. Они будут считать существующий социальный порядок несправедливым, так как повышение уровня жизни без обладания властными полномочиями и большими состояниями не наделяет их должным уровнем престижа. Мы и сейчас наблюдаем, что под влиянием доминирующих идеалов успеха казахстанского общества большая часть наших среднеобеспеченных слоев недовольна уровнем своей жизни, хотя он, по сравнению с советским периодом, вырос в несколько раз. Среднеобеспеченные советские люди не имели и не могли даже мечтать о малой части того, что имеют сегодня наши люди из данной социальной категории, но при этом первые были больше удовлетворены своим положением, чем вторые. В обществах с высокой статусной динамикой и, самое главное, с представлениями об успехе как результате обладания властью и большим состоянием рост уровня жизни чаще всего приводит не к снижению недовольства, а к росту уровня социальной фрустрации из-за фактора сравнительной депривации.

Конечно, рефрейминг идеалов успеха, престижных позиций в обществе не может полностью решить вопросы с установлением справедливого социального порядка, но он может способствовать определенному перенаправлению человеческих талантов в продуктивные сферы, в те сферы, которые необходимы для современного развития страны. При существующей системе ценностных координат, определяющих успешность человека или группы, наделяющих их почетом и престижем, прежде всего, через обладание властью и богатством, мы не можем надеяться, что большинство талантливых детей и подростков будут мечтать стать инженерами, научными работниками, учителями и врачами, токарями и слесарями. По данной проблеме я хочу привести сле-

дующий пример об идеале успеха в Германии. Мне как-то попала статья одного российского автора о Штутгарте, где он пишет, что в Штутгарте слово «инженер» — это синоним успеха. Такое понимание успеха, а также формирующая его система социокультурных представлений характерны для всех развитых стран. В развитых странах именно представители креативных профессий, в целом, профессионалы, конечно же, туда входят и высококвалифицированные рабочие, наделяются большим уровнем престижа, чем в постсоветских обществах. Различие результатов развитых и отстающих стран, с точки зрения социологии, во многом предопределены их идеалами успеха. Именно идеалы успеха того или иного общества определяют структуру инвестиций талантов и энергий большинства своих членов. В развитых странах люди в большинстве своем инвестируют свои силы и время на образование, в повышение своего профессионализма в продуктивных и инновационных сферах общества. В странах «второго» и «третьего» мира люди значительную часть своих сил и времени тратят на непродуктивные виды деятельности.

— Кто должен осуществить рефрейминг, позволяющий переопределить идеалы успеха и обеспечить большим уровнем престижа профессии и виды деятельности, необходимые для современного развития?

— Рефрейминг базовых идеалов общества — обязанность, прежде всего, «экспертов по определению реальности», то есть философов, писателей, социологов, сценаристов, режиссеров, журналистов. Именно они должны обеспечить определенный культурный сдвиг, изменение ментальных норм, которые, в свою очередь, могут стать основой для того рефрейминга идеалов успеха, который нам необходим. Задача, конечно, очень трудная, но когда-то и в ныне развитых странах господствовали древние аскрипции, и, как следствие, виды деятельности и профессии, являющиеся определяющими для современных обществ, также были не очень престижными и являлись объектами насмешек и презрения. Господствующие социальные группы, одновременно имеющие право на определение реальности и ее легитимацию, отрицали профессионализм и помещали на низшие ступени общественной лестницы тех, кто воспроизводил себя ежедневным тру-

дом, занимаясь определенным видом деятельности. Но постепенно в этих обществах удалось создать более диверсифицированную картину реальности, и в ее рамках нашли свое престижное место и современные профессии. Социокультурная эволюция развитых стран сопровождалась дальнейшим ростом престижа профессиональной деятельности и возникновением условий для формирования соответствующих идентичностей.

— Понятно, что мы нуждаемся в рефрейминге идеалов успеха и базовых видов деятельности в обществе. Но не совсем понятно, как это сделать, и также не очень понятно, почему это получилось в одних обществах и не очень получается в других?

— Количество стран, сумевших обеспечить такой масштабный социокультурный рефрейминг, гораздо меньше, чем тех, которые не смогли его осуществить. И если мы попытаемся разобраться, почему это произошло так или иначе, то обнаружим, что позитивный рефрейминг широкого спектра профессий, позволивший им обрести исторически беспрецедентный уровень социального признания, оказался успешным в обществах, где имелись сложные социокультурные предпосылки. Диверсификацию картины общественной реальности, масштабное переопределение видов деятельности и соответствующих им социальных статусов смогли обеспечить лишь те общества, где была высокообразованная элита. Если мы возьмем пионеров современного развития Великобритании и Нидерланды, то эти страны отличало не только интенсивное развитие технической мысли. В этих странах интенсивно развивались философская мысль, литература и искусство. Список масштабных мыслителей и писателей, повлиявших на развитие данных стран и всего мира, просто поражает. Епископ Беркли, Роджер и Фрэнсис Бэконы, Уильям Шекспир, Самюэль Джонсон, Дэвид Юм, Эдмунд Берк, Адам Фергюсон, Адам Смит — это лишь малая часть выдающихся представителей британской интеллектуальной элиты Средних веков и начала Нового времени. Голландская культура на рубеже Средних веков и Нового времени дала миру таких выдающихся художников, как Иереоним Босх, Брейгели, Рембрандт, таких философов, как Бенедикт Спиноза и Эразм Роттердамский.

Показательно, что первый азиатский феномен современного развития — Япония также имела очень высокообразованную элиту и в целом отличалась общим высоким уровнем образования. Американский специалист по японской истории Джейм Мак-Клейн считает, что в первой половине XIX века Япония по уровню образования занимала третье место после Британии и Нидерландов. Японскую элиту отличала способность синтезировать идеи и ценности трех религий — синтоизма, конфуцианства и дзен-буддизма. Популярность именно последнего религиозного течения в Японии свидетельствует о многом. Ведь дзен-буддизм — это не просто набор верований и ритуалов, его установления отличает очень высокая сложность, и они сформировались и поддерживаются на основе изощренных интерпретаций. Японская аристократия, формируясь в такой сложной интеллектуальной и эстетической среде, была не только военно-политическим центром страны, но и была обязана соответствовать утонченным культурным критериям. Одна из самых проницательных исследовательниц Японии Рут Бенедикт определила самураев как «мастеров меча и пера». И когда перед Японией встал вопрос об открытости перед Западом и о модернизации, то высокоинтеллектуальная элита сумела тонко и эффективно решить эти сложнейшие исторические вопросы. На мой взгляд, трудно не согласиться с оценкой японской элиты в решении таких сложнейших исторических вопросов, данной Питером Бергером. Он назвал этот опыт модернизации «завораживающим примером» деятельности «высокообразованной и вдумчивой японской элиты».

Известный историк Фернан Бродель на очень большом фактическом материале показывал, как в период позднего Средневековья в Западной Европе постепенно формировалась новая образованная и больше ориентированная на ценности предпринимательства аристократия, которая постепенно заменяла аристократию, ориентированную на военные ценности. Именно такая образованная элита смогла создать условия для рефрейминга идеалов успеха.

— Приведенные Вами примеры свидетельствуют об особой роли элиты в развитии своих стран, в том числе их вкладе в формирование более справедливого порядка. Как бы Вы оценили

вклад нашей элиты в развитие страны, в том числе в создание справедливого общества?

— Очевидно, что роль элиты, как в успехах так и в неудачах, более весома, чем роль других слоев общества. Она связана не только с политическим и экономическим весом элиты, но, прежде всего, с ее интеллектуальным и моральным влиянием на процесс формирования общественных норм и отношений. В тех обществах, где элите удалось создать более сложный интеллектуально-ценностный порядок, хотя мы и не наблюдаем установления рая на земле, был достигнут более высокий уровень производительности и установлены более справедливые отношения. Такое положение — во многом результат не только преднамеренного выбора элиты, но и результат того, что основные игроки этого общества научились решать свои проблемы более сложно, а значит, более компромиссно. Им удавалось не доводить котел общественных страстей до крайней точки кипения, прежде всего, из-за более сложной социокультурной структуры общества, в рамках которой находятся несравненно более широкие возможности для позитивного применения энергий его членов. И тем самым они не только предотвращают массовое недовольство, но и обеспечивают высокий уровень жизни для большинства.

— Но в большинстве стран элита не смогла создать благоприятные возможности для развития. Скорее, наоборот, она нередко усугубляла общественные проблемы, тем самым заставляя соглашаться с формулой, что «рыба гниет с головы».

— В какой-то степени можно говорить, что основная вина за имеющиеся трудности всегда на элите, и не только из-за того, что в жизни всегда работает формула «кому много дано, с того и больше спросится». Именно элита задает стандарты общественных отношений и решений возникающих проблем, и поэтому, конечно же, в существующих проблемах всегда больше вины элиты. Но при определении феномена элиты нельзя ставить знак равенства между понятиями «элита» и «политическая элита». А такое непродуманное отождествление для нашего общественного сознания является нормой. И если мы будем придерживаться логики обвинения, то надо больше обвинять интеллектуальную элиту, так как именно она задает базовые стандарты общества,

определяет их, а политическая элита лишь реализует ее идеи и эскизы.

В связи с данным вопросом мне хотелось бы сделать некоторое уточнение. Пословица «Рыба гниет с головы», на мой взгляд, слишком популярна в нашем обществе, она принимается и произносится слишком поспешно, без минимального критического анализа ее содержания. Большинство из тех, кто так часто ее произносит, не хотят или не могут более тщательно подумать над ее содержанием. Им кажется, что все и так очевидно, что данная пословица позволяет надежно диагностировать основную проблему общества и называть его главную причину. Но, на мой взгляд, эта пословица имеет совсем другой смысл, не тот, который вкладывают в нее миллионы наших негодующих сограждан. Её следует понимать, исходя не из социального размещения субъектов, а исходя из функций наших органов, иными словами, мы должны понимать, что наши проблемы начинаются с нашей головы. В этой пословице, на мой взгляд, речь идет о деструктивном влиянии на нас плохого образа мыслей, вызванном «порчей головы», а не отдельных людей, на которых мы слишком поспешно возлагаем вину за свои проблемы, за свою лень, и прежде всего, за интеллектуальную лень. Именно плохое качество мыслей, неправильный способ мышления предопределяют все наши проблемы. И, соответственно, их решение может начаться лишь с изменения нашего способа мышления, с повышения его качества. То, что данная пословица является одной из самых распространенных и, на мой взгляд, искаженно понимаемых, свидетельствует, что мы вместо анализа мыслей в наших головах слишком поспешно переносим вину за свои проблемы на власть.

Такая предрасположенность является одним из концентрированных проявлений инфантильно-инвективного мышления, к сожалению, массово присущего нашим людям. Оно является инфантильным потому, что тяготеет к упрощению и стремлению снимать с себя ответственность, оно инвективно, так как постоянно стремится обвинять окружающих, власть, систему, историю в своих проблемах. В совокупности такие предрасположенности образуют деструктивный тип мышления и соответствующий тип личности, и чем раньше нам удастся преодолеть влияние этой логики, сформировать более объективный способ мышления, тем

раньше может утвердиться и более справедливый порядок. И ответственность за формирование такого мышления прежде всего несет интеллектуальная элита, но для того, чтобы она могла оказать влияние на формирование в нашем обществе более продуктивных представлений, элита сама должна иметь склонность к такому мышлению. Однако наши «эксперты по определению реальности», специалисты по формированию смыслов в силу исторических причин в большинстве своем сами предрасположены к инфантильно-инвективному мышлению и склонны во всех проблемах обвинять власть.

— Но если недовольства и обиды носят массовый характер, то тогда мы должны предполагать, что они обусловлены общественными условиями?

— Различия в возможностях развития неизбежно порождают относительно успешных и неуспешных, и поэтому в жизни всегда есть место для радости, самоудовлетворения, а также для обиды и гнева. Это универсальные человеческие чувства, которые были в древности, есть сейчас и будут в будущем. Человек, который, по его мнению, не вознагражден обществом, так как он этого достоин, живет, пылая обидой. Также пылают обидой множество стран. Люди и страны, длительное время отстающие и в будущем не видящие особой перспективы выйти из сообщества отстающих, как правило, живут с чувством обиды и гнева. И что можно здесь посоветовать? Если такие советы возможны, то мы должны сказать, что обида — вообще-то чувство контрпродуктивное, если она не направлена на самого себя. Потому что обижаться на других — означает видеть свои проблемы не в себе, а вовне. Если не смотреть на окружающую общественную реальность лишь критически, то и в нашей стране у человека всегда есть определенный шанс найти способы для приложения своих талантов, возможность для достижения более высокого статусного и материального уровня. Но это в том случае, если обида направлена не только на других, но и на себя, в таком случае она стимулирует развитие личности. Так и страны, которые не лелеют свои обиды, не ищут внешних причин своего отставания, а ищут точки опоры для роста, способны выявлять для этой цели внутренние ресурсы, имеют больше шансов вступить в конструктивные взаимодействия.

ствия с миром и преодолеть разрыв с передовыми странами. Пример успешных стран Юго-Восточной Азии является наглядным подтверждением такого вывода.

Но самокритичный взгляд на себя и на индивидуальном, и на коллективном уровне встречается довольно редко, он может иметь место, только если человек и общество достигли определенного уровня развития и выработали способность к объективной самооценке. Это очень трудное достижение, и поэтому оно встречается не так часто. В большинстве случаев люди слишком поспешно обижаются на внешние факторы и условия, считают, что им не повезло. В этой связи я часто повторяю ироничные слова Владимира Вишневого: «Не повезло нам лишь с погодой, людьми, эпохой и страной». Можно постоянно жаловаться на среду, можно уехать из страны, но надо помнить, что нельзя уехать от себя. Проблемы есть всегда и везде, однако в любой стране можно достичь успеха, если ты концентрируешься не на своих обидах, а на устранении своих недостатков. Хочется напомнить очень хорошую, по сути, жизненную формулу, выведенную Михаилом Жванецким: «Надо каждый день пять минут думать о себе плохо. Это оздоравливает, как полчаса бега». Жванецкий советует нам, что необходим именно самокритичный взгляд, потому что, когда другие говорят о нас плохо, это совсем другое, как, впрочем, и когда мы направляем свои критические интенции на других, а не на себя. Жизнь устроена так, что для развития, как на индивидуальном так и на коллективном уровне, проблемы надо искать внутри себя, а не увлекаться абсолютизацией внешних негативных факторов.

Проблему с несправедливостью очень часто объясняют воздействием двух негативных сил: внутри общества коррумпированная власть, а вне общества мировое закулисье. Отрицать негативное влияние определенных внутренних и внешних сил нельзя, хотя я лично не верю в конспирологические концепции. По поводу теории внешнего заговора и его влияния на развитие страны есть ироничное высказывание Виктора Пелевина, которое, на мой взгляд, очень точно отражает реальную проблему всех отстающих стран. На вопрос о существовании антирусского заговора Пелевин ответил следующим образом: «Антирусский заговор, несомненно, существует, но проблема в том, что в нем участвует

все взрослое население России». В данном случае нам следует прилагательное «антирусский» понимать как переменную, и она может быть заменена на прилагательные «антиказахский», «антикиргизский», «антиукраинский» — на любой другой этнический или национальный референт. В этом мире, наверное, нет народа, который был бы избавлен от конспирологического комплекса. Однако такая параноя трудно верифицируема, но она и не нуждается в этом. При этом нельзя утверждать, что нет никакого заговора, вопрос в другом. Он заключается в том, что идея внешнего заговора для некоторых сообществ становится основной концепцией объяснения существующих проблем. Тем самым они лишают себя более объективного взгляда на самих себя и поэтому в дальнейшем живут в заблуждении. И, как правило, сообщество, считающее виновным в своих проблемах внешние силы, мало мотивировано для их устранения.

То же самое можно сказать о коррумпированной власти. О ее деструктивной роли написано не только множество эмоциональных, но и большое количество серьезных работ. Но, как и в случае с внешним заговором, коррупция при абсолютизации ее роли приводит к тому, что люди, ссылаясь на нее, легко оправдывают свои более фундаментальные недостатки, считая их только следствием воздействия на них этого зла. Большинство наших людей исходят из того, что если не будет коррупции и влияния враждебных внешних сил, то все у нас наладится и мы станем процветающим обществом. В данном случае мы видим классическую рационализацию, которая успешно оправдывает поведение многих людей за счет распространенной формулы «если». Для того чтобы избежать такой абсолютизации негативной роли коррупции и внешнего заговора, я предлагаю гипотетический эксперимент в духе Джона Ролза. Как известно, он для обоснования своей теории справедливости прибегнул к гипотезе, которую называл «завесой неведения». Смысл такого теоретического допущения, предпринятого Ролзом, заключался в том, что он смоделировал ситуацию, когда люди были бы лишены всех своих знаний об обществе и о себе. И в этих условиях они были бы вынуждены устанавливать для себя новые моральные правила. Считая такой эвристический прием очень продуктивным, я предлагаю смоделировать ситуацию, которую можно применить и к уста-

новке, связанной с абсолютизацией роли коррупции и мирового заговора. Эта гипотеза также использует формулу «если», но при этом эта формула становится не оправданием, а способом формирования более объективного видения существующего положения дел. Такого более объективного видения мы можем достичь за счет того, что мы отвечаем на вопрос, что будет с нами, если завтра вдруг исчезнут коррумпированная власть и внешние силы, мешающие нашему развитию, мешающие формированию подлинно справедливого общества? Если мы будем объективны, то ответ будет следующим: «Общество и мир могут измениться, но вряд ли радикально». Так как исчезновение из нашей жизни двух зол, к сожалению, оказывается, не может автоматически вызвать взрыв трудового энтузиазма, привести к резкому повышению желания учиться и хорошо работать. Если мы будем честными, то должны признать, что наши проблемы всегда имеют прежде всего внутренние причины и лишь потом внешние. Поэтому если вдруг произойдет чудо, и в один день исчезнут как коррупционеры, так и внешние враги, то это не приведет к процветанию и к установлению торжества справедливости. А вместо них очень скоро опять появятся коррупционеры и внешние враги. Последних, как свидетельствует история, если они даже реально не появятся, мы успешно придумаем. Это не означает, что у нашего общества, как и у любого другого, нет внешних недругов и прямо враждебно настроенных против нас сил. Но когда мы для себя интерпретируем их роль в нашей жизни, то очень часто обнаруживаем склонность не только выявлять несуществующие враждебные силы, но и крайне преувеличивать их значение. Поэтому я считаю, не отрицая негативной роли коррупции и некоторых внешних сил, что основные причины наших проблем, в том числе порождающих несправедливость, лежат внутри нас. И теоретический эксперимент с допущением того, что будет с нами, если вдруг исчезнут коррупционеры и враждебные внешние силы, на мой взгляд, позволяет более честно и более широко посмотреть на наши проблемы и на наши недостатки.

Но для такого взгляда нам надо в себе культивировать более объективные установки, культивировать привычку к самокритичному анализу. Именно низкий уровень самокритичности общественного сознания я считаю проблемой, имеющей более нега-

тивные последствия для общества, чем материальные последствия коррупции. Из-за низкого уровня самокритичности наши люди очень часто склонны к самообману, к нежеланию видеть собственные недостатки. Известный историк и философ Робин Джордж Коллингвуд определял самообман общественного сознания как «коррупцию сознания» и считал ее более опасной для общества, чем традиционно понимаемые виды коррупции. Коррупция сознания более опасна по причине того, что порча общественного сознания невидима и плохо осознаваема, но ее последствия более деструктивны, так как на ее основе мы создаем и воспроизводим себя и наши институты.

— При всей сложности обеспечения справедливых отношений в истории человечества мы все же должны признать, что лучше это удастся демократическим странам. В связи с данной проблемой как Вы оцениваете перспективы демократизации казахстанского общества?

— Соглашусь с вами и повторю афоризм Уинстона Черчилля «Демократия — наихудшая форма правления, за исключением остальных», но вместе с тем следует помнить его предостережение, что путь к демократии долг и он должен быть обеспечен необходимыми предпосылками. Игнорирование объективных предпосылок, без которых демократия невозможна, к сожалению, распространенное явление в нашем обществе. Большинство наших людей считают, что построение демократии зависит от нашего желания или, вернее, желания власти. И поэтому они живут, с одной стороны, в уверенности, что установление демократии является следствием их выбора пути развития страны, но вместе с тем они также живут с установкой «мы ждем перемен», которая в свое время была выражена в известной песне Виктора Цоя. То есть большинство наших людей, желающих демократических перемен, ждут их от власти.

Но демократия — это такое состояние общества, которое не является результатом ни целенаправленного выбора народа, ни доброй воли власти. Демократия может сформироваться лишь при наличии в обществе определенных предпосылок, определенных условий. И важнейшими предпосылками демократии являются сложная политическая теория, гражданское общество

и культура взаимопонимания и согласия. История не знает случаев возникновения устойчивой демократии при отсутствии данных предпосылок. Поэтому если мы желаем ответственно подходить к нашему будущему и связываем его, в том числе, с демократическим устройством, то нам следует не предаваться иллюзиям, а нужно выяснить, что позволит обеспечить реальное продвижение в сторону такого устройства нашего общества.

Для начала, чтобы обеспечить объективную диагностику нашего нынешнего общественно-политического состояния, мы должны взять чистый лист бумаги и разделить его линией. Затем на левой стороне написать список обязательных условий демократии, а на правой — список реально имеющихся у нас ресурсов для демократизации. После составления такого списка мы обнаружим, что на правой стороне нашего листа огорчительно недостаточно ресурсов для ускоренного достижения демократического состояния. Из трех базовых предпосылок демократии мы не имеем ни одну и, в лучшем случае, при очень сильном желании можем обнаружить какие-то их зачатки. Особенно прискорбная ситуация с развитием политической теории. У нас она просто отсутствует, и как следствие такой интеллектуальной ситуации — общественность в своем неведении принимают за нее поверхностную политическую публицистику.

При существующем уровне политической теории мы не в состоянии достичь рефлексии по поводу наших возможностей, не в состоянии понять, что надо менять, прежде всего, не политиков, а изменять наши политические, в целом, жизненные установки. А они не могут быть изменены через голосование или митинги. Для изменения нашего мышления и поведенческих установок требуется нечто гораздо большее, чем просто акт голосования и проведение митингов. Нам надо трезво осознавать, что человек не может чудесным образом преобразиться, лишь зайдя в кабину для выборов или через участие на митинге. И с избирательного участка, и с митинга домой возвращается тот же человек с тем же габитусом, сформированным у него всей его жизнью. Человек, конечно же, может пребывать в состоянии демократической эйфории и думать, что с этого дня он теперь будет последовательным демократом. Но, так как он социализировался, начиная с первичных институтов, в авторитарном обществе, то, как прави-

ло, ему будет крайне сложно и даже невозможно так быстро, так целенаправленно изменить свои установки и привычки.

Когда люди желают изменить политическое устройство, то не лишним будет вспомнить Платона, считавшего, что государство возникает на основе господствующих в обществе нравов. Джон Дьюи, внесший большой вклад в осмысление феномена демократии, также неоднократно подчеркивал, что государство является ассоциацией второго порядка по отношению к обществу, которое является первичной ассоциацией. Из такого объективного соотношения общества и государства Дьюи приходит к выводу, что без изменений основ общества невозможны глубокие и прочные изменения политических институтов. Дьюи неоднократно подчеркивал, что успех демократии зависит не от голосований и других явных публичных процедур, а от того, насколько демократические нормы проникли в повседневную жизнь. Предостерегая от преувеличения роли выборов для демократизации страны, он иронично отмечал, что в период электоральной кампании у среднего избирателя на основе предвыборных лозунгов может возникнуть временная уверенность в понимании всех важнейших вопросов общественного развития. Такие заблуждения и иллюзии по поводу демократизации, по мнению Дьюи, проистекают из-за ограниченности наших политических представлений, из-за непонимания, что демократия является не только сложной социально-политической проблемой, но и интеллектуальной. Однако те, кто у нас выступает за диверсификацию политической жизни, очень часто недооценивают эту сложность или, к сожалению, лишены понимания того, что политическая диверсификация невозможна без интеллектуальной и социальной диверсификации. История свидетельствует, что демократия, как самая сложная политическая организация общества, развивалась и утвердилась лишь в тех странах, где была длительная традиция развития сложных социально-политических концепций, длительная традиция формирования традиций демократического взаимодействия во всех сферах общества, а не только в политике.

Постсоветская реальность еще раз подтверждает, что во всех случаях, когда происходило упрощенное отрицание авторитарного государства, оно никуда не исчезало, а воспроизводилось на основе тех же представлений и нравов, на стороне которых

перевес в данном обществе. Можно сказать, что упрощенная логика экспертного сообщества, оппозиционному авторитарному государству, является также одним из важнейших способов его закрепления в авторитарном состоянии.

По мнению известного шведского специалиста по модернизации и истории России Стефана Хэдлунда, именно склонность к радикализму способствовала тому, что российское общество при всех попытках модернизации «оставалось в тисках прошлого». Такие результаты не являются особенностью только России, поэтому вывод Хэдлунда можно экстраполировать на множество стран, где попытки упрощенной модернизации приводили к неизбежному воспроизводству того, что было, и прежде всего, авторитарного государства. Успешная модернизация, которая включает в себя и демократизацию, происходит за более длительный период и лишь при условии сильного иммунитета против редуционистской логики радикализма. А такой иммунитет вырабатывается только за счет достижения социокультурной системой необходимого уровня сложности. Ее отсутствие или недостаточная развитость делают общество и его членов уязвимыми перед соблазнами радикализма и даже повышенно склонными к нему.

Невозможность установления демократии через митинги или только через выборы, порой при отсутствии в обществе минимальных предпосылок к построению демократии были неоднократно продемонстрированы многими странами «третьей волны демократизации». Еще раз подтвердили эту истину и политические события последних десятилетий на постсоветском пространстве, а в последние годы и события, получившие обобщенное название «арабская весна». Ни одной из постсоветских и арабских стран, при отсутствии у них развитого гражданского общества и зрелой политической теории, при отсутствии сложной политической культуры, не удалось чудесным образом утвердить демократию.

В этих странах демократизация была невозможна, так как их народы получили «свободу от», но не имели знания и навыки для формирования позитивной свободы, которую Эрих Фромм определял как «свободу для». Эрих Фромм на обширном историческом материале продемонстрировал, что для утверждения свободы требуется не только освобождение от существующих ограни-

чений, но, главным образом, наличие укорененных знаний и умений, позволяющих практиковать свободную жизнь. Во всех обществах, где они отсутствовали, неизбежно происходило и «бегство от свободы». Казахстанский писатель и режиссер Ермек Турсунов, практически в одиночку пытающийся компенсировать отсутствие моральной философии в нашем обществе, также приходит к печальному и неизбежному выводу, что мы не выдержали испытание свободой. Такой результат был неизбежным, так как нельзя создать свободное общество, не имея достаточного исторического опыта для его утверждения и воспроизводства.

История свидетельствует, что для достижения свободы требуются длительные и систематические инвестиции в сложные знания и умения, позволяющие практиковать свободу, а не просто декларировать свою приверженность к ней. Известный философ Петер Козловски, полемизируя с не менее известным социологом Ральфом Дарендорфом, считавшим, что «Все системы означают рабство», подчеркивал: «Порядок, основанный на свободе, немислим и не может быть реализован без системного мышления». Но наши политические активисты игнорируют, если быть точнее, не понимают необходимость системного мышления, необходимость развития современной социально-политической теории. Они требуют свободу слова, не понимая, что для ее достижения вначале должно появиться слово, должна возникнуть мысль, а лишь затем достигается свобода мысли и слова. Последовательность в достижении свободы мысли и слова является именно такой и не может быть другой. А наши активисты хотят свободы слова при отсутствии самого слова. Под свободным словом и мыслью они понимают набор поверхностных стереотипов, и, к сожалению, у нас пока не просматриваются реальные возможности возникновения более эксплицитных представлений о демократии и свободе.

Как бы нам ни хотелось быстрее достичь свобод, которые мы связываем с либеральной демократией, мы должны помнить, что либеральная демократия — это исторически самый сложный политический порядок, и он не может существовать, не основываясь на сложном социокультурном фундаменте. Когда призывают к диверсификации политической системы, следует помнить, что ее невозможно обеспечить без диверсификации общественно-

го сознания, без диверсификации первичных институтов общества. А диверсификация институтов может быть достигнута лишь на основе длительного развития сложных дискурсивных практик. Истории неизвестны исключения из этого социокультурного закона.

Массовые иллюзии по поводу возможностей быстрого построения демократии, характерные для наших людей, есть следствие крайне упрощенного состояния общественного сознания. Большинство наших сограждан под влиянием упрощенного общественного сознания видят социально-политические проблемы через черно-белые категории. Обладателям такого мышления все ясно, как персонажу советского анекдота, который расклеивал ночью листовки. Когда его задержали, выяснилось, что все листовки были чистыми, без каких-либо записей. На вопрос представителей органов: «Почему на листовках ничего не написано?» советский диссидент отвечает: «Зачем писать, ведь все и так ясно». И до сих пор наследникам советских диссидентов все слишком ясно. Им все ясно, так как они видят общество, власть и себя через очень упрощенные представления. Такой уровень оппозиционного сознания исторически неизбежен, и он одновременно является, наряду с неразвитостью гражданской солидарности, наиболее труднопреодолимым барьером на пути к демократизации общества.

— По Вашему мнению, мы должны ждать, когда в обществе сформируются необходимые предпосылки для демократии или все же мы должны более активными действиями способствовать ее становлению? Ведь нельзя научиться плавать, не практикуясь в плавании.

— Согласен, что, не плавая, нельзя научиться плавать. Но из этой истины не следует, что тем, кто хочет научиться плавать, надо начинать свои опыты в плавании с бурной реки или глубокого моря. Первые опыты в этом деле все же надо начинать с более безопасных вариантов плавания. Я уже приводил примеры, свидетельствующие, что всех неподготовленных пловцов, опрометчиво оказавшихся в беспокойных водах демократии, постигла неудача, и для некоторых последствия такого плавания были фатальными. Для понимания невозможности возникновения демо-

кратии при отсутствии ее базовых предпосылок я предлагаю рассмотреть данную проблему на основе метафоры здания. Любое здание, чтобы оно было прочным, должно иметь крепкий фундамент и устойчивые несущие конструкции. Для здания демократии такими конструкциями и ее фундаментом являются политическая теория, гражданская культура и способность граждан к самоорганизации. Игнорирование базовых предпосылок демократии означает стремление строить здание демократии без фундамента и основных несущих конструкций. Если мы стали рассматривать демократию на основе метафор, то нужно вспомнить и метафору образования, предложенную классиком демократической мысли Алексисом де Токвилем. Он уподоблял парламентскую демократию университетскому образованию, и для соответствия его требованиям, считал он, желающие должны, прежде всего, пройти курс начальной школы. А начальное образование в школе демократии люди получают в рамках повседневной жизни.

— Если даже согласиться с данными доводами, то нам надо развивать и поддерживать критическую мысль, а также иметь возможность для выражения несогласия с действиями власти через митинги и забастовки.

— Полностью согласен с вами, что критическая мысль и свобода слова — необходимые условия для современного развития. Но, на мой взгляд, нам следует, по совету Жака Дерриды, различать критические и клинические дискурсы. Первый из них отличает не только приверженность направленной вовне критической интенции, но и самокритичность, что позволяет обеспечить более объективный взгляд как на окружающую реальность, так и на самих носителей критических взглядов. Главное же отличие клинического дискурса от критического — в его фатальной неспособности к рефлексии. Представителей такого дискурса отличает обостренное критическое отношение к другим при невозможности, хотя бы минимально, применять такое же отношение к себе. Мы, к сожалению, очень часто наблюдаем именно проявления не критического, а клинического дискурса.

Обнадеживает, что в последние годы в казахстанском обществе как среди «экспертов по определению реальности», так и в

целом в обществе растет число тех, кого отличает уже более сложный и более объективный взгляд на мир и на самих себя. Вопрос в том, кто будет определять взгляды и настроения масс, — представители более объективных взглядов или носители упрощенных представлений.

Что же касается митингов и забастовок, то они могут быть одним из способов решения конкретных проблем, но не должны быть основными способами изменения политического устройства, и тем более общественной системы. Если мы рассмотрим историю митингов и других акций протеста, то можем убедиться, что их последствия, прежде всего, зависят от уровня развития общества. В более сложных обществах митинги и акции протеста не абсолютизируются, а являются одним из множества способов решения существующих проблем. В обществах, где не сформировались сложные представления и практики, митинги и акции протеста чаще всего становятся основным способом общественных изменений. Социологи, не разделяя слишком благодушные представления власти о существующем порядке, вместе с тем не разделяют и эйфорию по поводу революционных преобразований. Как правило, революционные порывы, выводящие массы на улицы, не приводят к решению системных проблем общества, так как они не могут быть решены таким способом. Общество изменяется, когда изменяются его члены, когда у них формируются другие социокультурные качества. А они изменяются не так быстро, как бы мы этого не желали. При сохранении основных социокультурных качеств все другие изменения не могут обеспечить желаемую трансформацию социальных институтов.

Практиковать сложность*

— Социогуманитарные дисциплины сейчас переживают сложные времена. Это и чисто специфические методологические, и общие для всех экономические проблемы. Кроме всего прочего, социальные дисциплины больше всех пострадали в глазах общественности из-за своей деятельности в период советской власти. Каковы возможности возвращения доверия общества, как социальные науки докажут свои возможности в познании настоящего и прогнозировании будущего?

— Представители социогуманитарных дисциплин столкнулись с целым комплексом проблем, имеющих фундаментальное значение для их деятельности. Анализ кризиса, переживаемого этой сферой познания, в ограниченных рамках нашей беседы объективно затруднен из-за сложности, многоаспектности этой проблемы. Я хочу лишь подчеркнуть, что кризис носит не только чисто методологический характер, кризис господствующей марксистской парадигмы был усугублен эпистемологическим и социокультурным кризисом.

Такое положение в сфере социогуманитарной мысли приводит к тому, что социогуманитарные дисциплины не могут адекватно удовлетворить потребности общества в артикулировании представлений о современности и прогнозировании потенциальных тенденций. В этой проблеме есть еще один аспект, требующий осмысления, а именно насколько общество нуждается в научном, многомерном анализе протекающих в нем процессов. Социальные науки особенно тесно связаны с обществом, и его социокультурные характеристики во многом определяют познавательные возможности социогуманитарных дисциплин.

Что касается возможности прогнозирования, то к тому, что нас ожидает, по понятным причинам, мы испытываем не только академический интерес. Общество, особенно переживающее кризис, наиболее нуждается в прояснении своего будущего. В такой ситуации мы наблюдаем острый спрос на предсказания и соответствующее такому спросу нашествие предсказателей-ясновид-

*Интервью 1995 г. газете «Карагандинский университет».

цев. Но социальные дисциплины, если они претендуют быть научными, не могут давать такие прогнозы. Глобальные, однозначные выводы о будущем — это что-то из другой области. Представителей тоталитарных концепций с претензией на абсолютное постижение общественной реальности и ее будущего выдающийся мыслитель XX века Карл Поппер иронично называл «оракулами». В отличие от «оракулов» ученый должен быть ориентирован на принципиальную неполноту своих знаний и не должен заниматься глобальными предсказаниями.

— *Как бы Вы охарактеризовали ситуацию в современной социальной науке?*

— Однозначно определить ситуацию в современных социогуманитарных дисциплинах невозможно. Социогуманитарные дисциплины относятся к мультипарадигмальным наукам, то есть здесь одновременно и вполне легитимно сосуществует несколько парадигм. Наметившаяся тенденция к признанию принципиальной неполноты любых научных концепций также способствует легитимации плюрализма познавательных норм. Тем не менее в развитии социогуманитарных дисциплин можно выделить определенные тенденции, которые неизбежно отражаются на состоянии всех концептуальных схем и практик в этой сфере. Эти тенденции связаны с эволюционированием от фундаменталистско-эссенциалистских воззрений к многомерным, более сложным концепциям, основанным на реляционном принципе, то есть наблюдается, по крайней мере, в высокоинституционализированных сферах, усиление легитимности диверсифицированных типов научного дискурса, негативное отношение к монистическим воззрениям абсолютистского характера. Следствием этих тенденций является рост эзотеризма в социальных науках и профессиональной специализации. Позитивным результатом таких процессов также является и то, что на смену тоталитарным иллюзиям приходит сложное, более многомерное видение социума и человека.

Мультипарадигмальный характер научной деятельности в сфере социальных дисциплин не означает, конечно, что все парадигмы равны в своих познавательных возможностях. Современные социогуманитарные парадигмы имеют разную степень когнитивной эффективности. Поэтому, как и в любой сфере нау-

ки и производства, прогресс, при всей сложности этого понятия, связан с переходом от менее эффективных к более эффективным структурам. Применительно к науке это означает переход к концепциям с более широкими объяснительными и предсказательными возможностями. Эти возможности больше присущи сложно-структурированным концепциям неклассического типа. Но наука, по определению являясь человеческим предприятием, неизбежно является и ценностно обусловленным феноменом, и поэтому выбор парадигмы, научной концепции связан с целой гаммой ценностно-символических предпосылок. Основой ценностной базы индивида и любого сообщества являются социокультурные импликации и ментальные структуры, и их особенности влияют на условия научной деятельности в рамках данного общества. Ценностно-символические структуры могут быть благоприятными для науки или, как это нередко происходит, блокировать переход к более эффективным научным технологиям. Особенно это характерно для слабодифференцированных социокультурных систем.

— *Как взаимосвязаны тенденции в постсоветской социальной науке с мировыми тенденциями?*

— Для ответа на этот вопрос требуется небольшой исторический экскурс. В отличие от ряда естественнонаучных дисциплин в области социогуманитарных наук Советский Союз не относился к мировым центрам. Были отдельные талантливые представители, но не было школ, оказывающих влияние на состояние социогуманитарной мысли в мире. И то, что в социогуманитарных дисциплинах терминология в основном романо-германского происхождения, является объективным следствием роли американских и западноевропейских школ.

Положение в социогуманитарной сфере советской науки во многом было обусловлено политикой тоталитарного режима. Господствующая моноидеология, изоляция от мировой научной мысли, контактов с коллегами приводили к соответствующим последствиям. Многие научные труды, ставшие классическими для любого представителя социогуманитарного знания в открытых обществах, для абсолютного большинства советских коллег были известны лишь через критические обзоры. Изоляция от мировых

тенденций привела к ситуации, способствующей появлению целых поколений обществоведов, которые уже совершенно не нуждались в контактах с зарубежными школами и были вполне удовлетворены таким автаркическим положением. Для этой части советских обществоведов не было необходимости в запретах на знакомство с немарксистскими концепциями. В этих вопросах между политическим режимом и большинством советских обществоведов возник фактический консенсус, и он был основан не только на совпадении политических принципов.

Для более корректного анализа ситуации в социальной науке и в целом в обществе следует избегать редуцирования сложного спектра взаимосвязей, обеспечивающих легитимность существующего строя в СССР только к насилию, террору. Анализ ситуации в области социальных дисциплин в постсоветских обществах позволяет прийти к выводу, что отчуждение от мира, от современных тенденций было обусловлено не только табу, наложенным тоталитарным режимом. Более серьезному табуированию наша деятельность подвергается интернализированными социокультурными нормами, стилистическими предпочтениями. Стил мышления, стиль жизни определяются, прежде всего, местоположением в определенной культуре, и несоответствие, антагонизм стилей является более фундаментальным разграничением, чем политические разногласия. Я считаю, что и в советское время, и в постсоветский период именно стилистические разногласия были и остаются главным препятствием, блокирующим возможности приобщения к современным социогуманитарным концепциям. Но здесь также следует остерегаться соблазна редуционизма, так как детерминация социокультурных норм не абсолютна, и, кроме всего, сами эти структуры неоднозначны. Поэтому всегда были и есть отдельные течения, группы, индивиды, деятельность которых полностью не совпадает с господствующим стилем. И благодаря этим диссидентам система избежала полной стагнации.

Хочу обратить внимание еще на один аспект проблемы, который в нашей научной литературе является недостаточно осмысленным. На состояние социогуманитарной мысли в советском обществе, особенно на периферии, негативно влияла его слабая институционализация.

— Могли ли Вы более подробно остановиться на этом аспекте научной деятельности.

— Институционализация — это способ оформления определенной сферы человеческой деятельности. Вкратце можно сказать, что социальные институты — это устоявшиеся формы, дифференциация которых способствует специализации человеческой деятельности, и благодаря этому обеспечивается аккумуляция, концентрация социальной энергии. Институционализация определенной сферы означает, что в этой области достигнута такая стадия интернализации институциональных норм, при которой личностная идентификация становится неотделима от институциональных ценностей. Институционализация научной деятельности ведет к тому, что эта сфера достигает определенной стадии автономии от других социокультурных структур, а поведение ученых определяется, прежде всего, профессиональным этосом.

Сложность процесса институционализации в том, что этот процесс не определяется директивами, а носит преимущественно спонтанный характер. Любой социальный институт является результатом длительной исторической интернализации определенных ценностей и норм. Возможность институционализации той или иной сферы человеческой деятельности зависит, прежде всего, от ее культурной легитимности в определенном символическом универсуме. И низкая степень институционализации социогуманитарных дисциплин была обусловлена сложностью культивирования специализированных, автономных позиций в слабодифференцированной культурной среде. Тоталитарные установки правящей группы также негативно отражалась на процессе институционализации социогуманитарных дисциплин.

— В сложный период нашей истории естественные науки, экономические и юридические дисциплины могут внести конкретно ощутимый вклад в дело реформ. Можете ли Вы конкретизировать возможности социогуманитарных дисциплин в этих условиях?

— Начну с прикладных функций социальных дисциплин. Польза от изучения общественного мнения, анализа политической ситуации несомненна. Но в условиях переходного периода, когда резко возрастают семантические и эмоциональные затраты,

обусловленные разрушением традиционных матриц социокультурной системы и неукорененностью новых структурирующих форм, социальные науки могут внести свой вклад в разрешение семантических проблем, преодоление кризиса идентичности и тем самым способствовать формированию нового символического универсума. Однако возможности социогуманитарных дисциплин во многом зависят от заинтересованности общества в достижении неупрощенной артикуляции социокультурных, политических и экономических представлений, в формировании сложноструктурированного интеллектуального капитала. Тогда можно надеяться, что будут соответствующие, адекватные таким потребностям инвестиции в сферу социогуманитарных дисциплин и, что немаловажно, соответствующий интеллектуально-эмоциональный климат.

— *Многие считают, что у Вас слишком усложненный стиль изложения. Не считаете ли Вы необходимым определенное упрощение своего стиля?*

— На мой взгляд, язык должен соответствовать исследуемой реальности, по возможности адекватно ее описывать. В связи с этой проблемой я хотел бы привести слова социолога с мировым именем Пьера Бурдьё, высказавшегося по этому поводу следующим образом: «...Я не пытаюсь сделать речь простой и ясной и считаю опасной стратегией, которая состоит в том, чтобы отказаться от строгости технической терминологии в пользу читабельного и легкого стиля... и по научным, и по политическим соображениям нужно принять, что дискурс может и должен быть настолько сложным, насколько этого требует рассматриваемая проблема. Если люди усвоят, по меньшей мере, что «это сложно», то это уже будет обучением».

Учитывая, что мы с вами работаем в высшем учебном заведении, и в связи с вашими вопросами, хотел бы продолжить свою мысль применительно к проблеме высшего образования. В современных условиях следует произвести переоценку ценностей в системе образования, особенно высшего. Преподавание здесь должно быть не передачей готовых истин от преподавателей к студентам, а приобщением последних к более широкому и сложному семантическому полю, формированием у студентов широкого, бо-

лее диверсифицированного тезауруса. Нам следует в стенах университета культивировать ценность сложности, воспитывать у студентов, говоря словами Мераба Мамардашвили, умение «практиковать сложность». Приобщение студентов к сложности приведет к формированию новой генерации, которая уже не будет удовлетворена упрощенным состоянием социокультурной системы, генерации, понимающей несовместимость простого порядка с требованиями к развитию общества в постиндустриальную эпоху. Университет должен быть местом преодоления редуцированных состояний, а социогуманитарные дисциплины — основным инструментарием воспитания умения «практиковать сложность».

Дополнения к интервью в 2015 году

Вопрос: Есет Жемисбекович, двадцать лет назад Вы ответили на вопросы своих учеников, посвященных состоянию социогуманитарного знания в постсоветском Казахстане. На ваш взгляд, что изменилось и что пока остается неизменным в социальной теории в наше время?

Ответ: Вы сами видите, что за это время произошли большие изменения. Наши социологи регулярно работают в совместных проектах с коллегами из известных в мире научных центров. Конечно, для приобщения к современным концепциям и их интернализации требуется время. Но самое главное — социология стала частью нашего общественного сознания, обязательным элементом казахстанского высшего образования. Такой результат за относительно короткий период времени вряд ли был бы достигнут без активной работы Ассоциации социологов Казахстана. Благодаря АСК и ее президенту Марату Муханбетказиевичу Тажину, а также вице-президентам Серику Тураровичу Сейдуманову и Зареме Каукуеновне Шаукеновой казахстанские социологи, в отличие от представителей других социогуманитарных дисциплин, имеют возможность регулярно проводить конференции, форумы и школы для молодых специалистов. В целом Ассоциация позволила более эффективно и более системно наладить процесс становления социологии в Казахстане. Отмечая роль АСК, мы должны вспомнить вклад в ее организацию и в целом в развитие казахстанской социологии представителей старшего поколения — Матипуллы Салахадиновича Аженова, Наримана Абдрахмановича Аитова, Кенеса Умбетжановича Биекенова. Они сумели заложить основы социальной науки в Казахстане и воспитали социологов, ныне определяющих современное состояние казахстанской социологии.

Дальнейшее развитие казахстанской социологии во многом зависит и от ее востребованности в обществе. Пока, к сожалению, в казахстанском обществе, как и в большинстве других постсоветских стран, спрос на социологические знания, особенно теоретические, остается низким. Такое положение социологии следует признать объективным следствием социокультурного уровня на-

шего общества. Тем более, что даже в более современных обществах социология не обеспечена таким же вниманием, как экономическая наука или психология. По поводу такой структуры общественных интересов Ральф Дарендорф отмечал, что опыт физики доступен всем, опыт биологии — многим, а опыт социальных наук — немногим. Но все это не повод для литаний и для самооправданий казахстанских социологов. Мы не должны ограничиваться лишь опросами и исследованиями, интересными лишь для нас самих. Если мы желаем большей востребованности социологии в казахстанском обществе, то должны писать и для широкой публики. Мы должны быть ответственны за формирование у казахстанцев «социологического воображения» как обязательного условия нашей модернизации.